

Св. апостол Лука, евангелист и дееписатель профессор Николай Никанорович Глубоковский

Профессор Николай Никанорович Глубоковский (1863–1937)
Внутренняя историографическая связь третьего Евангелия и
книги Деяний

Писатель третьего Евангелия и книги Деяний по указаниям
их

Св. Лука – писатель третьего Евангелия и книги Деяний
Профессор Николай Никанорович Глубоковский (1863–1937)

Николай Никанорович Глубоковский родился 6 (19 по новому стилю) декабря 1863 года в селе Кичменгский городок Никольского уезда Вологодской губернии в семье бедного сельского священника Никанора Петровича Глубоковского. Фамилия Глубоковский происходила от названия озера Глубокое, на берегу которого стояла Глубоковская Спасо-Преображенская церковь – в ней более 70 лет дед и прадед Николая Никаноровича служили дьячками.

В большой семье, насчитывавшей пять братьев и две сестры, Николай был седьмым, самым младшим ребенком. В 1866 году, когда ему было два года, отец умер, и семья оказалась в трудном положении: старший брат Петр учился на 5 курсе семинарии, сестры были не пристроены. К счастью, вскоре старшая сестра Анна вышла замуж; новый зять, священник Василий Михайлович Попов, проявил сострадание, и вся семья переехала к нему.

Мать Николая Никаноровича понимала, что учеба является единственным средством для сына найти дорогу в жизни и старалась способствовать этому. Первоначальное образование он получил под руководством сестры и зятя, посещал занятия в местной церковноприходской школе. Подготовка оказалась достаточно слабой, поэтому в 1873 году, по поступлению в Никольское духовное училище, его определили в

подготовительный класс. В училище он занимался усердно и окончил его в 1878 году первым учеником, а в 1884 году – с отличием Вологодскую духовную семинарию, после чего был направлен за казенный счет в Московскую духовную академию. В академии он проучился пять лет, поскольку на четвертом курсе из-за досадного недоразумения с руководством он был уволен, но на следующий год восстановился. В июне 1889 года Н. Н. Глубоковский окончил МДА первым в своем выпуске, имея отличные оценки по всем предметам, со званием кандидата богословия, и оставлен стипендиатом для подготовки к профессуре на кафедре общецерковной истории.

С 16 августа 1889 года по 15 августа 1890 года под руководством известного церковного историка профессора Алексея Петровича Лебедева (1845–1908) молодой ученый работал над магистерской диссертацией о блаженном Феодорите, епископе Киррском [12]. Она принесла автору известность: сочинение вызвало широкий отклик и высокую оценку российских и зарубежных патрологов и историков Церкви.

Осенью 1890 года в судьбе Н. Н. Глубоковского произошел неприятный поворот: из-за случившегося при его обучении на четвертом курсе МДА инцидента, он не был удостоен профессуры и был направлен, в соответствии с общепринятой практикой того времени, преподавателем провинциальной духовной семинарии – Воронежской. Это было нелегким испытанием для молодого ученого. Пережив на собственном опыте трагедию временного расставания с академической средой, Николай Никанорович впоследствии много сил потратил на то, чтобы исключить ситуацию, когда молодые ученые, окончившие академию и полностью построившие свою жизнь в видах дальнейших научных исследований, вдруг оказывались выброшенными за борт духовных академий всего лишь по причине отсутствия свободных преподавательских мест. В позднейшей записке «К вопросу о нуждах духовно-академического образования» [89] он предлагал вводить в расписание академий специальные дополнительные часы, дабы удерживать подготовленные перспективные молодые кадры в

рамках академических структур путем удобной для них возможности приобретать преподавательский опыт, читая спецкурсы.

Целый год (с 18 октября 1890 по 21 октября 1891) провел Николай Никанорович в Воронежской духовной семинарии в качестве преподавателя Священного Писания. Здесь на него обратил внимание правящий Воронежский епископ Анастасий (Добрадин, 1913), посещавший его занятия в семинарии, и летом 1891 года порекомендовал молодого ученого ректору Санкт-Петербургской духовной академии епископу Выбогскому Антонию (Вадковскому).

В результате осенью того же года Николай Никанорович был приглашен на кафедру Священного Писания Нового Завета в СПбДА, на которой трудился сначала в должности доцента, далее с 1894 по 1898 год – экстраординарного профессора, а затем – в качестве ординарного профессора вплоть до 1919 г., когда ему пришлось перейти в Петроградский богословский институт в связи с закрытием академии.

Момент занятия им кафедры Нового Завета в СПбДА в 1891 году был не лишен драматизма: в качестве претендента на эту кафедру влиятельный профессор Василий Васильевич Болотов рекомендовал Александра Петровича Рождественского (1854 – 1930), который и был избран большинством голосов Ученого совета (9 против 4). Но на том же заседании ректор епископ Антоний (Вадковский) предложил кандидатуру Н. Н. Глубоковского, и через 10 дней митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский и Финляндский Исидор (Никольский, 1799–1892) утвердил его своей резолюцией.

Возможные шероховатости первоначального вхождения Н.Н. Глубоковского в профессорско-преподавательскую корпорацию СПбДА были изглажены блестящей деятельностью ученого на ниве библеистики. Это подтверждает и то, насколько высоко ценил Николай Никанорович свое положение профессора в СПбДА, не допуская никаких служебных совмещений и отказываясь от многократных приглашений в его адрес на профессорские кафедры в Санкт-Петербургском и Московском университетах.

К петербургскому периоду деятельности относится не только интенсивная научная деятельность, но и последовавшее признание

Николая Никаноровича как ученого. В 1897 году Московской духовной академией Николаю Никаноровичу была присуждена степень доктора богословия за его сочинение «Благовестие св. Апостола Павла по его происхождению и существу» [6]-[8], которое было удостоено Св. Синодом полной Макарьевской премии. В 1909 году он был избран членом-корреспондентом Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. Он становится также почетным членом Киевской, Казанской и Московской духовных академий, Московского и Петроградского археологических институтов, действительным членом Императорского православного палестинского общества и ряда других научных обществ и братств. В 1904 году ему (после скончавшегося профессора СПбДА А. П. Лопухина) было доверено руководство Православной богословской энциклопедией.

Николай Никанорович постоянно привлекался высшей церковной властью к работе в различных комиссиях, создаваемых при Св. Синоде. Он готовил материалы, посвященные вопросам поводов к разводу (1895) [48], права евреев именоваться христианскими именами (1911) [96], исправления славянского перевода богослужебных книг, устройства русского богословского института в Париже и другие. Он принял активное участие в Предсоборном присутствии 1906 года, где обсуждались разнообразные вопросы преобразования церковной жизни.

Непросто складывалась семейная жизнь Николая Никаноровича. С 1890 года «спутницей его земного странствования», как выражался он сам [74], была Анастасия Васильевна, урожденная Николо-Толмачевская, но их церковный брак был оформлен лишь 27 ноября 1920 года, поскольку с 1877 по 1890 год она была замужем за учителем Николая Никаноровича – профессором МДА Алексеем Петровичем Лебедевым (1908)...

После закрытия в 1918 году большевиками всех богословских школ, в том числе – Санкт-Петербургской духовной академии, Николай Никанорович был одним из тех, кто пытался спасти академию путем ее объединения с университетом. Несмотря на положительное решение Совета университета этому не суждено было сбыться из-за противодействия большевистского режима. И вот тогда «жить стало физически невозможно, – вспоминал Н. Н. Глубоковский, – просто нечего было есть и негде взять» [74]. В сентябре-декабре 1918 года он был приглашен читать лекции, посвященные проблемам объединения церквей, в Упсале (Швеция). [34] После возвращения из Швеции Николай Никанорович преподавал на восточном факультете Петроградского университета и в Петроградском богословском институте, а также состоял архивариусом Четвертой секции Второго отделения Единого государственного архивного фонда (бывший Архив и библиотека Св. Синода). В это время был убит его родной брат, а племянник пропал без вести. Бедствия Николая Никаноровича увеличивались: «от ежедневного физического изнеможения меня самого стали оставлять последние силы, а у жены их уже совсем не было, и она выглядела погибающей былинкой. Кругом буйствовал террор, и каждый звук автомобиля мог предвещать конец». [74]

В этих условиях 16 (29) августа 1921 году Н. Н. Глубоковский вместе с женой был вынужден эмигрировать в Финляндию, оттуда в Германию, некоторое время занимал кафедру Священного Писания Нового Завета в Праге, в 1922–1923 годах читал лекции в Белградском университете.

В мае 1923 года он принял предложение занять кафедру Священного Писания Нового Завета и должность ординарного профессора богословского факультета Софийского университета. Николай Никанорович прибыл в столицу Болгарского Царства 11 июля и остался там до самой кончины, получив возможность продолжить научную работу. Вместе с ним в Софии работали и многие его бывшие ученики. В 1929 году он стал дописным членом Болгарской академии наук. Он читал также лекции в Свято-Сергиевском православном богословском

институте в Париже, являлся куратором Русского христианского студенческого движения в Болгарии.

Всего за свою жизнь Н. Н. Глубоковский написал около сорока крупных работ и множество статей. Великий русский библеист скоропостижно скончался 18 марта 1937 года от болезни почек. Отпевавший его в Софийском кафедральном соборе митрополит Софийский Стефан в прощальном слове назвал Н. Н. Глубоковского «величайшим экзегетом, <...> любящим и верным сыном Церкви, могучим столпом Православия».

К концу XIX – началу XX века русская библеистика достигла наивысшего развития. Изучение Священного Писания было направлено на органичное сочетание церковной и святоотеческой методологии в исследовании библейского текста, с одной стороны, и в привлечении в русле этой методологии новейших западных фактологических разработок. Однако наряду с положительным раскрытием библейско-богословского учения русским ученым пришлось решать проблему апологетического плана, выражая свое отношение к ставшему популярным к концу XIX столетия на Западе «историко-критическому методу». Этот метод получил в русской науке название «отрицательной библейской критики», поскольку предполагал изучение Священного Писания на основе ряда нецерковных предпосылок, первой из которых было отрицание богодухновенности библейского текста и изучение Библии как обыкновенного человеческого литературного произведения. Задачей метода было выделение «подлинных» и «неподлинных» текстов Писания, их датировка и оценка. Аргументируя свои построения, отрицательные библейские критики выдвигали смелые (хотя зачастую – нелепые) гипотезы и предположения, но при этом делали попытку досконально рассмотреть библейский текст в историческом, филологическом, археологическом и других контекстах, чтоставляло их исследования привлекательными в научном плане. К концу XIX века «историко-критический метод» пополнился еще одним априорным постулатом – что библейская история как Ветхого,

так и Нового Завета развивается по гегелевской схеме: «тезис – антитезис – синтез».

В области Ветхого Завета появилась теория Графа Велльгаузена, утверждавшая, что «истинная» история израильского народа была эволюцией от язычества, как и у прочих народов («тезис»), через выступление пророков, учивших о Господе (Ягве) как Едином Боге («антитезис»), до появления в период вавилонского плена священников, предложивших монотеистический культ Господа-Ягве («синтез»). Во второй половине XIX – начале XX века в русской библейской науке появились серьезные аналитические труды профессоров епископа Михаила (Лузина; 1830–1887), протоиерея Николая Елеонского (1843–1910), Владимира Петровича Рыбинского (1867–1944), Павла Александровича Юнгера (1856–1921), а также Дмитрия Сергеевича Леонардова (1871–1915), в которых выявлялись как ложные предпосылки, так и несостоятельные выводы этой и подобных теорий.

В области Нового Завета отрицательную критическую теорию предложила новотюбингенская (баурова) богословская школа в лице Ф. Х. Баура (1792–1860), Д. Ф. Штрауса (1808–1874), А. Ричля (1822–1889) и А. фон Гарнака (1851–1930), которые попытались перенести гегелевскую схему на почву истории ранней церкви. В результате их построений представлялось, что изначальному органическому христианству, видевшему в Иисусе из Назарета только Мессию («петринизму»), стало противостоять движение, возглавляемое св. апостолом Павлом («паулизм»), исповедавшее Христа как Сына Божия. Результатом «борьбы» стал синтез этих учений в лице св. ап. Иоанна Богослова. В данной схеме св. ап. Павел представлялся не верным учеником Христовым, а искажителем Его учения, сделавшим крайние выводы из Его проповеди под влиянием разного рода иудейских и эллинистических воззрений.

Деятельность Н. Н. Глубоковского по изучению богословия св. ап. Павла была направлена как на положительное раскрытие павлова учения по существу, так и на

апологетическое выявление несостоятельности указанных отрицательных воззрений.

В 1897 Н. Н. Глубоковским была защищена докторская диссертация «Благовестие святого апостола Павла по его происхождению и существу» [5], которая стала ядром громадного одноименного исследования в трех книгах общим объемом 2350 страниц [6]-[8]. В этом капитальном труде Н. Н. Глубоковский, полемизируя с бауровой школой, показывает, что учение ап. Павла, расщепленное отрицательными критиками на множество якобы различных идей, на самом деле представляет собой целостную систему и имеет своим источником учение Господа Иисуса Христа. По каждому спорному пункту русский ученый излагает точку зрения отрицательной критики, и демонстрирует, что для объяснения учения апостола Павла как «исключительно человеческого» критике приходится или преувеличивать смысл и значение тех текстов и выражений из иудаизма или эллинизма, которые приводятся как основа Павловых писаний, или преуменьшать достоинство и содержание посланий апостола. Путем всесторонней экзегезы Н. Н. Глубоковский доказывает, что в большинстве случаев приводимые в качестве «исходных» тексты поняты в источниках неправильно и имеют иной смысл. Систематизировав учение апостола Павла, он показывает, что между богословием апостола и его мнимыми «источниками» лежит глубокая пропасть. Однако основная ценность этого труда – не в его полемической части. На каждой странице труда автор раскрывает перед читателем тонкости и нюансы богословия св. ап. Павла, показывает исторический, религиозный и философский контекст не только деятельности святого апостола, но и жизни ранней Церкви. По обилию фактического материала этот труд представляет собой богатейшую сокровищницу и до сих пор остается актуальным и востребованным.

В последующие годы Н. Н. Глубоковский продолжил изучение богословия св. ап. Павла в рамках христианской трилогии: «Благовестие христианской свободы в Послании св. ап. Павла к Галатам» [10], «Благовестие христианской святости

в Послании св. ап. Павла к Евреям» (рукопись объемом 3000 стр., до сих пор не издана) и «Благовестие христианской славы в Апокалипсисе» [11].

Н. Н. Глубоковский занимался также исследованиями Евангелий и книги Деяний. Кроме дореволюционных лекций по Новому Завету в СПбДА (они сейчас готовятся к публикации в Издательстве Свято-Владимирского братства в Москве), его перу принадлежат две работы, написанные в эмиграции: «Евангелия и их благовестие о Христе-Спасителе и Его искупительном деле» (1932) [23], где он решает синоптическую проблему, и «Святой Лука, евангелист и дееписатель» (1932) [32], в которой он видит в спутнике апостола Павла Луке автора Евангелия и книги Деяний.

Другим направлением деятельности ученого было составление подробного текстологического комментария на церковно-славянский и русский переводы Евангелий. Поводом к этому послужило обращение в 1892 году обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева к ректорам духовных академий с просьбой дать анализ неточностей славянского и русского переводов Нового Завета; в СПбДА это было поручено сделать Н. Н. Глубоковскому. С 1892 по 1897 год он подавал замечания и поправки на тексты всех четырех евангелий. Рукописный объем труда составил более тысячи страниц, причем в особом экземпляре Нового Завета с широкими полями поправки были сделаны почти к каждому стиху Евангелий.

Уважительное отношение Н. Н. Глубоковского к Славянской Библии выражено в одноименной статье, написанной в 1932 в эмиграции в Софии [56]. Он особо останавливается на достоинстве древнегреческого текста Септуагинты, с которого был сделан перевод на церковнославянский язык. Ученый высказывает смелую по тем временам мысль о том, что разночтения греческого перевода Семидесяти и традиционного масоретского текста обусловлены не переводческими проблемами первого и не текстологическими погрешностями второго, а могут быть объяснены тем, что они восходят к двум различным редакциям древнееврейского текста. Поэтому-то в Септуагинте находит явное выражение «персоналистический

универсальный мессианиззм», столь хорошо соответствовавший проповеди об Иисусе Христе в ранней Церкви, тогда как в масоретском тексте ученый видит уже «националистически-мессианскую» окраску. Отсюда Н. Н. Глубоковский делает вывод об «особой религиозно-научной важности» Славянской Библии как «почтенного свидетеля византийско-греческого оригинала» текста Ветхого Завета. Предположение Н. Н. Глубоковского о разных «текстуальных типах» подтвердилось текстологическим анализом кумранских библейских рукописей (найденных в 1947–1952 годах и датируемых III-I веками до Р. Х.). Указанный анализ позволил Ф. М. Кроссу и еще ряду исследователей выделить, по крайней мере, три редакции древнееврейского текста (палестинскую, александрийскую, вавилонскую), существовавших до Рождества Христова.

Кроме трудов исследовательского характера Н. Н. Глубоковскому принадлежит целый ряд обзоров русской и иностранной богословской литературы [110]-[116]. Ему же принадлежит интереснейший труд «Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии» [49], в котором он описывает основные тенденции развития, а также вопросы и проблемы русской богословской науки XIX-начала XX века.

Особой сферой деятельности ученого была забота об улучшениях в сфере духовного образования. В 1895 году он разработал новую программу по Священному Писанию Нового Завета для семинарий и направил в Учебный комитет при Св. Синоде записку [88], которая стала основой для пересмотра Учебным комитетом семинарской программы по Священному Писанию. В ней он отмечал необходимость для преподавателя «говорить не столько о фактах во всех их подробностях, <...> сколько извлекать мысли из фактов». В следующем году он пишет в записке в Комиссию по внесению изменений в Устав академий при СПбДА, что богословские дисциплины сильно взаимосвязаны между собой, поэтому введение специализации, понимаемой в привычном для светских наук смысле, невозможно. Первые несколько лет занятий в богословских школах необходимо изучать систему богословских дисциплин в

целом. Однако позже, при занятиях в академии, необходима, по выражению Н. Н. Глубоковского, «сосредоточенность» студента на одной конкретной сфере богословских дисциплин. Такая сосредоточенность «ничуть не мешает основательному знанию, а только объединяет его и потому создается на нем. Она заботится только о том, чтобы свои научные занятия каждый студент мог свести к одному знаменателю и располагал их с осмысленной и понятной для него систематичностью» [88]. В противном случае творческие силы студента гибнут, задавленные потоком разнопрофильной информации. Достичь сосредоточенности можно путем самостоятельного написания студентами специальных работ, прежде всего – кандидатских диссертаций. Полезна будет, с точки зрения, ученого, и возможность выбора студентом интересующих его предметов из ряда альтернативных.

Труды профессора Н. Н. Глубоковского до сих пор практически не утратили своей научной значимости; поднятые и рассмотренные в них библейские вопросы остаются в большинстве своем актуальными. Некоторые работы ученого переизданы или переиздаются в бумажном варианте, но большая часть его научного наследия по-прежнему недоступна для широких кругов библейских исследователей. Учитывая это, Кафедра библеистики Московской духовной академии совместно с Региональным фондом поддержки православного образования и просвещения «Серафим» подготовили более 30 работ Н. Н. Глубоковского в электронном варианте в рамках проекта по созданию электронных книг по библеистике, включая основной труд профессора – «Благовестие св. апостола Павла по его происхождению и существу» (объемом 2350 страниц).

Священник Димитрий Юревич

Библиография основных трудов проф. Н. Н. Глубоковского (полужирным выделены книги, электронные издания которых подготовлены Кафедрой библеистики МДА совместно с Региональным фондом поддержки православного образования и просвещения «Серафим»)

I. Библейско-богословские сочинения

1. Библейский греческий язык в Писаниях Ветхого и Нового Завета. К., 1914, 76 с. Отт. из: Труды КДА, 1914. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
2. Благовестие св. Апостола Павла и иудейско-раввинское богословие // ХЧ, 1897, февр., с. 277–316; № 3, с. 323–372; № 4, с. 566–611.
3. Благовестие св. апостола Павла и иудейско-эллинистическое богословие // ХЧ, 1901, февр., с. 266–287.
4. Благовестие св. апостола Павла и мистерии // ХЧ, 1909, апр., июнь- июль. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
5. Благовестие св. апостола Павла и теософия Филона Александрийского // ХЧ, 1901, март, с. 402–438; апр., с. 566–603; май, с. 720–759; июнь, с. 902–936.
6. Благовестие св. апостола Павла по его происхождению и существу: библейско-богословское исследование. Кн. 1: Введение. Обращение Савла и «Евангелие» св. апостола Павла. «Евангелие» Павлово и иудейско-раввинское богословие, апокрифы и апокалиптика. СПб., 1905, LXX 890 с. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
7. Благовестие св. апостола Павла по его происхождению и существу: библейско-богословское исследование. Кн. 2: «Евангелие» св. апостола Павла и теософия Филона, Книга Премудрости Соломоновой, эллинизм и римское право. Заключение. СПб., 1910, 4 1307 с. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
8. Благовестие св. апостола Павла по его происхождению и существу: библейско-богословское исследование. Кн. 3: Божественность «Евангелия» Павлова и метод обоснования сего в исследовании о нем. Дополнения и указатель содержания первых двух книг. СПб., 1912, 80 с. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
9. Благовестие св. апостола Павла по его происхождению и существу: библейско-богословское исследование, СПб., 1897, XII 290 с.

10. Благовестие христианской свободы в послании св. апостола Павла к Галатам: сжатый обзор апостольского послания со стороны его первоначальных читателей, условий происхождения, по содержанию и догматически-историческому значению. СПб., 1902, 156 с. То же: София, 1935. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.

11. Благовестие христианской славы в Апокалипсисе св. апостола

Иоанна Богослова: сжатый обзор. Джорданвиль, 1966, 115 с. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.

12. Блаженный Феодорит, епископ Киррский: Его жизнь и литературная деятельность: Церковно-историческое исследование. Т. 1–2. М., 1890.

- Т. 1: Жизнь блаженного Феодорита, епископа Киррского. 349 с.

- Т. 2: Литературная деятельность блаженного Феодорита, епископа Киррского. 510 с.

13. Бог-Слово: экзегетический эскиз пролога Иоаннова Евангелия (1:118) // Православная мысль, 1928, 1, с. 29–121. Эл. вариант: М.:

Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.

14. Был ли допущен Иуда предатель к соучастию в самом Таинстве Евхаристии при установлении его Господом Спасителем на Тайной вечере // ХЧ, 1897, май, с. 812–813.

15. Вера по учению св. апостола Павла: по поводу сочинения протоиерея И. Беляева «Учение апостола Павла о вере» (М., 1900) // ХЧ, 1902, май, с. 686–715.

16. Ветхозаветный закон по его происхождению, предназначению и достоинству // Путь, 1928, № 10, с. 43–52. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.

17. Вновь найденный пурпуровый список Евангелия // ХЧ, 1897, кн. 2.

18. Греческий рукописный Евангелистариум из собрания проф. И. Е. Троицкого. СПб., 1897, 256 с. Эл. вариант: М.:

Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.

19. Греческий язык Библии – особенно в Новом Завете, по современному состоянию науки. СПб., 1902, 34 с.

Отт. из: ХЧ, 1902.

20. Греческий язык Нового Завета в свете современного языкознания. Пг., 1915, 36 с. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.

21. Дидаскалия и Апостольские постановления по их происхождению, взаимоотношению и значению // ХЧ, 1916, март, с. 339–360; апр., с. 434–456. То же: София, 1935, 127 с.

22. Евангелие и Евангелия // ВР, 1896, № 7, с. 417–424. То же: Харьков, 1896.

23. Евангелия и их благовестие о Христе-Спасителе и Его искупительном деле. София, 1932, 160 с. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.

24. Замечания о 1-м Послании св. апостола Иоанна Богослова // ХЧ, 1904, июнь, с. 857–877.

25. Из лекций по Священному Писанию Нового Завета, читанных студентам СПбДА в 1896–1897 уч. году. СПб., 1897, 493 с.

26. Искупление и Искупитель (по Евр., гл. 2). Пг., 1917, 100 с. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.

27. Историческое положение и значение личности Феодорита, епископа Кир- рского: речь и библиографический указатель новейшей литературы о блаженном Феодорите. СПб., 1911, 30 с.

28. К вопросу о пасхальной вечере Христовой // ХЧ, 1897, март, с. 508–511.

29. К вопросу о пасхальной вечере Христовой и об отношениях к Господу современного Ему еврейства: по поводу исследования

проф. Д. А. Хвольсона // ХЧ, 1893, июль-авг., с. 84–121; сент.-окт., с. 289–320. То же: СПб., 1893, 70 с.

30. Католический Index и римско-католическая цензура // Странник, 1906, № 4, с. 630–634.

31. Конспект по предмету Священного Писания Нового Завета для переходных испытаний гг. студентов 1–2 курсов СПбДА:

- в 1900 году. СПб., 1900, 5 с.;

- в 1902 году. СПб., 1902.
  - в 1904 году. СПб., 1904, 8 с.
32. Лекции по Священному Писанию Нового Завета, читанные студентам СПбДА:
- в 1891–1892 уч.году.СПб.,1892,365 с.
  - в 1892–1893 уч.году.СПб.,1892,432 с.,литогр.
  - в 1893–1894 уч.году.СПб.,1893,530 VI с., литогр.
  - в 1894–1895 уч.году.СПб.,1895,415, XVI с., литогр.
  - в 1897–1898 уч.году.СПб.,1897,576 с.,литогр.
  - в 1898–1899 уч.году.СПб.,1899,608 с.,литогр.
  - в 1899–1900 уч.году.СПб.,1900,592 с.,литогр.
  - в 1900–1901 уч.году.СПб.,1901,720 с.,литогр.
  - в 1901–1902 уч.году.СПб.,1902,592 с.,литогр..
  - в 1902–1903 уч.году.СПб.,1902,722 с.,литогр.
  - в 1903–1904 уч.году.СПб.,1904,365 с.,литогр.
  - в 1905–1906 уч.году.СПб.,1906,411 с.,литогр.
  - в 1906–1907 уч.году.СПб.,1907,663 с.,литогр.
  - в 1911–1912 уч.году.СПб.,1912,415 с.,литогр.
  - в 1914–1915 уч.году.Пг., 1915, 512 с., литогр.
33. Лекции по Священному Писанию Нового Завета. М., 2005 [в печати].
34. Лекции, читанные в Упсальском университете в сентябре и октябре 1918 года. Стокгольм-Упсала, 1921. 1915, О Втором послании св. апостола Павла к фессалоникийцам // Пг.,1915, 118 с. Из: ХЧ, 1915. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
35. О значении надписания Псалмов // ЧОЛДП, 1889, № 12, с. 567–601. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005
36. О Квириневой переписи по связи ее с Рождеством Христовым. К., 1913, 59 с. Отт. из: Труды КДА, 1913. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
37. Обращение Савла и Евангелие св. апостола Павла: речь, произнесенная на торжественном годичном акте СПбДА 17 февраля 1896 г. СПб., 1896, 150 с. Из: ХЧ, 1896. То же: Харьков, 1896, 121 с. То же: ВР, 1896, № 4–7. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.

38. О пасхальной вечери Христовой и об отношениях к Господу современного Ему еврейства. СПб., 1893. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
39. Опыт русской обработки материала для жизнеописания св. ап. Павла // ХЧ, 1894, 11. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
40. Послание к Евреям и историческое предание о нем // Годишник на Софийский университет, кн. 14, 1936–1937. София, 1937, 62 с. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
41. Православие по его существу. СПб., 1914, 23 с. Из: ХЧ, 1914. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
42. Православная пасхалия и общедоступные пособия и руководства по хронологии. СПб., 1892, 22 с. Из: ХЧ, 1892.
43. Преображение Господне: критико-экзегетический очерк. М., 1888, 91 с. Отт. из: ПО, 1888. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
44. Происхождение, характер и значение монархианства: по поводу взглядов А. Гарнака на монархианское движение. М., 1889, 73 с. Из: ЧОЛДП, 1889.
45. Путешествие евреев из Египта в землю Ханаанскую (физико-географический очерк). М., 1889, 75 с. Из: ЧОЛДП, 1889, 1–4. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
46. Разбор учения Гартмана об абсолютном начале как бессознательном. Харьков, 1889, 66 с. Отт. из: ВР, 1888.
47. Развод по прелюбодеянию и его последствия по учению Христа Спасителя. СПб., 1895, 100 с. Из: ХЧ, 1895. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
48. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. Варшава, 1928, 116 с. То же: [М.,] 1992, 184 с. То же: М., 2002, 192 с.
49. Св. апостол Лука, Евангелист и дееписатель. София, 1932, 200 с. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.

50. Св. апостол Павел и неканоническая книга Премудрости Соломоновой // ХЧ, 1902, апр., с. 447–503; авг., с. 129–160.
51. Св. апостол Павел и павлинизм антиохийской школы (в ее экзегетике и догматической деятельности за период I–IV Вселенских Соборов) // Труды V Сезда рус. акад. орг. за границей. Ч. 1 София, 1932, с. 99–132.
52. Св. апостол Павел и Филон Александрийский // ХЧ, 1901, дек.; 1902, янв., февр., авг., нояб., дек.
53. Свобода и необходимость: Против детерминистов. Харьков, 1888, 50 с. Отт. из: ВР, 1888.
54. Священное Писание в духовных академиях на рубеже двух столетий // Церковный вестник, 1909, № 50.
55. Славянская Библия. София, 1932. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
56. Смысл 34-го апостольского правила // БВ, 1907, июль, с. 731–751; 1908, февр, с. 396–399.
57. Теософическое общество и современная теософия // ВР, 1888, № 8, с. 555–574.
58. Учение книги Премудрости Соломоновой о Божественной Премудрости или Духе по сравнению с апостольским // ХЧ, 1904, май, с. 615–659. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.
59. Учение св. апостола Павла и апокрифическая иудейская литература // ХЧ, 1900, февр.
60. Учение св. апостола Павла и книги Премудрости Соломоновой о происхождении и характере язычества // ХЧ, 1905, февр.
61. Учение св. апостола Павла о грехе, искуплении и оправдании // ХЧ, 1898, март, с. 301–343; апр., с. 471–516; май, с. 629–666; июнь, с. 793–840.
62. Учение св. апостола Павла о добрых и злых духах // ХЧ, 1900, янв.
63. Учение св. апостола Павла о загробной жизни и воскресении мертвых // ХЧ, 1888, янв.
64. Учение св. апостола Павла о предопределении по сравнению с воззрениями книги Премудрости Соломоновой //

ХЧ, 1904, июль-авг.

Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.

65. Учение св. апостола Павла о христианской жизни в «Духе» и его самобытная независимость // ХЧ, 1904, апр., с. 751–787. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.

66. Хвала ученому мудрецу в Книге Иисуса сына Сирахова // ХЧ, 1910, авг., с. 892–910.

67. Хвалебная песнь Иисуса, сына Сирахова, Творцу и Промыслителю Вселенной // ХЧ, нояб., с. 1313–1331.

68. Ходатай Нового Завета: экзегетический анализ Евр. 1:1–15. Сергиев Посад, 1915, 47 с. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.

69. Христово уничтожение и наше спасение: библиейско-экзегетический анализ Филип. 2:5–11 // ПМ, 1930, 2, с. 86–101. То же: София, 1929.

Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.

70. Христос и Ангелы: экзегетический анализ Евр. 1:6–14. Пг., 1915, 43 с.

Из: ХЧ, 1915. Эл. вариант: М.: Изд. КБ МДА и Фонда «Серафим», 2005.

71. Экзаменский конспект по предмету Священного Писания Нового Завета для переходных испытаний студентов СПбДА:

- ТОС \o «1–5» \h \z в 1895 году. СПб., 1895, 6 с.;
- в 1896 году. СПб., 1896, 5 с.;
- в 1898 году. СПб., 1898, 5 с.

72. Эллинская образованность апостола Павла // ХЧ, 1906, март-июль; 1907, февр.-март.

II. Исторические, биографические и церковно-публицистические сочинения

73. Академик Борис Александрович Тураев как христианский учитель и ученый // Рус. Мысль, 1923, кн. 9–12, с. 387–398. То же // Воскрес. чтение (Варшава), 1929, № 11, с. 169–173, 185–187.

74. Академик Е. Е. Голубинский. Рукопись. РНБ, ф. 194. Эл. текст: <http://www.golubinski.ru/golubinski/glubokoeg.htm>

75. Архиепископ Орловский Смарагд (Крыжановский) и алтайский миссионер архимандрит Макарий (Глухарев): два письма первого ко второму // ХЧ, 1913, янв., с. 118–125.

76. Архиепископ Рязанский Смарагд как педагог и проповедник // ХЧ, 1914, июнь, с. 689–754.

77. Архиепископ Смарагд в своих административных отношениях, иерархическом правлении и личной жизни // ХЧ, 1914, февр, с. 158–174, 299–327.

78. Бакалавры С.-Петербургской Духовной Академии: иеромонах Серафим Азбукин и иеромонах Мартирий Горбачевич. СПб., 1909, 29 с. Отт. из: ХЧ, 1909.

79. «Война и мир» в Финляндской Православной Церкви. София, 1929, 16 с.

80. Возрождение папства и его настоящее положение по сравнению с прошлым. Воронеж, 1891, 47 с. Из: Воронежские епархиальные ведомости, 1891.

81. Высокопреосвященный архиепископ Смарагд (Крыжановский) на Орловской и Рязанской кафедрах и его кончина // ХЧ, 1913, февр., с. 175–191; март, с. 310–324; апр, с. 526–540.

82. Высокопреосвященный Смарагд (Крыжановский), архиепископ Рязанский: его жизнь и деятельность. СПб., 1914, 558 с.

83. Дело священника Иоанна Сёмова с Орловским епархиальным начальством при архиепископе Орловском Смарагде (Крыжановском) // ХЧ, 1913, апр, с. 526–540, 650–672.

84. Дорогой памяти неутомимого искателя правды писателя и изобретателя врача Матфея Никаноровича Глубоковского. СПб., 1904, 15 с. Отт. из: Странник, 1904.

85. За тридцать лет (1884–1914): к столетнему юбилею Императорской Московской духовной академии (1 окт. 1914 г.). М., 1914, 19 с. Отт. из кн.: У Троицы в Академии. М., 1914.

86. Из переписки архиепископа Рязанского Смарагда Крыжановского. М., 1913, 46 с.

87. К вопросу о нуждах духовно-академического образования. СПб., 1897, 24 с. [под псевдонимом Вафинский Н.]

Из: Странник, 1897.

88. Киприан, митрополит всея Руси (1374–1406) как писатель // ЧОЛДП, 1892, № 2, с. 358–424.

89. На Никейских торжествах в Англии и на Всемирной христианской конференции в Стокгольме летом 1925 года: впечатления и наблюдения участника // Воскресное чтение (Варшава), 1926, № 35–38.

90. Начало организованной духовной школы: Комитет по усовершенствованию духовных училищ // БВ, 1917, июнь-июль, с. 75–92.

91. О реформе духовной школы. СПб., 1908, 50 с. [Авт.: М. А. Остроумов и Н. Н. Глубоковский]

92. Памяти покойного профессора Алексея Петровича Лебедева: под первым впечатлением тяжелой утраты. СПб., 1908, 31 с. Отт. из: Странник, 1908.

93. Первый настоятель Исаакиевского собора протоиерей А. И. Окунев, бакалавр СПбДА //

ЦВ, 1908, № 23, с. 1049–1053; № 24, с. 1103–1107.

94. По вопросам духовной школы и об Учебном комитете при Св. Синоде. СПб., 1907, 8, 148 с.

95. По вопросу о «праве» евреев именоваться христианскими именами: трактат и историческая справка. СПб., 1911, 121 с. Из: ЦВ, 1911, № 24, 25.

96. По вопросу о реформе Учебного комитета при Св. Синоде. СПб., 1909, 24 с. Из: Странник, 1909.

97. По поводу письма проф. Н. И. Субботина к К. П. Победоносцеву. М., [1914], 19 с.

98. Православное русское белое духовенство по его положению и значению в истории: речь, сказанная 30 октября 1916 г. в собрании учредителей Всероссийского общества попечения мирян о нуждах священнослужителей Православной Церкви и их семей. Пг., 1917, 16 с.

99. Преосвященный Евсевий (Орлинский), архиепископ Могилевский, бывший ректор СПбДА // ХЧ, 1909, окт, с. 1332–1351; нояб, с. 1459–1482.

100. Преосвященный Иоанн (Кратиров), бывший епископ Саратовский, ректор СПбДА // ХЧ, 1909, март, с. 421–

440.

101. Религиозное образование в английских общественных школах // ЦВ, 1907, № 26, с. 1207–212; № 27, с. 1262–1268

102. Родословие Смарагда (Крыжановского), архиепископа Рязанского. М., 1910, 46 с.

103. Санкт-Петербургская духовная академия во времена студенчества там патриарха Варнавы. Сремски Карловцы, 1936.

104. Светлой памяти друга России и русского Православия Ивана Васильевича Биркбека. Киев, 1917, 32 с.

105. Своеобразная защита Учебного комитета при Св. Синоде: по поводу книги о сем ревизора Д. И. Тихомирова и в связи с вопросом о преобразовании Учебного комитета. СПб., 1908, 40 с.

106. Свт. Киприан, митрополит всея России (1374–1406) как писатель. М., 1892, 67 с

107. Священник Михаил Васильевич Попов: некролог. Вологда, 1910, 54 с.

108. Христианское единение и богословское просвещение в православной перспективе // Путь, 1926, № 4, С. 139–144. Эл. вариант: М.: КБ МДА и Фонд «Серафим», 2005.

III. Отзывы, обзоры и рецензии

109. Блаженный Августин в изображении русского светского историка: о книге проф. В. Герье «Блаженный Августин». М., 1910, 38 с.

110. Годичные обзоры русского богословия в газете «Новое время» // Новое время, 1913, 1914, 1915, 1916. № 1.

111. Достопочтенный Майрон Уинслоу Адаме: словарь св. апостола Павла. Св. апостол Павел как словообразователь // ХЧ, 1897, июнь.

113. Отзыв о сочинении Б. В. Титлинова «Духовная школа в России в XIX столетии». Вып. 1–2. Вильна, 1908. СПб., 1911, 32 с.

114. Отзыв о сочинении В. И. Герье «Блаженный Августин». М., 1910. СПб., 1912, 38 с. Отт. из: Сб. отчетов о премиях и наградах за 1910 г.: Премии им. М.Н. Ахматова.

115. Отзыв об изданной по-болгарски «Проповеднической энциклопедии» о.Гр. Дьяченко // Мир, 1929, 23 июля

116. Православие в освещении англиканского ученого. [СПб.. 1914,] 7 с. Отт. из: ЦВ, 1914.

IV. Издания и переводы

117. Письма архиепископа Рязанского Смарагда (Крыжановского) к архимандриту Иерофею (Добрицкому) из Орла, С.-Петербурга и Рязани (1847 –1863) / Сост. СПб., 1911, 11 120 с.

118. Творения блаженного Феодорита, епископа Киррского: в 4 т. Письма блаженного Феодорита в русском переводе проф. СПбДА Н. Глубоковского. Вып. 1: письма 11–50. Сергиев Посад, 1907, 233 с. Вып. 2: письма 151–268 и введение. Сергиев Посад, 1908, XVI 233–521 с.

119. Хронология Ветхого и Нового Завета / Пер. с англ. с введ. и в ред. обработке // Труды КДА, 1910, № 6, с. 239–279; № 8, с. 375–408; 1911, № 3, с. 365–394; № 6, с. 200–228; № 7, с. 357–377/

Литература о профессоре Н. Н. Глубоковском и его научной деятельности

1. 25-летний юбилей проф. Н. Н. Глубоковского // Странник, 1914, № 6–7.

2. Андреев И. Д. Николай Никанорович Глубоковский // Гермес, 1914, № 13–14.

3. Богданова Т. А. Н. Н. Глубоковский и В. В. Болотов: к истории взаимоотношения авторов «Феодорита» и «Theodoretian'bi». <http://www.mitropolia-spb.ru/rus/conf/bolotov2000/dokladi/bogdanova.html>

4. Богданова Т. А., Клементьев А. К. Н. Н. Глубоковский и неудавшаяся попытка объединения в 1918 году Петроградской духовной академии и Петроградского университета // Журнал Санкт-Петербургский университет, № 7 (3663) от 19.03.2004. <http://journal.spbu.ru/2004/07/22.shtml>

5. Глубоковский Н. Н. Автобиографические воспоминания / МДА. Софийский архив Н. Н. Глубоковского. <http://www.bogoslov.ru/bogoslov/publication/glubokovskiy.html>

6. Глубоковский Николай Никанорович / Русские писатели-богословы. Библиографический указатель. 2-е изд. Сост. А. С. Чистякова, О. В. Курочкина, Н. С. Степанова. М., 2001, 462 с., сс. 274–285.
7. Игнатъев А. Памяти проф. Н. Н. Глубоковского // ЖМП, 1966, № 8, с. 57–76.
8. Казански Н. Патриарх православного богословия в Болгарии // Русская газета, 2004, №42 (61) от 14.10.2004.
9. Лаговский И. Заслуженный профессор, д-р богословия Н. Н. Глубоковский. Б/м, 1937. Эл. текст: <http://www.golubinski.ru/akademia/lag.htm>
10. Мелихов В. А. Н. Н. Глубоковский – профессор СПбДА. Харьков, 1914.
11. Мелихов В. А. Николай Никанорович Глубоковский, профессор Императорской Санкт-Петербургской духовной академии (по поводу 25-летия его ученой деятельности). Харьков, 1914, 18 стр. портрет.
12. Петр (Еремеев), иером. Софийский архив Н. Н. Глубоковского.
<http://www.bogoslov.ru/bogoslov/publication/1415.html>
13. Поснов М. Э. Библиография: Н. Н. Глубоковский, ординарный профессор Императорской Санкт-Петербургской духовной академии. «Благовестие святого апостола Павла по его происхождению и существу». [Киев,] 9 стр.; с. 1.
14. Русский биографический словарь. Интернет-версия, подготовленная на основе выборки статей из Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона (1890–1907) и Нового энциклопедического словаря (1911–1916).
<http://kolibrv.cvberpalm.com>
15. СавичДм., свящ. Ординарный профессор Н. Н. Глубоковский и его «Замечания на славяно-русский текст евангелия Матфея, Марка, Луки и Иоанна» (история рукописи)
<http://www.vitebsk.orthodoxv.ru/publicat/030316publicat.shtml>.
16. Черемисов П. Профессор Н. Н. Глубоковский и его труд «Благовестие св. апостола Павла по его происхождению и существу». Сергиев Посад: МДА, 1972 (рукопись).

17. Юревич Дм., диак. Профессор Н. Н. Глубоковский: библист, опередивший время (к 140-летию со дня рождения) // Санкт-Петербургский церковный вестник, 2003, № 12, с. 29–33; 2004, № 1, с. 43–48.
<http://www.sinai.spb.ru/cor/glubok/glubokovskv140.html>

18. Юревич Дм., свящ. Профессор Н. Н. Глубоковский как экзегет Священного Писания / Глубоковский Н. Н. Лекции по Священному Писанию Нового Завета. М., 2005 [в печати].

Список сокращений

БВ – Богословский вестник ВР – Вера и разум

ЖМП – Журнал Московской Патриархии

МДА – Московская духовная академия

ПМ – Православная мысль

ПО – Православное обозрение

СПбДА – Санкт-Петербургская духовная академия

Труды КДА – Труды Киевской духовной академии

ХЧ – Христианское чтение

ЦВ – Церковные ведомости

ЧОЛДП – Чтения в Обществе любителей духовного просвещения

«Явился благодать Божия, спасительная всем человеком.»

Тим. II, 11.

София (Болгария).

1932.

Во славу «святой Академии» С.-Петербургской, обеспечившей мне научное «служение Слову», признательный сочлен.

Внутренняя историографическая связь третьего Евангелия и книги Деяний

Бывают блестящие идеи, которые быстро тускнеют при своем осуществлении и становятся даже мрачными или зловещими. Каждый знает и множество теорий, обещающих обновление, созидание и прогресс, а при своем приложении оказавшихся мертвящими и разрушительными. Еще более таких „практических» проектов, которые манят творческой активностью, на деле же получается, что это – вздорные фантазии, вносящие хаос и ужас. И бесконечно количество этих

страшных и мучительных контрастов, терзающих и калечащих всю человеческую историю. Только сама жизнь дает истинную, этически-фактическую ценность нашим замыслениям, которые оправдываются ею и в свою очередь сообщают всякой феноменальной реальности внутреннюю устойчивость и принципиальное достоинство.

Обе эти стороны необходимы объективно, почему обязательно соображать их и при рассмотрении всякого важного исторического явления, чтобы выяснить Его подлинную природу и надлежащее место в преемственном развитии мирового процесса. Именно этим решающим масштабом св. Лука соизмеряет христианство, показывая нам последнее и в собственном исповедании и в фактическом утверждении соответственно своему учению, когда они должны были взаимно гармонизировать и друг друга обеспечивать по бытию и влиянию. Это есть безусловно гениальная Концепция, свидетельствующая об исключительной ученой проницательности великого мастера историографии, но она же говорит и о безмерной вере вдохновенного христианина, который не побоялся повергнуть свой идеал на суд истории и в таком виде завещать всем будущим векам, как неугасаемый и спасительный светильник всякой разумной жизни, где он засиял чудотворною зиждительностью с самого начала своего возникновения и практического применения.

В этих отношениях третье Евангелие и книга Деяний эссенциально неразрывны между собою и направляют к совместному рассмотрению, открывая нам все удобства постигнуть историографическую концепцию во всей идейной и реалистической глубине и всецело понять самое явление христианства по его существу и значению.

Но какое фактическое касательство имел к нему автор? С какими особенностями выступает он на страницах своего труда? Писатель третьего Евангелия и книги Деяний по указаниям их

Здесь имеется несколько опорных пунктов, которые должны обеспечить прочные результаты, если мы не будем наперед отказывать в историческом доверии к наличным каноническим документам. В них, прежде всего с полной решительностью

выражается, что третье Евангелие и книга Деяний принадлежат одному автору¹. Затем с достаточно убедительностью можно теперь утверждать, что вторая обязана тому же лицу, что и отрывки ее, где выступает сам повествователь под формой „мы“ в качестве непосредственного спутника эллинского благовестника², а из всех близких сотрудников его наиболее отвечает всем отмеченным условиям Апостол Лука.

Значит, оба писания мы должны относить именно к последнему, причем – кроме тесных связей со св. Павлом – характерным для него будет, что он был врач (Кол. IV, 14) и посему обладал общею культурностью и специальной образованностью тогдашнего интеллигентного человека, в частности и историографическою³.

В результате выходит, что возможным писателем для третьего Евангелия и книги Деяний является св. Лука, но – в случае несомненности этой мысли – самые произведения должны отличаться двумя особенностями: – 1) тесной близостью к Апостолу Павлу и 2) бесспорной „ученой“ интеллигентностью автора.

Находят ли эти черты потребное соответствие в теперешнем тексте?

1) По первому признаку мы должны заключать, что, будучи в постоянном общении со своим великим учителем, Лука неизбежно проникался его настроением и воззрениями, носящими Павлинистический характер. Разумеется, это должно было оставить и на писаниях типический след, для которого обязательно прямое влияние или косвенное преломление благовествующей личности св. Павла. Но здесь только псевдо-Дорофей и один Московский манускрипт⁴ говорят о зависимости Луки от Петра, а все прочие авторитеты древности отсылают к Апостолу языков. Так, уже Мураториев фрагмент констатирует у Луки отражение мнений Павловых (ex opione, sc. ejus – beati Pauli, conscripsit) и Ириней утверждает, что «последователь Павла изложил проповеданное им учение» (Contra haer. III, 1: Migne gr. VII, col. 845). Поэтому в опровержение Маркионитов и других лжеучителей, навязывавших эллинскому благовестнику свои доктрины, Лионский епископ – ересеолог смело апеллирует

к ограждающему покровительству Луки, ибо он верно сохранил проповедь Павлову (III, 14: Migne gr. VII, 914). Тертуллиан не менее решительно называет Апостола Павла «озарителем Луки» (*illuminator Lucae*), категорически заявляя, что во всех церквах апостольских *Lucae digestum Paulo adscribere solere* (*Adv. Marc.* IV, 2, 5: Migne lat. II, 364, 367). Сходным образом мыслил и Климент ап. (*Strom.* I, 21: M. gr. VIII, 885), Ориген даже допускал (*in Matth. tom. I: M. gr. XIII, 829; cnf. Eus. h. e. VI, 25: 6*), что третье Евангелие было одобрено Павлом (*τὸ τρίτον τὸ κατὰ Λουκᾶν, τὸ ὑπὸ Παύλου, ἐπαίνουμένων εὐαγγέλιον*), при чем в словах последнего о своем благовествовании (*Рим. II, 16, 25. 1Кор. XV, 5. 2Кор. VIII, 18*) – вместе с Иоанном Златоустом (*in Act. Apost. hom. I, 1: M. gr. LX, 15; cnf. in Matth. hom. IV, 1: M. gr. LVII, 40*) – видит (*in Luc. hom. I: M. gr. XIII, 1804*) ясное указание на письменное произведение своего спутника (ср. *Eus. h. e. III, 4* и *Hieron. De viris Ill. 7*). Амвросий Медиоланский был не чужд такого понимания (*Expos. Evang. sec. Lucam I. 11: denique etiam a sancto apostolo Paulo testimonium meruit diligentiae. Sic etiam laudat Lucam в 2Кор. VIII, 18*), которое Евсевий приводит в качестве распространенного предания (*h. e. III, 4: 8: полагают – φασί δέ, что о его – Луки – Евангелии упоминает Павел – μνημονεύειν δ Παῦλος εἶωθεν, когда, будто о каком то собственном, говорит: «по благовествованию моему», а блаж. Иероним сообщает это, как догадку других (De viris ill. 7 ap. M. lat. XXIII, 621: quidam suspicantur, quoliescunque in epistolīs suis Paulus dicit «juxta Evangelium meum», de Lucae significare volumine). В «Синописе» псевдо Афанасия (n. 76: M. gr. XXVII, 433) выражено с решительностью, что третье Евангелие «продиктовано Апостолом Павлом, записано же и издано блаж. Лукой, Апостолом и врачом».*

Бесспорно, что в этих свидетельствах многое преувеличено, а другое и совсем сомнительно⁵, но для нас важно только основное положение, что вся древность находила у третьего синоптика живые и типические отголоски проповеди Павловой. При этих предварениях непрерывного и твердого исторического предания получают особенную силу пункты сходства между обоими писателями с формальной стороны и по содержанию. В

лексическом отношении язык третьего Евангелия и книги Деяний весьма близок к вокабуляру писаний Павловых⁶ и даже настолько, что Евангелие Луки и подлинные Павловы послания имеют общих между собою 83 слова, каких нет в других Евангелиях; из них 32 встречаются в книге Деяний, где еще около 65 общих с Павлом⁷. И замечательно, что подобные совпадения не редко захватывают целые выражения, по самому строению фраз, при идейной родственности (см. у Rev. R. Plummer, р. XLIV-XLV, где отмечаются параллели Лк. IV, 32 и 1Кор. II, 4; Лк. VI, 36 и 2Кор. I, 3; Лк. VI, 39 и Рим. II, 19; Лк. VI, 48 и 1Кор. III, 10; Лк. VII, 8 и Рим. XIII, 1; Лк. VIII, 12 и 1Кор. I, 21. Рим. 1, 16; Лк. VIII, 13 и 1 Фесс. I, 8; Лк. X, 7 и 1Тим. V, 18; Лк. 8 и 1Кор. X, 27; Лк. X, 16 и 1 Фесс. IV, 8; Лк. X, 20 и Филипп. IV, 3 = Псал. LXIX, 28; Лк. XI, 7 и Гал. VI, 17; Лк. 29 и 1Кор. I, 22; Лк. XI, 41 и Тит. I, 15; Лк. XII, 33 и Еф. VI, 14 = Иса. XI, 5; Лк. XII, 42 и 1Кор. IV, 2; Лк. XIII, 27 и 2Тим. II, 19; Лк. XVIII, 1 и Кол. I, 3. 1 Фесс. I, 11, равно Гал. VI, 9; Лк. XX, 16 и Рим. IX, 14, XI, И. Гал. III, 21; Лк. 22, 25 и Рим. XIII, 7. Лк. XX, 35 и 2 Фесс. I, 5; Лк. XX, 38 и Рим. VI, 11. Гал. II, 19 Лк. XXI, 23 и 1 Фесс. II, 16; Лк. 24 и Рим. XI, 25; Лк. XXI, 34 и 1 Фесс. V, 3 – 5; Лк. XXI, 36 и Еф. VI, 18; Лк. XXII, 53 и Кол. I, 13). В общем, у обоих проглядывает одинаковая заботливость в старательном оттенении всех моментов мысли, чтобы она «рисовалась» читателю с возможною выпуклостью и наглядностью⁸. Если и не преувеличивать аналогий в рефератах касательно установления таинства евхаристии (Лк. XXII, 19 – 20 и 1Кор. XI, 24 – 25), ибо теперешний текст третьего Евангелия не отличается совершенною прочностью⁹, то во всяком случае остается факт, что лишь Лука (XXIV, 34 – 36) и св. Павел (1Кор. XV, 3 – 5) упоминают о явлении воскресшего Господа Петру, как они же сохранили изречение Спасителя «достойн (есть) делатель мзды своя» в тождественной редакции (Лк. X, 7: ἄξιός [γάρ] δ' ἐργάτης τοῦ μισθοῦ αὐτοῦ [εἶσι] и 1Тим. 5, 18: ἄξιος ὁ ἐργάτης τοῦ μισθοῦ αὐτοῦ), между тем у Матфея она читается несколько иначе (X. 10: ἄξιός [γάρ] δ' ἐργάτης τῆς τροφῆς αὐτοῦ [εἰς iv]). Не менее знаменательно, что при сличении с Апостолом языков наиболее удовлетворительно выясняются некоторые особенности концепций и фразеологии

третьего синоптика. Напр., из речи Христа против книжников и фарисеев он один приводит (X, 49) выражение «Премудрость Божия рече: послю в них пророки», когда у Матфея читается (XXIII, 34): «се Аз послю к вам пророки». Такое наименование Исккупителя понятнее всего со стороны ученика Павлова, поскольку эллинский благовестник всегда проповедовал Христа, как «Божью силу и Божью премудрость» (1Кор. I, 24).

По всем отмеченным данным мы должны согласиться, что совпадения двух писателей достаточно обильны и весьма характерны, а потому и не могут быть случайными. Внушительность этих наблюдений даже послужила основой для гипотезы, будто автором третьего Евангелия и книги Деяний был сам св. Павел¹⁰. Эта смелая догадка не оправдывается фактами сродства ни внутреннего или предметного¹¹, ни языкового¹², но и отсюда следует, что рассматриваемые произведения предполагают в составители спутника Павлова¹³, чем хорошо подтверждается всеобщее предание, что это был Лука.

2) Тогда третье Евангелие должно отличаться и несомненными литературными преимуществами, ибо этот сотрудник Павлов характеризуется в качестве нарочито образованного человека¹⁴, о котором блаж. Иероним прямо говорит, что «он был весьма сведущ в медицинском искусстве и гораздо лучше владел по-гречески, чем по-еврейски; потому и речь его как в Евангелии, так и в Деяниях Апостольских легче и изящнее и запечатлена светским красноречием». Все это в достаточной мере оправдывается самими писаниями. По согласному суждению компетентных специалистов, оба рассматриваемые творения отчетливо выделяются среди всех других новозаветных книг высокими литературными качествами, и в этом отношении наряду с ними может быть поставлено разве только послание к Евреям. Язык Луки отличается бесспорными литературными достоинствами¹⁵, почему даже по масштабу классической речи многое у него встречается одобрение¹⁶. Подмечено¹⁷, что он избегает не только арамейских и латинских слов (напр., ῥαββεΐ, ἀγγαγεύω, ἀμήν, заменяемое через ἀληθῶς, и κοδράντης, передаваемое через

λεπτόν), но и эллинистических выражений, которые отвергались аттикистами (напр., ἐσθίω вм. τρώω ἀρο τοῦ иῖи вм. ἀπ' ἄρτι, σῶμα вм. πτῶμα, σπείρω вм. διασκορπίζω) , предпочитая эллинистическим формам более соответствующие аттической грамматике (напр., ἐκάθισεν по сравнению с кέκαθισεν, τίς по сравнению с εἷς, ἑαυτοῦ против ἴδιος, ἐπὶ λίθῳ в замену ἐπὶ λίθου; ср. в Деян. ἴσασιν вм. эллинистического οἶδασι(v), βούλομαι вм. θέλω и др). Вокабуляр – очень богатый: в обоих писаниях исключительною их собственностью во всем Новом Завете является от 750 до 851 слов, из коих 26 находим в цитатах из LXX-ти; свойственных только третьему Евангелию имеются до 312 вместе с 11-ю в ветхозаветных выдержках, и здесь немало терминов, встречающихся в классической литературе¹⁸. При этом свобода и разнообразие конструкций говорят о господстве автора над языковыми средствами, раз классические сочетания употребляются у него наряду с евраистическими, как ясно, напр., по применению εὐένετο (I, 8, 9. VI, 1), иногда прямо евраистическому (Деян. IX, 3. XXI, 1), а «описательные времена», или соединения субстантивного глагола с причастиями praes. или perf. вместо простых глагольных форм давали простор для множества комбинаций. Правда, и вообще у Луки усматривается достаточно качеств и элементов евраистических; но а) все это находится по преимуществу в отделах репродуктивных, воспроизводящих слова и речи других лиц, и потому удостоверяет лишь точность передачи оригиналов (устных или письменных), напр., в начале обоих произведений; б) по современным филологическим разысканиям (Alb. Thumb, Ad. Deissmann и др.), многое в новозаветных книгах (и у LXX-ти) напрасно почитается евраистическим по происхождению у того или другого автора, ибо было принадлежностью всего «эллинистического» языка, и в) даже эти отрывки получают у синоптика – Деяписателя такую литературную обработку, что значительно утрачивают свои евраистические особенности и оказываются несравненно более литературными по сравнению с параллельными редакциями Матвея и Марка¹⁹. Мы всюду видим стиль мастера слова (ein Sprachkünstler)²⁰, достигающий иногда классического изящества, какое всеми принимается в

евангельском "прологе"²¹, напоминающем идеи светского историка²².

В общем, всем этим для писателя третьего Евангелия и книги Деяний удостоверяется высокая литературная образованность²³ тонкого грека²⁴, а это именно и требуется для признания в нем исторического Луки. Но этот спутник Павлов был еще «врачом», и здесь желательны конкретные подтверждения в данном смысле. По этому предмету имеются поучительные факты, которые изобильно собраны и отчетливо сгруппированы у Dr'a W. K. Hobart'a²⁵. Конечно, тут не обошлось без преувеличений, но авторитетные ученые вполне соглашались, что медицинская компетентность писателя аргументирована с солидной убедительностью²⁶ и не может быть отрицаема²⁷. Специальная точность и профессиональная окраска терминологии заметны во многом: ἀχλὺς о тьме, поразившей Елиму волхва (Деян.. XIII, 11), не встречающееся нигде более в Н. З. и у LXX-ти, употребляется у Галена для особой болезни глаз, а столь же единичное κραιπάλη (Лк. XXI, 34) применяется в медицинских трудах для тошноты, сопутствующей опьянению; равно и *unicum uδρωτικος* (Лк. XIV, 2), по-видимому, медицинского происхождения. В сообщениях медицинского-характера Лука гораздо обстоятельнее и пунктуальнее: горячку тещи Симоновой, не определяемую другими синоптиками по степени (Мф. VIII, 14 и Мрк. I, 30 *πυρέσσουσα*), он квалифицирует чрез *πυρετῶ μεγάλῳ* (Лк. IV, 38), ибо тогда различались горячка большая и малая; в отличие от простого *λεπρός* Мрк. I, 30 называется у Лк. V, 12 *πλήρης λέπρας*; для констатирования высшей степени проказы; в Деян_ XXVIII, 8 терминами *πυρετοῖς καί δυσεντερίῳ συνεχόμενος* автор ясно описывает страждущего гастрическою лихорадкой. Бросается в глаза и то, что простонародные выражения своих предшественников: *κακῶς ἔχοντας* (Мф. VIII, 16. Мрк. I, 32) и *ἰσχύοντας* (Мф. IX, 12. Мрк. II, 17) третий синоптик заменяет технически корректными *ἀσθενοῦντας* (Лк. IV, 40) и *δυσταίνοντας* (Лк. V, 31), слишком общие обозначения *ἀρρώστους* (Мф. XIV, 14) и *ἰάθη δ παῖς* (Мф. VIII, 13) поправляет более наглядными *χρεῖαν ἔχοντας θεραπείας* (Лк. IX, 11) и *εὖρον τον ἀσθενούντα δοῦλον*

υγιαίνοντα (Лк. VII, 10). Один Лука передает о «врачебном чуде» исцеления уха у Малха (Лк. XXII, 51), отличает демонические одержания от собственно болезней (Лк. VI, 18. XIII, 32. Деян. XIX, 12), упоминает о продолжительности страданий (Лк. XIII, 11. Деян. IX, 33) и о возраст исцеленных (Лк. VIII, 42. Деян. 22) и он же удерживает (Лк. IV, 23) «медицинскую пословицу»: врачу, исцелился с а м ! вопреки прямому ходу речи и – значит – как бы по привычке, а книгу Деяний почти обрывает на цитате Павловой (XXVIII, 26 – 27) из пророка Исайи (VI, 9 – 10), кончающейся словами καὶ ἰάσονται αὐτοὺς. В других случаях тоже сказывается медик, раз Матфеево δακτύλῳ κινῆσ (XIII, 4) изменяется у Луки (XI, 46) в δακτύλῳ προσίαύειν – с глаголом явно медицинского оттенка, вместо Маркова διὰ τρυμαίλιας τῆς ῥο φίδος (X, 25) говорится διὰ τρήματος βελόνης (XVIII, 25) соответственно хирургически принятому языку²⁸ ; для ὀθόνην τέσσαρσιν ἀρχαῖς καθιέμενον (Деян. X, 11 и ср. ст. 5) полезно припомнить Галеновское употребление ἀρχαῖ для концов – „краев» (πέρατα) перевязей (οἱ ἐπίδεσμοί, часто и ὀθόνια, ὀθόνη). Существует даже некоторое литературное соприкосновение с разными медицинско-фармацевтическими трудами²⁹, напр., современного Павлу Диоскорида Педакия (1 в.), уроженца города Аназарва, лежавшего верстах в 70 – 80 от Тарса³⁰, и его трактат Περί ὕλης ἰατρικῆς своим началом (Πολλῶν οὐ μ νον ἀρχαίων ἀλλὰ καὶ ἰ νέων συνταξαμένων περὶ τῶν φαρμάκων σκευασίας τε καὶ δυνάμεως καὶ δοκιμασίας, φίλτατε "Ἀρειε, πειράσομαι" σοι παραστήσαι μὴ κενὴν μηδὲ ἀλογον δρμὴν με πρὸς τήνδε τήν πραγματείαν ἐσχηκέναι, διὰ τὸ τοὺς μεν αὐτῶν μὴ τετελειωκέναι, τοίους δὲ ἐξ ἱστορίας τὰ πλεῖστα ἀναγρά αι) немало сближается по самому строению с Евангельским «прологом», который в этом отношении аналогичен и вступлению ('Ο'. ἰόσοι ἐπελεί ησαι περὶ ἱητρικῆς λέγειν ἥ γράκε ι и кт.) к сочинению Иппократа (между 460 – 350 г. г. до Р. Хр.) Περί ἀργαίης ἱητρικῆς. Созвучие тут бесспорное³¹, хотя его и нельзя объяснять прямым литературным пользованием³², а тогда это будет опять же отражением профессиональных писательских навыков.

По всему сказанному бесспорна некоторая медицинская компетентность синоптика – Дееписателя³³, – и с этой стороны

он достаточно соответствует личности св. Луки, с которым непринудительно отождествляется по своей образованности и по близости к Апостолу Павлу. В связи с этим приобретает особенную силу голос предания, всегда и согласно³⁴ называвшего третьим Евангелистом именно Луку, сотрудника Павлова. Его прямо указывает Мураториев каталог от 11 в., а Иринея Лионский заявляет (Contra haer. III, 1: M. gr. VII, 845; cnf. Eus. h. e. V. 10: 3), что «Лука, спутник Павла, изложил проповеданное им Евангелие» (cnf. I, 27: 2; III, 14: 1– 3), которое Тертуллиан оградает авторитетом церковей апостольских против искажений православного его типа (Adv. Marc. IV, 5: lat. II, 366), Ориген считает в числе четырех Евангелий, бесспорно принимаемых повсюду (in Matth. tom. I: M. gr. XIII, 829; cnf. Eus. h. e. VI, 25: 4, 6), и Климент ал. ссылается на него (напр., Strom. I, 21: M. gr. VIII, 885). В этой ассоциации необходимо принять, что Иустин М. знал третье Евангелие в ряду Евангельских воспоминаний одного из учеников апостольских (Dial. с. Tryph. 103). Конечно, Папий совсем не говорит о Луке, но 1) для сего у него не было специально принудительных поводов, какие представлялись в первоначальном языке Евангелия Матвеева и в „неупорядоченности» Маркова изложения, между тем третий синоптик достаточно рекомендует себя в самом своем „прологе»; при том же 2) от Иерапольского епископа теперь мы имеем лишь немногие фрагменты, почему возможно искомое упоминание в целом подлиннике, как по Анастасию Синаиту и действительно выходит, что третье Евангелие было известно Папию³⁵. По контрасту с этим особенно важно, что имя св. Луки в апостольский век не было настолько громким и славным, чтобы фальсификатор мог воспользоваться его авторитетом для своего подлога или для анонимного сочинения, ввести в обман все предание и создать прочное и повсюдное церковное мнение. В этом и Ренан видит большую историко-критическую загадку, не имеющую удовлетворительного разрешения³⁶, а тогда последнее необходимо искать и признавать в фактической несомненности столь твердого и всеобщего убеждения, как основывающегося на подлинной истине. И раз подобное

заключение достаточно подкрепляется содержанием рассматриваемых новозаветных писаний, то здесь мы почерпаем законное научное право отправляться в дальнейших разысканиях от того тезиса³⁷, что

Св. Лука – писатель третьего Евангелия и книги Деяний

Личностью автора во многом освещается «природа» и судьба его писаний, но в данном случае наши сведения, к сожалению, весьма не обильны и далеко не вполне отчетливы. Три раза Апостол Павел поименно упоминает в числе своих сотрудников некоего Луку и однажды в такой связи, которая может намекать на его происхождение, ибо о нем и Димасе говорится (в Кол. IV, 14) после предшествующего замечания (IV, 11), что разумеемые прежде лица – «из обрезания», а этим косвенно подчеркивается, что прочие – не таковы. Отсюда позволительно догадываться, что Лука был не еврейской крови, в пользу чего основательно ссылаются³⁸ на Деян. XXVIII, 2, 4, где писатель противопоставляет себя «варварам», а это было возможно лишь в отношении греков и только по контрасту с ними. И уже Ориген, несправедливо сопоставляя третьего Евангелиста с Лукием (Деян. XII, 1), допускал, что Лука – слово не еврейского корня (ad Rom. XVI, 21: M. gr. XIV, 1288). Вероятнее думать, что греч. Λουκᾶς явилось по сокращению из Lucanus, употребляемого в древнелатинских кодексах (напр., Corbejensis и Verceliensis) а оно было обычно у жителей южной Италии по местности Lucania, между Кампанией, Апулией и Бруттием (Ног. II, 1, 38). Это наблюдение тоже подсказывает мысль о нееврейской национальности Луки, поскольку другого – еврейского – имени у него нигде не предполагается. Достаточное подтверждение сему находится и в том, что для Деянописателя еврейская (арамейская) речь оказывается как будто чужою, ибо воззвание Петра при избрании Матфея он передает в такой редакции (1, 19): «земля та (купленная за 30 Иудиных сребреников) на отечественном их (иудеев) наречии (τῇ ἰδίᾳ διαλέκτῳ αὐτῶν) названа Акелдама». Едва ли эта редакция принадлежит оригиналу, поскольку для самого оратора не могло быть подобной взаимной противности с иудейством (даже в Иоанновском смысле), а тогда это мы должны усвоить уже

редактору ради читателей по одинаково нееврейскому родству с ними. Наряду с этим припоминают филологическое свидетельство (Lobeck'a Phrynichus), будто в латинских nomina propria окончания на -as чаще всего встречаются между рабами и либертами, служа сокращением более пространных форм на - ius и - ilius, причем среди этих классов констатируется распространенность врачебного искусства (Suet., Cal. 8. Senec., De benef. III, 24. Quint. VII, 2, 26)³⁹. Однако необходимо отметить, что наше Lucas вышло не из Lucilius, и конечное - as, заключаясь в самом Lucanus, не будет сословною характеристикой его носителя.

Но наш Лука, несомненно, был врачом (Кол. IV, 14), и это профессиональное отличие бросает известный свет на его личность. Медицина особенно культивировалась в Риме среди рабов и вольноотпущенников; из второго класса были и лейб-медики Юлия Цезаря и Августа Antistius и Antonius Musa. Тем не менее, эта отрасль знания достаточно развивалась и поддерживалась Римом. Так, уже при императорах здесь существовало высшее медицинское учреждение – Collegium archiaterorum – с медицинско-полицейским персоналом чиновников, обязанных контролировать практикующих врачей, которые начинали свою профессию под руководством старших и в дальнейшей деятельности подлежали официальному надзору и подвергались взысканиям за свои ошибки⁴⁰. Если, при всем этом поощрении медицинских занятий, преимущественными двигателями их были люди низкого социального состояния, рабы и либерты, то – значит – они доставляли тогда наиболее интеллигентных профессионалов. В силу этого по врачебному достоинству Луки мы заключаем, что он был человек образованный, и уже блаж. Иероним писал: Lucas inter omnes Evangelistas graeci sermonis eruditissimus fuit, quippe ut medicus (ad Damas. epist. XX, 4: M. lat. XXII» 378). Но нам известно, что третий Евангелист обладал чуть ли не специальною осведомленностью в соответствующей литературе, а это говорит о систематическом образовании, которое получалось, конечно, в языческой школе. Отправляясь от этого факта, проф. William M. Ramsay обращает внимание на

неожиданность привхождения Луки в свиту приближенных спутников и сотрудников Павла. Разумеется, фактически не могло быть подобной внезапности, а должно предполагать раннейшую связь непосредственного взаимообщения. Но характеристика Кол. IV, 14: Λουκᾶς δ' ἁγᾰπῆτός – распределением терминов фразы и повторением члена – ясно выражает мысль Апостола, что это был свой для него врач⁴¹, возлюбленный ему по самому врачебному искусству⁴². Дальше выводится, что на почве этой специальности создалось и окрепло тесное, дружеское знакомство данных лиц, откуда проектируется, что они были коллегами и товарищески сблизилась по Тарсийскому Университету, где Павел изучал историю и литературу, а Лука – медицину. В этой возможной гипотезе много увлекательного, но столько же и фантастичного, чего нельзя ни оправдать, ни обосновать запросами фактических известий, чтобы они непременно требовали подобных гаданий. Посему осторожнее будет ограничиться констатированием крайне малой вероятности, чтобы до таких медицинских утонченностей проходил специальный факультет природный еврей, чем тоже подтверждается, что Лука не был иудеем. Это – скорее – язычник высокой культурности⁴³, совершенно несомненной по его писаниям, стилистически весьма литературным и прагматически научно упорядоченным.

Обращение эллински просвещенного врача в столь раннюю эпоху было великою победой христианства. Оно является слишком чудесным без подготовительных предварений, и уже из древности некоторые допускали, что Лука был в сонме LXX-ти Апостолов (PS.-Origen., *De recta in Deum fide* 1: M. gr. XI, 1721), Епифаний его – вместе с Марком – причисляет к ученикам, покинувшем Господа после речи о хлебе животном (Ин. VI, 66), усвояя позднейший возврат влиянию св. Павла (Contra haer. LI, 11: M. gr. XLI, 908), другие (Greg. M. *Moralia praef.* I, 3: M. lat. LXXV, 715. Theophil. in Luc. 24: M. gr. CXXIII, 1113; cnf. Simeon. *Metaphr.*, *Vita Lucae* M. gr. CXV, 1136. Niceph. Call. h. e. II, 43: M. gr. CXLV, 876) усматривают в нем одного из Еммаусских путников. Всем этим указаниям и мечтаниям сильно противоречит собственное самосвидетельство третьего

Евангелиста, который относит себя к позднейшей генерации, сменившей «самовидцев» Христовых, как это принимали и древние авторитеты (Murat, fragm.: «S. Lucam Dominum in carne non vidisse». Hieron. De viris illustr. VII: «cum Domino in carne non versatum esse»). О том же говорит и «язычество» Луки. Для ослабления этого неудобства иногда допускали, что он был прозелитом (см. Hieron Quaest. in Genes. XLVI, 26 ap. M. lat. XXIV, 98: «plerique. tradunt Lucam Evangelistam, ut proselytum, hebraeas litteras ignorasse»), но это не требуется принудительно хорошо осведомленностью насчет религиозности иудейской и как будто прямо исключается упоминанием Павла, клонящимся в ту сторону, что, не быв «от обрезания», Лука и потом не подчинился обрезанности через прозелитство⁴⁴. Последнее было слишком важно по религиозному значению, если намеренно подчеркивается у «диакона» Николая Антиохийского (Деян. VI, 5), а потому нашло бы отчетливое отражение в собственных писаниях и не было бы представлено столь спутанно в позднейшем предании, отрицающем бесспорный факт эллинской литературности Луки. Владение арамейским языком понятно у Антиохийского уроженца и многолетнего спутника Павлова⁴⁵, виртуозное же знание греческой Библии могло быть приобретено в христианстве⁴⁶. Есть и другие косвенные соображения в данном смысле. Напр., автор книги Деяний выступает на ее страницах под формою «мы» лишь с момента отправления Павла на европейский материк (XVI, 10), а фраза не очень позволяет думать, что он примкнул к благовестнику именно здесь; отсюда открывается место догадке, что Лука сопровождал ранее по Малой Азии просто в качестве личного врача Павлова, не выделяясь активно своим миссионерским участием, а единственная причина тому могла быть только в предубеждениях, ради которых был обрезан Тимофей (XVI, 3) и которые оттесняли Луку на второй план, как необрезанного. Впрочем, если присоединение и совершилось уже в Троаде, – во всяком случае, этим свидетельствуется, что, выдвигаясь в первые ряды, Лука почитался пригодным для Македонского эллинизма, а это всего скорее достигалось культурно-национальным сродством с ним без иудейского

отчуждения, ибо сам св. Павел находил последнее неудобным для миссионерских целей, раз выбрал себе в лице Тимофея человека смешанной крови, не склонного к иудейству, коль скоро он сознательно оставался необрезанным. Одним словом, прозелитизм Луки сомнителен, почти невероятен. Более возможно и гипотетически одобряется комментаторами⁴⁷, что он был среди эллинов, пожелавших видеть Господа на пасхе после входа в Иерусалим (Ин. XII, 20 сл.). К сожалению, у нас нет ни малейших подтверждений сему, а намеренное стремление позднейших церковников привести своих просветителей в непосредственную связь со Христом больше говорить о тенденциозном возникновении подобного гадания и в отношении Луки.

История застаёт его уже христианином в Антиохии Сирийской, поскольку в Деян. XI, 27–28 по D. Августину (*Sermo dom. 2*) и многим латинским текстуальным свидетельствам писатель оказывается в рядах Антиохийских учеников Христовых, ибо там говорится: ἦν δέ (или καί ἦν) πο λή ἀγαλλίασις συνεστραμμένων δέ ἡ μ ὤ ν ἔφη εἰς ξ α τῶν ὀνόματι "Αγαβος συμαίνων διὰ τοῦ πνεύματος κτλ.. Это прежде всего убеждает нас в Антиохийской оседлости Луки, которого издавна называли Антиохийцем (Eus. h. e. III, 4:7. Comment, in Luc. у Mai 1, 149, Hieron. De viris ill. VII и др.). Иные перетолковывают эти данные в том смысле, что лишь род Луки был из Антиохии, а сам он происходил не из нее и жил в другом месте, как иногда думают даже при согласии с редакцией D для Деян. XI, 28⁴⁸. Но эта интерпретация, идущая против давней традиции, – не самая ближайшая: она нарушает естественную энергию соответствующих фраз и дискредитирует себя соподчиненностью разным частным мнениям в роде того, будто явившийся Павлу в Троаде Македонянин (Деян. XVI, 9) совпадает с Дееписателем, который поэтому оказывается Филиппийцем⁴⁹, хотя другие ученые решительно утверждают, что он не мог быть и не был Македонцем⁵⁰. Напротив, Антиохийское происхождение достаточно оправдывается апостольской историографией⁵¹, мирится со всеми прочными фактами и дает ключ к их уразумению. Первое и главное – то,

что автор обнаруживает самое живое участие к Антиохии и старается выдвинуть ее при всяком случае, когда, напр., ни одного «диакона» не указывает по топографической родственности и называет только Νικόλαον προσήλυτον Αντιοχέα (Деян. VI, 5), но эта прибавка, отсутствующая у других более видных коллег Николаевых, фактически не нужна и понятна лишь в смысле произвольной отметки, что это – Антиохиец, наш. Повсюду мы видим близкую заинтересованность Деяписателя судьбами Антиохии до оттенения исключительной роли ее в развитии новой религии, которой она дала имя и была исходным пунктом миссионерского возвещения, ставши для христианства как бы вторым Иерусалимом⁵².

С этой стороны данное предание об Антиохийском происхождении Луки является вполне надежным⁵³ и объясняет многое. Антиохия издавна была разноплеменным городом; в нем и во всей соприкосновенной Сирийской области иудейский элемент был столь силен (см. Jos. Fl. Antiqu. XII, 3: 1. XIV, 2, 6 и др.), что в известных отношениях (напр., касательно «чистоты» и дозволенности к употреблению разных питательных продуктов) раввинизм не считал Сирию языческой территорией и склонен был уступать ей долю священности, свойственной лишь Палестине. Здесь сталкивались и боролись два мира, влияние которых должно было своеобразно отражаться на жителях. Последние при постоянных сношениях, естественно, вынуждались ко взаимному пониманию и ознакомлению. Это незаметно вело к тому, что многие Антиохийцы хорошо владели разными языками, в том числе и арамейским, знание которого предполагается у Луки⁵⁴. Но иудейство всегда выдвигало религиозную сторону и, конечно, приобрело достаточно прозелитов, чрез коих еще глубже и шире распространялись истины монотеизма в языческом обществе. В свою очередь и эллинизм старался торжествовать просвещенностью и развитием научной культурности, однако на Востоке немало ориентализировался и в синкретизме воспринимал семитические стихии. При таких условиях легко объясняется, что, имея с детства открытый доступ к иудаизму, Лука еще до обращения в христианство близко соприкасался с ним⁵⁵ и

располагал некоторыми сведениями в иудейской догматике и обрядовой практике; с годами же, когда стала обнаруживаться осмысленная религиозная пытливость, для него были все резоны и удобства проникнуть в самый источник веры Израилевой чрез посредство греческой Библии. Позднейшее с неотразимостью убеждает, что религиозные запросы волновали душу молодого Луки, и он был чужд обычного языческого индифферентизма или скептицизма. Впрочем, на первых порах родовые склонности политеиста невольно брали верх и заставляли его хвататься за науку, где были сила и блеск язычества, а особенно – эллинизма. Уже Евсевий Кесарийский писал по этому предмету, что «Лука был родом из знаменитой Антиохии, в которой славятся всякие мудрецы, (οἱ πάντες λογιώτατοι), ибо там потомки ионийцев; но он еще больше преуспел сверх обычного у тамошних граждан эллинизма, поскольку был опытным в медицинском искусстве"(Quaest. ad Mar. 4: M. gr. XXII, 961). Однако местные способы едва ли были вполне достаточны для сего. Хотя блаж. Иероним сказал слишком много (in Isa. VI, 9: M. lat. XXIV, 98), что Лука *medicinae artis fuisse peritissimum (scientissimum)*, тем не менее его медицинская компетентность предполагает специальную медицинскую школу в каком-либо из тогдашних научных центров. Некоторые литературные данные сближают писателя Луку с медицинскими авторами из Киликии, главный город которой обладал в это время высокой научно-просветительной репутацией счастливого соперника Афин и Александрии, при широкой научной пытливости Киликийцев. В такой связи вполне мыслимо, что Лука встречался (и был знаком) с Павлом уже в Тарсе и, яко бы, именно им обращен в христианство⁵⁶, о чем догадываются и по намекам у Тертуллиана⁵⁷. Второе не столь, вероятно и допускает участие Варнавы, прежде других и с успехом подвизавшегося в Антиохии, куда христианство проникло вскоре по убиении Стефана (Деян. XI, 19 сл.). Во всяком случае, св. Павел должен был склонить окончательно, так как он служил живым свидетелем недостаточности номизма и искренние иудейские симпатии неотразимо направлял в сторону христианства, для которого является ярким

олицетворением и победной покоряющей мощи и спасительно-врачующей благодати. Тут естественно шли навстречу и медицинские запросы Луки, который в качестве врача телесного становился в христианстве духовным врачом по благодати⁵⁸ и потому самого Христа понимал и рисовал, как божественно-сверх – естественного целителя⁵⁹.

Отсюда ничуть неудивительно, что уже рано мы находим Луку среди Антиохийских христиан, но затем он на несколько лет исчезает из нашего взора, и мы встречаем его лишь во второе благовестническое путешествие Павлово среди миссионеров, отправившихся из Трояды в Европу (Деян. XVI, 10). По многому несомненно, что Апостол заботливо подготовлялся к этому путешествию и старался обеспечить себя во всех возможных отношениях. А раз на языческой почве он должен был выступать в качестве Римского гражданина и ради сего окончательно принял свойственное последнему имя Павла (Деян. XIII, 9), – там ему был особенно необходим человек, эллински безупречный и компетентный в разных сферах. Тут Лука везде был прекрасным помощником, готовым служить своими связями и познаниями, между прочим, и для литературной работы прямым участием и каллиграфическою опытностью⁶⁰. При этом медицинское искусство могло открывать ему широкий доступ во всех классах и в этом смысле служило несравненно лучше, чем скинотворческое ремесло Павлово (Деян. XVIII, 3). Во всяком случае, врачебное достоинство тоже располагало Апостола в пользу Луки. По крайней мере, своею фразою о нем (Кол. IV, 14) ὁ ἰατρός δ' αὐαπῆ τοῦς (вместо ожидаемых Λουκᾶς δ' ἰατρός αὐαπητῶς μου, но ср. Еф. VI, 21. Кол. I, 7. IV, 7, 9. 2Тим. I, 2 или Λουκᾶς δ' ἰατρός αὐαπητῶς μου) чрез выделение прилагательного помещением его при члене за именем (ср. Рим. XVI, 12: Περσίδα τήν ἀυαπητήν) св. Павел как будто подчеркивает, что Лука был ему возлюбленным (и) в качестве врача, ибо он врач, снискавший любовь именно и своим врачевством⁶¹. И понятно, что болезненный по природе Павел, стараясь предусмотреть и предупредить все случайности и трудности на своем миссионерском пути, позаботился привлечь опытного знакомого

медика, а этот жертвовал для него всем своим искусством в борьбе с пакостником плоти в немощи Павловой (2Кор. XII, 7 сл.) и удостоился активного соучастия в апостольском подвиге, где он был не простым только спутником, но стал и благовестническим «сотрудником» в ряду других (Филим. 24; οἱ συνερῶοί μου). Достигнув Неаполя, миссионеры утвердились потом в Филиппах. Тут Лука, кажется, и задержался или послан был в другое место со специальным поручением, ибо прежнее «мы» сменяется чрез «они» (Деян. XVI, 19 и 40) при рассказе об удалении проповедников из этого города и снова употребляется уже за период третьего путешествия в речи об отправлении в Малую Азию обратным путем (Деян. XX, 5–6). Значит, на несколько лет Лука оставался, один и, конечно, ради продолжения благовестнического служения (вероятно, в пределах именно Македонии). Это громко свидетельствует, каким редким и высоким доверием пользовался Лука, если ему единолично возложено было такое ответственное дело⁶². Отсюда обязательно заключать, что его христианство началось давно и успело развиться до законченной полноты, а по содержанию оно строго соответствовало духу Павлова учения о всеильном и всеобъемлющем влиянии благодати Христовой. Что до результатов миссии Луки в „греческих» европейских областях, то здесь достаточно сослаться на послание к Филиппийцам, которое неотразимо убеждает, что эта церковь была предметом неизменной и самой светлой радости Апостола Павла.

Ученик вполне оправдал благоволенные надежды своего учителя, и неудивительно, что последний снова взял его с собою при крестном шествии своем в Иерусалим (Деян. XX, 5 сл. XXI, 1 сл. 17 сл.), а Лука, разумеется, был поблизости даже в период Кесарийских уз, разделял все превратности путешествия в Рим (Деян. XXVII, 1 сл.) и был там в течение не менее двух лет (Деян. XXVIII, 16, 30). Касательно этого периода бесспорно разве то, что, не будучи (- подобно Аристарху и Епафрасу: Кол. IV, 10 Филим. 23) – «союзником», он усердно помогал великому благовестнику, почему лестно похваляется пред Колоссянами (IV. 14) и прямо упоминается в числе

«сотрудников» (Филим. 23), подвизавшихся за истину Евангельскую в столице мира. Но в письме к Филиппийцам нет ни имени, ни приветствия его, и мы должны думать, что к этому моменту он уже покинул Рим. С другой стороны, говорится о возможном посольстве в Филиппы Тимофея (Филипп. II, 19), между тем всего естественнее было бы завернуть туда Луке, если бы последний отправлялся на Восток. В этом обстоятельстве получает вероятность сообщение Епифания, что Лука благовествовал в Галлии, Италии, Далматии и Македонии, как и вполне понятно, что Апостол, намеревавшийся пройти на запад до Испании (Рим. XV, 24, 28), послал наперед своего ученика, который потом по указанному маршруту переправился в «Грецию». Может быть, к этому же периоду относятся известия Симеона Метафраста и Никифора Каллиста о пребывании его в Египте и Ливии, причем «Постановления Апостольские» говорят (VII, 46), что «в Александрии первый рукоположен (во епископа) Марком Евангелистом Анниан, а второй Авилий – Лукой, также Евангелистом» (M. gr. I, 1052; snf. XVI, 17). Во всех этих данных много спутанного, – и напр., Александрия допускает даже отождествление с Троадой у Эгейского моря на юг от Трои (Αλεξανδρία ἢ Τροάς)⁶³; а Фиваида не без удобства сближается в Беотией, ибо трактуется о Фивах «семивратных» Θῆβαι ἐπ' ἄπυ οἱ, но Египетские издавна величались «стовратными» (Θῆβαι ἐκατόμυλοι).

Во всяком случае, сношения с Апостолом Павлом не прерывались, и его «врач возлюбленный» поспешил к нему в Рим, где гот снова подвергся особой опасности. В своем предсмертном (втором) послании к Тимофею св. Павел с грустью отмечает (IV, 10) свое одиночество, потому что Димас оставил его, возлюбив нынешний век, и пошел в Фессалонику, Крискент – в Галатию (Галлию), Тит – в Далматию; при таком положении крайне знаменательно и лестно нарочитое упоминание, что «Лука един со мною» (Αουκᾶς ἐστὶν μόνος π. μετ' ἐμοῦ). Благовестник как будто не хотел отпустить от себя своего ученика, и этот заменял ему всех в самые тягостные минуты, когда уста львовы уже были готовы поглотить великого миссионера. Естественно, что Лука старался всеми средствами

помогать в ограждение Апостола и в устранение роковой катастрофы. В этой комбинации всего уместнее привлекается именно сюда темное известие Мураториева фрагмента о третьем Евангелисте: *post ascensum Christi cum eum (Lucan) Paulus quasi ut juris studiosum secundum adsumsisset*. Фраза эта настолько загадочна, что некоторые⁶⁴ предлагают читать: *quasi itineris studiosum secundum*⁶⁵, но трудно согласиться, чтобы в своем кратком перечне автор специально отметил подобную самопонятную тривиальность, не разъяснив, что значит и к чему относится «*secundum*»⁶⁶? Иные находят в цитованных словах намек на приверженность Луки к закону, приравнивая *juris* к *legis*⁶⁷. а другие ради этого в *jus* видят *Scriptura*⁶⁸. Это толкование почти прямо противоречит всем биографическим свидетельствам и, пожалуй, больше исключается, чем поддерживается контекстом всего выражения. В нем неоспорим юридический колорит, и потому мы охотнее примыкаем к толкованию проф. Ад. Гильгенфельда⁶⁹, что *juris studiosum secundum* не точно воспроизводит греч. δευτεραγωνιστής каким термином обозначался адвокат, игравший на суде вторую роль (Демосф. Περὶ τ. παρატρ., р. 344), выступавший со своим словом уже после других⁷⁰. Тогда справедливо будет допустить два разбирательства дела Павлова в Риме. «При первом ответе (на суде) никого не было при Апостоле, но все его оставили» (2Тим.16), и только к следующей защите явился Лука и взял на себя роль как бы (*quasi ut*) второго (-после самого Павла-) адвоката, или девтерагониста, хотя он и был по профессии медик. Если так, то и здесь Евангелист был *inseparabilis a Paulo* (Iren. Contra haer. III, 141: M. gr. VII, 916).

Приняв его последний вздох, Лука, конечно, не мог продолжать своего пребывания в столице и покинул этот город. Мы равно ничего прочного не знаем о дальнейшей судьбе. Передается только, что он всегда был девственником (по «*Aragumentum evangelii secundum Lucam*» не позднее начала III в. в «*Texte und Untersuchungen*» XV,1,S.7 – 8) и дожил до преклонного возраста – 74 лет (*ibid.* и Седулий), 80 (Никифор Калл.), 84 (по неподлинному добавлению к Hieron. De viris ill. VII). Местом его кончины называют Вифанию⁷¹. Ефес, Патары в

Ахайи (куда в Argumentum относится и составление Евангелия), каковые сведения должны иметь известные фактические основания⁷². Григорий Богослов первым сообщает (Contra Julian, or. I, 69: M. gr. XXXV, 589), что Лука претерпел мученичество, и затем лишь один Симеон Метафраст (с. 8) говорит, что он умер ἐν εἰρήνῃ, а Никифор Каллист утверждает, будто этого восьмидесятилетнего старца повесили на маслине. В двадцатом году правления Констанция (т. е. в 357 г.) останки его были перенесены из Ахайи в Константинополь⁷³.

Довольно скудны наши биографические сведения о Евангелисте Луке, но и они важны в том отношении, что достаточно оправдывают с его стороны появление христианских писаний. Видный эллин,— он от всего отрекся ради Христа и для всецелого служения Ему. Ясно, что «премудрость премудрых» не удовлетворяла религиозно пытливую душу, и это разочарование вселяло такое отчаяние, которое могло рассчитывать на спасение лишь из сфер выше человеческой интеллигентности, или исключительно от благодати Божией. Здесь в проповеди Павловой Лука нашел наилучшее удовлетворение, как и сам Апостол, видел в нем яркое оправдание божественной спасительности Христовой. Эти люди дополняли друг друга, и отсюда их тесная связь в благовестническом подвиге. Его нес Лука именно потому, что благовестие Павлово было основой всего духовного существования, сообщало ему смысл и разум, без чего жить частью невозможно и частью не стоит. Естественно, что Лука старался усвоить полностью это живительное Евангелие, распространить и утвердить его среди людей с равной благотворностью. В таком случае совершенно понятно, что он поспешил закрепить в письмени благодатную истину Христову, когда живой голос ее устного возглашения готовился умолкнуть. Посему натурально и нормально, что Лука издал Евангелие павлинистического характера и иллюстрировал его спасительное влияние историческими фактами в Деяниях апостольских. В этом же было и счастливое употребление прежних достояний науки и практики, когда Лука — врач, «переняв от Апостолов искусство врачевать души, оставил нам

доказательства этого в (своих) боговдохновенных книгах» (Eus. h. e. III, 4: 7). Тут было как бы продолжение и приспособление медицинской целительности, но только уже при христианском озарении и для высоких духовно-врачующих целей. Человеческие способности и научные знания непринужденно получали благовестническое применение. «Как Апостолы из рыбаков сделались ловцами человеков; так, по словам блаж. Иеронима (in Philem. 24: M. lat. XXVI, 618), – и целитель тел превратился во врачевателя душ, и его творение, будучи читаемо в церквях, всякий раз проявляет свое целительное влияние». Ясно, насколько естественно, что представитель человеколюбивейшей профессии, сделавшись учеником св. Павла, потом письменно изложил Павлинистическое Евангелие.

Евангелие св. Апостола Луки.

Но, раскрыв эту сторону, биографические указания мотивируют только побуждения к писанию и не оправдывают самого осуществления. Скорее – последнее будет крайне затруднительным, раз Лука отдаляется от непосредственных спутников Господа и чрез это лишается средств для точной фактической осведомленности в Евангельской истории. Поэтому нам необходимо перейти к детальному анализу синоптического памятника, чтобы отыскать и рассмотреть

Источники и условия происхождения третьего Евангелия

для оценки его достоинств в качестве литературного труда. К счастью, сам писатель оставил по этому предмету категорические заявления в своем «прологе». Хотя данное место оказывается одним из темнейших и труднейших во всем Новом Завете⁷⁴, но случилось это главным образом потому, что к нему искусственно привязываются и из него насильственно извлекают разные произвольные и тенденциозные теории, которые, естественно, окутывают все поле своею туманною призрачностью. Нужно взглянуть на дело без всякой предвзятости, – и тогда все существенное будет достаточно ясно.

Автор старается оправдать свое литературное замышление ссылкой на пример многих других, которые уже взяли на себя эту задачу. поскольку они начали «чинити повесть», то заблагорассудилось и мне (ἔδοξε καί μοι): – говоря так, Евангелист прямо ставит себя в ряд этих лиц и усвояет себе одинаковые цели при сходных средствах. Он будет работать и по примеру их и подобно им, почему относящееся к предшественникам является характерным и для него. А там предметом рассказа служили τὰ πράγματα, или нечто содеянное, которое бывает осязательным эмпирическим фактом. Разумеется, это касается событий исключительно христианских. Свойство последних ближе характеризуется названием их πεπληροφορημένα. Этот глагол значит «доводить до законченности» = = πλήρος φέρειν (2Тим. IV, 5, 17. Деян. XII, 25), убеждать (патр. Фотий в «Библиотеке») или убеждаться (Рим. IV, 21. XIV, 5. Кол. IV, 12. 1 Клим. XLII, 3. Игнатия к Магnez. VIII, 2). Все эти оттенки находятся по внутренней связности и с логической естественностью вытекают из основного понятия. Таковым тут является полнота осуществления идеи в вещи⁷⁵, когда своим точным воплощением вторая сообщает ей неотразимую объективную убедительность, а эта фактически бывает активно убеждающей и вызывает в созерцающих

субъективную убежденность. Эти побочные, отраженные влияния неизбежны и кроются в самом принципе, который по «самой природе убедителен и натурально порождает убежденность в нем, но все это бывает доступным собственно лишь при конкретной реализации идеального в реальном. Потому и в цитованных словах, прежде всего, разумеется завершённость фактического раскрытия обсуждаемых истин в вещах, вполне им соответствующих. А это случилось ἐν ἡμῖν – у нас христиан, бывших естественной средой данного процесса. Понятно теперь, что у Евангелиста речь идет о христианских началах, на которых созидается в самом своем бытии «наше» общество и именно христианское. Только эти начала берутся уже в неразрывности от своего исторически-фактического продолжения, где они постепенно реализуются в свойственной типичности и чрез это «совершение» (ср. Деян. XIX, 21) приобретают убеждающую энергию для всякого зрячего искреннего человека. Тут факт не просто констатируется, но и оценивается по своему неотлучному действию в качестве оправдания для производящей причины, ибо – по слову св. Амвросия Медиоланского- cum fide effectus adstruat, exitus probat. В этом смысле и для христианства позднее бывает раскрытием и подтверждением раннейшего (ср. 1Кор. IX, 2), как исполнение пророчества служить и его наглядною рекомендацией, удостоверяет его принципиальную истинность. Для сего мало, чтобы событие совершилось; – сверх этого надобно, чтобы оно доказало свою устойчивость и достаточным рядом моментов засвидетельствовало продуктивную жизненность своей производящей причины. Лишь тогда наступит полнота исполнения и убедительности. Ясно, что Евангелист вышел за горизонт собственно Евангельской истории и видит ее как бы позади себя в последующем развитии апостольского созидания Церкви Христовой, которая бывает исторической носительницей и фактической удостоверительницей Евангельских основоположений. Лука рассматривает Евангельские данные при свете их реалистического закрепления в условиях апостольской эпохи, откуда некоторые толкователи не без права простирают свидетельства "пролога» и на книгу

Деяний, а другие даже допускают, что вторая была в священнописательском плане вместе и одновременно с Евангелием⁷⁶.

Последнее не столь несомненно⁷⁷, а безспорным будет пока то, что предметом письменного изображения называются Евангельские события, как дошедшие до полноты обнаружения своего спасительного содержания в историческом процессе. Здесь писатель приобретает сильнейшую опору для убеждения других и для привлечения их на свою сторону, но, отодвигаясь от первоисточника, он возбуждает подозрение насчет своей объективной достоверности. Этим вызывается вопрос о способах его осведомления, и на это нам отвечают слова: καθὸς παρέδόσαν ἡμῖν οἱ ἀπ' ἀρχῆς αὐτόπται καὶ ὑπηρεταὶ γεγόμενοι τοῦ λόγου.

«Многие» рассказывали, в строжайшем соответствии с сообщениями поручителей, которые служат гарантией истинности самых рефератов. Это суть лица, обладающие двумя свойствами, но так, что последние были совместно в каждом из них, ибо один член простирается на оба эпитета и связывает их в единстве приложения к данным субъектам. Они и αὐτόπται и δπ ρέται, – и тут вовсе не два класса⁷⁸. Первый термин вполне понятен для всех и отмечает «самовидцев», которые сами непосредственно наблюдали разумеемые события, т. е. конечно, христианские. Но они берутся у Евангелиста уже в неразрывности от позднейшего исторического осуществления, а потому не ясно, с какого фактического момента идет «самовидчество», и на какой промежуток распространяется. Сила наблюдений будет весьма поколеблена, если ими захватывается только позднейший период, а к самому возникновению мы возводимся лишь косвенным путем умозаключений от следствий к причинам. В устранение подобных недоумений и подчеркивается специально, что αὐτόπται были таковыми ἀπ' ἀρχῆς по противоположению с возможностью существования людей, которые тоже были «самовидцами» Евангельских событий, но уже не изначальными⁷⁹. В данной комбинации неотразимо, что это наречное сочетание отсылает к «началу» зарождения

«известованных вещей», которые эти αὐτόπται самолично наблюдали с появления их на исторической сцене. Это – момент давно минувшего, но у этих авторитетов он был и остается неотъемлемым преимуществом. Тут γέν μ νο, констатируя случившееся исчезновение в прошлом, относится собственно к событию, как прекратившемуся с этой стороны, а вовсе не к бытию или достоинству удостоверяющих его лиц. Посему энергия γέν μενο: всецело исчерпывается в ἀπ' ἀρχῆς ничуть и не внушает, что сами «самовидцы и слуги» являются теперь уже «бывшими», когда писатель отдаляется от них, лишаясь компетентных источников для своего фактического осведомления. Это противоречило бы всей тенденции «пролога», желающего убедить в реальной безупречности материала. Для того и подчеркивается, что поручители были «самовидцами из начала» или одновременно с тем, как начали быть изображаемые π ἄμ τα. В этом случае по самому своему соотношению с последними αὐτόπται не нуждаются в дальнейших определениях, ибо для всех понятно, что они непосредственно созерцали изначальные стадии христианской истории. В виду сего и возможное грамматически сочетание этого термина с τοῦ λόγου фактически скорее устраняется, причем у нас будет не слово личное во Христе Иисусе, а слово проповеданное о Нем. Конечно, нельзя теоретически отрицать допустимость первого воззрения у Луки, и это отвергается лишь по тенденциозному предубеждению, будто вся «логология» – позднейшего происхождения и выросла на Филоновско-философской почве по самому своему содержанию. Но, с другой стороны, не усматривается основательного резона и усвоить третьему Евангелисту специально Иоанновские концепции, которые у него ограничивалась бы единичным намеком и висели бы на слишком тонкой паутинке. В этом преувеличении нет ни малейшей надобности, ибо легко представить, что αὐτόπίης скоро и необходимо сделалось самопонятным terminus technicus для «самовидцев» именно жизни Господа, а у нас это вполне разъяснится из связи с τὰ πράγματα, для которых были непосредственными зрителями их с самого начала эти лица. Но они не сокрыли в себе этих

сведений, отрезывая доступ к ним для грядущих поколений. Напротив, αὐτόπται были вместе и ὑπέρεταί τοῦ λόγου, т. е. служителями в слове или посредством слова (gen. obj.) и при том слова определенного. Значит, это есть слово Евангельского проповедования (ср. Деян. VI, 2. X, 44. XI, 19. XIV, 25. XVI, 6. XVII, 11) о Евангельских событиях. Тут второе фактическое отличие описываемых людей, но оно важно и для целей авторских наравне с первым. Если αὐτόπται является гарантией доброкачественности материала, то ὑπέρεταί обеспечивает его пользование со стороны других людей. Отсюда естественно и παρέδόσαν, ибо «самовидцы» имели обязательную «службой» делиться своими достоверными знаниями и распространять их⁸⁰. Наряду с этим здесь отмечается и самый характер «предания» именно «словесным» путем. Хотя настоящий глагол иногда прилагается к письменным сообщениям, но лишь метонимически и с предполагаемым дополнением ὑράματα, а основным элементом в нем всегда было понятие устного ознакомления кого-либо с известными предметами и событиями (ср. 1 Кор. XI, 2, 23. XV, 3. 2 Петр. II, 21. Иуд. 3). Раз же это «предание» вручалось прямо «нам» – ἡμῖν, этим для «нас» утверждалась посредственная связь с Евангельскими «вещами», почему являлось возможным изобразить их с самого начала.

В этом пункте Евангелист вполне обеспечивает безупречную ценность своего содержания. Он – человек как бы второй христианской генерации, разобщенный от восхода солнца правды некоторым промежутком или хотя бы тем, что он стоял в стороне от событий и не соприкасался прямо с историческим потоком их. Зато у него есть безусловно надежный источник в αὐτόπται, бывших зрителями христианского течения с самого начала. Это, конечно, прежде всего, Апостолы из XII – ти, но далеко не только они. Сжатая характеристика «пролога» является лишь сокращением тех определений, которые св. Петр считал необходимыми для кандидата в замену отпавшего Иуды: «надобно, – говорил он (Деян. I, 21–22), – чтобы один из тех, которые находились во все время, когда пребывал и обращался с нами Господь Иисус,

начиная от крещения Иоаннова до того дня, в который он вознесся от нас, быв вместе с нами, свидетелем воскресения Его». Избраны были двое, но таких христиан имелось немало, и все они подходят под квалификацию Луки, расширяя круг его референтов. У всех их несомненна интимная близость к событиям, так что в этом отношении источник осведомленности и достоинство данных – выше всяких подозрений. Эти лица сами по долгу своего «проповеднического служения» громко возвещали о своих наблюдениях и «передали» их непосредственно, а потому и писатель обладал равною объективной достоверностью. Живым апостольским преданием, откуда прямо почерпается материал Евангельской истории⁸¹, св. Лука незыблемо ограждает свою фактическую компетентность, но тут он рисуется наряду со «многими» и для удовлетворительной мотивировки своего предприятия должен был указать отличительные особенности, какие представляют

Задача и характер третьего Евангелия

Писатель его приравнивает себя к предшественникам и усваивает общую цель – ἀνατάξασθαι διήγησιν. Желалось дать в связной картине рассказ соответственно свидетельствам «самовидцев», т. е. от начала возникновения Евангельских «вещей» и до момента их «известованности». На этом пространстве должно быть множество отдельных эпизодов, которые, совмещаясь в этом целостном изображении (= οὖν – τάξασθαι), нанизывались один на другой в последовательной преемственности (= ἀνα – τάξασθαι), хотя бы, при воспроизведении их посредством памяти или припоминания (Prof. Fr. Blass). Но если завершительное раскрытие событий служит к утверждению их и к убеждению в них, то лишь потому, что имеет для себя прочную основу в раннейшем течении, все моменты которого тоже взаимно солидарны и подкрепляют друг друга. В хронологической смене схватывается не просто внешнее чередование, а в нем всюду подмечается внутренняя гармония, когда все частности солидарно и прогрессивно ведут к обнаружению своей идеи, почему завершение служит для нее уже фактическим оправданием. Ясно, что пред нами рисуется исторический прагматизм в научном воспроизведении прошлого, и в этом отношении третий Евангелист не разнится от «многих», замышляя – подобно им – дать прагматический отчет о Евангельских «вещах».

Тогда – при единстве цели и средств – не оказывается ни мотива, ни оправдания для новой работы, если она не хочет быть только арифметическим увеличением готового. Загадка разрешается тем, что, располагая хорошим материалом, «многие» лишь ἐπεχειρήσαν при осуществлении взятой задачи. Vox ambigua – этот глагол у классиков (напр., Сироп. II. 2: 23; см. у Passow, WB. I, 1, S. 33) не говорит прямо о самом качестве «начинаний» непременно в дурном смысле⁸² и в Новом Завете описывает их не столько по этическому характеру, сколько со стороны успешности или неуспешности, к чему именно относятся и качественные определения. В этом последнем

смысле здесь преобладают и оттенки неблагоприятные – для означения неудачи «попыток», напр., при покушении эллинистов убить Павла (Деян. IX, 29) и заклинателей иудейских воспользоваться для исцелений именем Господа Иисуса (Деян. XIX, 13 и ср. 14–16). Писатель второй книги Маккавейской однажды выражает (II, al. 30) этим термином просто старание (ζωγραφεῖν ἐπιχεῖ οὖν τι «живописать начинающему»), необходимое для выполнения задуманного «начинания», и в другом месте констатирует больше бесплодность предприятия с напрасной, хотя бы и усердной, тратой сил (VII, 19. «ты же да не возмниши неповинен быти, богоборствовать начен», θεομαχεῖν ἐπιχειρήσας). Поэтому нет филологических оснований соглашаться с древним пониманием, что в «прологе» разумеются непременно еретические литературные фабрикация, авторы которых равны ветхозаветным лжепророкам и даже хуже их⁸³). За этические свойства делания им не высказывается ясно и «скрытого обвинения», какое находил тут Ориген⁸⁴. Не данное фразой, – это толкование совсем недопустимо по содержанию, ибо – иначе – Евангелист одинаковую тень набросил бы на себя самого, уподобляясь «многим» своею собственною речью. Верно не свыше того, что попытки их были неудачны, не достигали идеала поставленной задачи и – в нашем случае – не давали прагматического изображения. Конечно, при этом не оказалось надлежащей точности воспроизведения событий по их внутреннему существу и в результате не получилось завершительной убедительности в меру объективного достоинства самых предметов. Все это правда, однако здесь лишь недостаток, а не порок или грех.

Такая неудовлетворительность раннейшей репродукции и была солидным фактическим побуждением к литературному замыслению Евангелиста для выполнения прагматических требований историографии⁸⁵. Ради сего он принял все соответствующие средства с явной оппозиционностью пробелам и недосмотрам «многих»⁸⁶. Пред ним было уже некоторое завершение, но его важность и убеждающая энергия коренились в том, что им оправдывалось исходное начало, в котором и оно само освещалось в своем истинном значении. Понятно отсюда,

что для обеспечения объективности описания необходимо было возвратиться к первоисточнику и, конечно, по тому пути, каким он протекал исторически до момента «известованности». Это и отмечается эпитетом παρακολουθηχότι, характеризующим свойства предварительных работ. Данный глагол встречается в Новом Завете при упоминании о сопутствии и возможно неотлучном пребывании кого-либо при другом (Мрк. XVI, 17. Лк. 1, 3. 1Тим. IV, 6. 2Тим. III, 10). В применении к литературным задачам этот термин будет указывать «последование» за подлинным ходом событий при их изучении и письменном закреплении (ср. Polyb. III,2: 2 παρακολουθήσαι σαφῶς ταῖς... πράξεσιν ἀπὸ τῆς καὶ ἁ Πύρρον ὑπὸ Τιμαίου συγγραφέντ ν καίρῳ εἰς τὴν Κ ρχηδ νος ἄλωσιν). Это восхождение по преемственности в цепи исторического развития должно было привести к началу, – и Лука, действительно, проник ἄνωθεν – к самому историческому зарождению понимаемых «вещей», или к тому хронологическому пункту⁸⁷, от какого фактически отправлялось христианское движение. С этой стороны ἴνωθεν вполне тождественно с ἀπ' ἀρχῆς⁸⁸ и разнится от него лишь субъективно по особенности (положения) лиц, из коих «самовидцы» присутствовали при фактическом начале, а Лука мог только мысленно подняться до вершины исторического течения. В этом смысле ἄνωθεν констатирует объем приобретенных познаний, которые простираются от созерцаемого до возникавшего. Этот переход от настоящего к давно минувшему был возможен при единственном условии, что в промежуточных звеньях не было перерыва, и они захватывались во всей совокупности. Отсюда новый объективный предикат – πᾶσιν, указывающий содержание познанного, которое берется на всем протяжении и во всех существенных частях. Но в ученой репродукции такая объективная доскональность бывает неразрывна от субъективной пунктуальности осведомления. Если при непосредственном совершении не трудно следовать за событиями без малейшего разумения их, то при научном воспроизведены всякая фальшь будет роковой, ибо прагматическая связность исчезнет или нарушится, и нельзя будет свести концы с началами и наоборот. Теперь естественно

у Луки является третий субъективный квалификат – (ἀκριβῶς), знаменующий особенную отчетливость прозрения, когда факты развиваются в ученой концепции с тою стройностью натурального чередования и взаимной обусловленности, с какими они двигались исторически. Опять подчеркивается точность прагматического свойства, а потому тут нет прямого упрека «многим», которые – (подобно Папиеву Марку-) могли быть вполне аккуратными для отдельных событий в их обособленности, но без строгого внутреннего соотношения с другими. В последнем было несомненное преимущество Луки, и он превосходил обширностью перспективы и детальностью подробностей своего созерцания. Не удивительно, что пред его взором разворачивалась стройная картина преемственного и всестороннего развития христианской истории.

В итоге приобретаем, что, оправдываясь неудовлетворительностью прежних попыток для предприятия своей, Лука усвояет ей характер прагматической связности на основании точного знания всех частных. Но если «многие» не достигали этого при сходных условиях, то не имеем ли мы и здесь простого самообольщенного притязания? Для ответа необходимо разобрать, были ли удобства для осуществления этого намерения в наличном материале? Тогда определяется

Объем источников и способ пользования ими у третьего Евангелиста

Если это был спутник Павлов Лука, то он располагал всеми данными для самых широких и пунктуальных осведомлений. Почерпая немало фактических сообщений от самого Апостола языков, ученик – врач больше всего обязан был ему принципиальным прозрением в самую сущность Евангелия Христова⁸⁹ и получил чрез него доступ к авторитетнейшим лицам первенствующей Церкви. Упоминание 1Кор. XV, 6 убеждает, что к тому времени еще много «самовидцев»⁹⁰ было в живых, а пребывание при эллинском благовестнике по необходимости приводило Луку в соприкосновение с этими кругами. И в древних известиях иногда указывается на его отношения к Петру⁹¹. Это вполне мыслимо по биографическим соображениям, но не менее дозволительно предполагать непосредственные встречи и с другими членами из сонма XII-ти. И Мураториев фрагмент замечает, что в *acta omnium apostolorum*, Деяписатель изложил то, что *sub presentia eorum gerebantur*, а Ириней прямо выражается, что он был «не только последователем, но и сотрудником Апостолов» (*Contra haer.* II, 10: I), «особенно же Павла» (*ibid.* III, 14: 1), Евсевий прибавляет, что Лука «больше всего находился при Павле и ревностно обращается с прочими Апостолами» (*h.e.* III, 4: 7), откуда – согласно мнению древних (III, 24:16) – выводится, что в собственном Евангелии он передал несомненное сказание обо всем, справедливость чего достаточно узнал частью чрез сожитие и обращение с Павлом, частью чрез собеседование с остальными Апостолами» (III, 24: 15). К подобному решению склонялся и блаж. Иероним, говоря (*De viris illustr.* VII): *Quidam suspicantur... Lucam non solum ab Apostolo Paulo didicisse Evangelium, qui cum Domino in carne non fuerat, sed et a ceteris Apostolis... Igitur Evangelium, sicut audierat, scripsit.* В древности это было распространенным суждением⁹², которое находит категорическое подтверждение в словах «пролога» о

непосредственной связи автора с «самовидцами», а их он мог находить и в Антиохии, и в Кесарии, и в Иерусалиме.

Но ὁ π' ἀρχῆς своим контрастом заставляет принять еще второй класс – свидетелей жизни Господней не изначальных, однако наблюдавших известный ее период и тесно соприкасавшихся с ближайшими зрителями (чем и сам Лука поставляет себя в ряд компетентных удостоверятелей для эпохи Деяний). Опять для сего были достаточные удобства, и нам сообщается, что (в Антиохии он был вместе с Агавом и другими пророками: Деян. XI, 27–28 по Dal.), встречался с одним из семи дьяконов Филиппом и его четырьмя дочерьми в Кесарии, где (опять) видел Агава (Деян. XXI, 8 сл.), а в Иерусалиме приходил с Павлом к Иакову и прочим Апостолам (XXI, 18). Наконец, всячески несомненно, что первохристианская Иерусалимская община делилась с Лукою своими светлыми воспоминаниями, какими жила каждую минуту, а там была и «Мария, мать Иисуса» (Деян. I, 14), некогда соблюдавшая все достопримечательные глаголы (Христовы) в сердце своем (Лк. II, 51); здесь был хороший путь к детальному ознакомлению с историей детства Господа и предшествующими событиями.

Источник устного апостольского предания был богатый и, конечно, оставался главнейшим для Евангелиста⁹³, который (по блаж. Иерониму в Praef. in Matth.: M. lat. XXVI, 18) являлся *audita magis, quam visa describens*⁹⁴. Но едва ли этим все и ограничивалось. Трудно согласиться, чтобы, зная о ранних литературных опытах, Лука не воспользовался ими, когда (по его же суждению) они основывались на традиции «самовидцев». С другой стороны, несовершенства этих «начинаний» не давали гарантии на успех дальнейшей работы, если – кроме их – не будет для нее более надежного руководства. Усвояя себе несомненные преимущества, третий синоптик тем самым внушает, что у него самого были лучшие пособия. О характере последних можно догадываться по контрасту с предшествующими воспроизведениями. О них справедливо думать, что они покоились на воспоминаниях о слышанном, как и глагол ἀνατάξασθαι значит «восстанавливать

упорядоченно по памяти»⁹⁵. И коль скоро это средство оказалось недостаточным, – мы обязаны допустить, что продолжатель обладал прочными образцами в письменных документах. Вот второй источник, присутствие которого в самом труде довольно ощутительно и неоспоримо. Это ясно по самому стилю, обнаруживающему иногда слишком резкие колебания, раз классически-правильный «пролог» сменяется сильно евраизированными отрывками первых двух глав. Подобное явление встречается и в других случаях, заставляя предполагать, что стилистическая свобода Луки была связана вполне выработанным текстом, для которого допустимы были лишь легкие корректуры. Так нужно думать по двум наблюдениям, что 1) евраистические шероховатости попадают преимущественно в репродуктивных частях, где требовалась собственно точность воспроизведения, но 2) даже и в этих – параллельных Матвею и Марку – отделах ср. IV, 38 – 41 и Мрк. I, 29–34; Мф. V 40; III, 14 – 17. V, 12 – 16 и Мрк. I, 40–46; Мф. VIII, 1–4. V, 17–26 и Мрк. II, 1–12; Мф. IX, 1–8. IX, 10–17 и Мрк. VI, 30–44; Мф. XIV, 13–21. IX, 38–40 и Мрк. IX, 17–18; Мф. XVII, 15–16 и мн. др.) обнаруживается стилистическое превосходство, свойственное авторскому перу третьего Евангелиста (см. ἐν μέσῳ, σ λόγος τοῦ θεοῦ, δέχονται и ἀφ’ ὧν αἱ в VIII, 14 – 15 по сравнению с Мф. и εἶπεν πρὸς αὐτοῦς, ἐπίστατα, δέομαί σου, ξελθεῖ ἀπό, κανός, ἐδείτο αὐτόν, σύν, ὑπόστρεφε, παρὰ τοὺς πόδας, παρα ρῆμα и пр. вместо Марковых λέγει αὐτοῖς, ὁ δάσκαλε, δρκίζω σε, ἐξελθεῖν ἐ#95#954;, μέγας, παρεκάλες αὐτὸν, μετὰ, ὅτα ε, πρὸς τοὺς πόδας etc.). Если при всем том писатель удерживает евраистические особенности вопреки всем своим литературным навыкам, то, очевидно, он вынуждался преклониться пред авторитетною необходимостью, а таковую мог представлять только письменный памятник, как сохранивший подлинные данные в точности, которая обязывала к неприкосновенности.

О характере этих источников нам ничего неизвестно. Бесспорно, что многие из них первоначально могли существовать на арамейском (еврейском) языке, и отсюда иногда заключают, что Лука сам перевел их по-гречески⁹⁶.

Дозволительно и это для Антиохийского грека, однако едва ли он столь совершенно владел литературно – поэтической семитской речью, а история оригинального Матвеева труда свидетельствует, что в христианских общинах уже рано обнаружилась неустраняемая нужда в греческих переложениях, хотя, напр., Матвеево Евангелие почитается первую литературной книгой для культового, богослужебного употребления христианской церкви, ближайшим образом – Палестинской⁹⁷. В виду сего безопаснее думать, что и Лука воспользовался готовыми греческими записями, какие могли содержаться в повествованиях у „многих», вряд ли писавших «по-еврейски».

Что до объема подобных пособий, то тут необходимо принять в соображение два обстоятельства. Во 1-х новейшими филологическими исследованиями добыто, что не все евраистическое в греческой речи имеет непосредственное еврейское происхождение и не все такое образовалось под влиянием копирования еврейских образцов. Напротив, дознано с решительностью, что многое в этом роде было общим достоянием эллинистического языка, как в синкретизме было воспринято и распространялось множество религиозно-философских ориенталистических элементов – даже прямо семитического происхождения и почти библейского характера; значит, по евраистической окраске тех или иных отрывков третьего Евангелия нельзя с несомненностью догадываться о еврейских источниках⁹⁸. Во 2-х: по суду всех компетентных ученых, Лука был опытный и гибкий стилист, умевший в каждом случае говорить соответствующим языком, почему сам мог придавать евраистический колорит, когда этого требовала историческая ситуация⁹⁹ и – следовательно – вообще по языковым особенностям писаний Луки трудно гадать о его источниках с уверенностью¹⁰⁰. Всеми этими наблюдениями тоже сокращаются основания для попыток к отысканию у Луки еврейских оригиналов.

Тем не менее, они вероятны по самому существу дела, как и пользование другими письменными пособиями. Это мы должны думать по обилию новых данных сравнительно с двумя

первыми Евангелистами. Если мы раздробим общее всем синоптикам содержание на 172 отдела. то из них у Луки будет 127 (3/4 целого) при 48 (2/7) свойственных ему одному, у Матфея – 114 (2/3) при 22 (1/8) ему принадлежащих и у Марка – 84 (1/2) при 5 (1/37) отличительных для него; отправляясь от цифры 124, получим отсюда для первого Евангелиста 78 при индивидуально свойственных 17-ти, для второго – 67, из коих на его долю падает всего лишь 2, а для третьего- 93 при 38 собственным ему¹⁰¹. Но опять же не ясно, что из этого материала почерпнуто в письменных памятниках и что взято из устного предания, столь разнообразного и богатого достоверными известиями¹⁰². Гипотетические построения насчет этих письменных документов всегда остаются чистым фантазированием и находят для себя почву разве в тенденциозных предпосылках, когда оказывается простое *petitio principii*, ибо идея (предполагаемого характера и воображаемых целей Евангелия) оправдывается ссылкой на факты, наличие которых лишь допускается именно в силу и ради этой идеи. Посему и гадания¹⁰³ для фактического истолкования о связи некоторых подобных пособий с двором Ирода (III, 1,19.VIII, 3. IX, 7–9. XIII, 31. XXIII, 7 – 12. Деян. XIII, 1) и измышления критические, – напр. (Volkmar'a), об эвионитском *evangelium rauperegum*, – одинаково недоказуемы и почти равно бесполезны для уразумения условий происхождения и конструкции третьего Евангелия. Тем менее побуждений апеллировать к помощи Иосифа Флавия, который не нужен или менее достоверен¹⁰⁴. При известных натяжках, пожалуй, мыслима осведомленность с сочинением (от 77 года «Об иудейской войне»¹⁰⁵ даже для исторического Луки, и иногда принимается, что он был лично знаком с иудейским историком в Риме около 63 года¹⁰⁶; вообще же сближение этих писателей больше склоняется к убеждению в позднем происхождении и не подлинности третьего Евангелия и книги Деяний¹⁰⁷. Но

– при отсутствии надобности в этом и при неимении тесного соотношения¹⁰⁸ – нет и разительных параллелей¹⁰⁹, ибо сходные по материи пассажи своими разностями – даже филологического свойства¹¹⁰ – скорее убеждают во взаимной

независимости, почему неприемлема и обратная идея¹¹¹, якобы Иосиф Флавий пользовался творениями Луки.

Значит, у нас будет безусловно твердым разве тот тезис, что у Луки были под руками письменные документы¹¹², – напр., для первых двух глав Евангелия¹¹³, по местам имевшие для него авторитетность неприкосновенности, каковы: генеалогия, послание Апостольского собора¹¹⁴, письма и т. п.¹¹⁵. А ныне всеми исповедуется, что Евангелие Марково явилось раньше третьего, откуда сама собою рождается мысль о зависимости последнего от него, как это требуется решением синоптического вопроса. И данный пункт тем правдоподобнее теоретически, что Лука и Марк были вместе в Риме одновременно (Кол. IV, 14. Филим. 24), и первый должен был знать о литературном предприятии второго, которое можно разумеать в числе литературных опытов «многих»¹¹⁶. Характеристика «пролога» вполне подходит ко второму синоптику, и ее применимость именно к последнему свидетельствуется близким согласием со словами Папия Иерапольского о труде «спутника» и «истолкователя» Петрова. По всем этим и другим соображениям теперь почитается достаточно обеспеченным, что Лука утилизировал для своих целей Марково Евангелие, и возражения по этому предмету¹¹⁷ только устраняют крайности и преувеличения, якобы один чуть не рабски копировал другого и вырос из него путем простой переработки. Сравнение открывает одинаковость хронологического распорядка, а в стилистическом отношении Марков текст нередко служит неизбежной предпосылкой редакции Лукиной¹¹⁸. Утверждают даже, что Марково Евангелие было для Луки ближайшим источником¹¹⁹, который он прекрасно изучил¹²⁰ и как бы переписал¹²¹, взяв оттуда до 3/4 целого¹²². Впрочем, третий Евангелист, включая едва не все содержание второго, материально превышает последнего целыми обширными отделами, вставленными в схему Маркову (напр., VI, 20-VIII, 4. IX, 51 – 14), и в хронологически-прагматическом отношении уклоняется не раз почти до решительного противоречия, примерами чего могут быть рефераты о входе в Иерусалим (гл. XIX), воскресении и вознесении Господа (гл. XXII- XXIV).

Посему Маркова композиция признается недостаточной,¹²³ и принимаются «другие опыты по Евангельской истории»¹²⁴. Какие же именно? – это необходимо выяснить точно, чтобы не сводить дело к иксам. И тогда мы естественно обращаемся к первому Евангелию. Должно наперед констатировать, что эта идея с равным усердием отвергается и критическими¹²⁵ и консервативными¹²⁶ авторами, однако едва ли вполне законно и внушительно. В основе тут чаще кроется нежелание допустить столь раннее образование такого высоко-христианского мессианического благовестия на чисто иудейской почве, но здесь лишь совсем неубедительная тенденциозная предвзятость. Если же от нее отрешиться, то получим, что для Луки необходимо предположить источник, близкий к Матвееву Евангелию и общий для него с третьим синоптиком¹²⁷. Другими данная гипотеза оспаривается¹²⁸, – и это справедливо в том смысле, что неизвестное ничего нам не освещает и не раскрывает, между тем соприкосновение нашего Луки с теперешним Матфеем несомненно существует и ярко иллюстрируется, напр., поразительным совпадением первого (VII, 27) со вторым (XI, 10) в свободной цитате из пророка Малахии III, 1. И не видится истинно научных резонов не комментировать этого бесспорного явления из наличных литературных документов. Выдвигается обыкновенно, что тогда во многом окажется контраст взаимоисключения, если о тождественных событиях повествуется до непримиримости различно. Пусть даже это верно, – и все-таки отсюда не следует взаимной неведомости обоих писателей.

Иначе по тому же самому соображению мы принуждены будем вместо нынешнего Марка поставить таинственного перво-Марка, но при этом исчезнуть все конкретные опоры для документально-осязательных разысканий, и весь вопрос покроется непроницаемым мраком. Этой роковой опасности боятся, и сторонники особых источников¹²⁶ и незаметно доводят последние – по реальному их содержанию – до фактического слияния с нашим Матфеем, Поучительный образец сего дает нам проф. Адольф Гарнак. Наряду с Марком он дальнейшим источником Луки считает общую с Матфеем историю Господа и

особую иерусалимскую или иудейскую традицию. По его мнению, единою основой для всех трех первых Евангелий был Q¹²⁷ -не ориентирующееся на событиях страдания собрание речей и изречений Иисуса Христа почти с исключительно Галилейским горизонтом и без всяких заметных сепаратных тенденций¹²⁸. Он составлен первоначально по-арамейски¹²⁹ каким-то учеником Христовым¹³⁰ около 51 года или даже раньше, во всяком случае, еще до Марка¹³¹, явившегося не позднее шестого десятилетия¹³². Q взаимно независим от Марка, ничуть не ниже его по достоинству, а во многих местах выше¹³³, но и второй синоптик имел «собрания Господних изречений, которые сильно соприкасались с Q»¹³⁴. Именно его утилизируют Марк и Лука в тождественном греческом переводе¹³⁵, хотя – по сравнению с греческим Матфеем – с отличиями, предполагающими, впрочем, лишь иную копию, а не другую редакцию³², Более неприкосновенно этот текст сохранен у Матфея¹³⁶, Лука же изменяет стилистическими корректурами¹³⁷, однако ценит его высоко, ничуть не ниже Марка¹³⁸. Труд второго синоптика был в основании третьего¹³⁹, и все-таки он не прерывал связей с Матфеем, поскольку в общем их содержании (сверх сходного с Марком) открывается такая пропорция, что это 2/11 для текста Матфея и 1/6 для Луки¹⁴⁰). Отсюда вытекает, что Матфей существенно воспроизвел Q, Марк привлекал близкий к последнему сборник, Лука скомбинировал Q и Марка, но этот, искусственно завуалированный источник познается лишь чрез нашего греческого Матфея и необходимо сливается с ним до безразличия, поскольку все построения производятся прямо по Матвееву тексту и без него лишаются всякой фактической почвы. Не имеется ее и в историческом предании, ибо считается весьма вероятным (*sehr wahrscheinlich*), что Папий (у Евсевия h. e. III, 39) разумел «нашего (теперешнего) Матфея»¹⁴¹ и – значит – нисколько не требует наличности особой от него арамейской логографы. Правда, тут же делается оговорка, что если нашего Матфея нельзя принимать за труд Апостола, то придется наивероятнее (*iiberwiegend wahrscheinlich*) усвоить предполагаемому Папием Апостолу Матфею Q в качестве его

подлинного труда¹⁴², но какое может быть оправдание для подобной догадки, коль скоро единственный компетентный свидетель совершенно не допускает ее, а бывшие у него τὰ λόγῳ α заставляют видеть в греческом Матфее?

Здесь мы приобретаем новое основание апеллировать к теперешнему типу Матфеева Евангелия, известность которого Луке вполне мыслима и по традиции и критически, раз утверждается научная допустимость, что Матфеево Евангелие вышло до разрушения Иерусалима, хотя и близко к нему¹⁴³. Что до многих несогласованностей между Лукой и Матфеем, то они были бы роковыми лишь для гипотезы, будто третий синоптик образовался чрез списывание первого, но ведь никто и не думает проповедовать подобную крайность. Утверждается не более того, что Матфей был одним в ряду многих других пособий – устных и письменных¹⁴⁴. И в этом качестве участие его было весьма важно. Лука заботится о хронологически – прагматической связности, а пример предшественников громко говорил, что устные припоминания не дают незыблемой опоры для подобного классифицирования Евангельских событий. В этом случае Марк – по авторитету св. Петра – был самым желанным руководителем, которого Лука и придерживается. И если мы замечаем, что он изменяет ему в существенных пунктах, – тут необходимо предположить, по крайней мере, равноправный документ, восполняющий отсутствие объективного распорядка (τάξις) у Марка. Это свойство всего удобнее приложимо к Матфею, издавна бывшему литургическою книгой Иерусалимской церкви¹⁴⁵, и о нем мы знаем, что – сходный с третьим синоптиком по общему расположению во многих отделах-он иногда совпадает с Лукой и в частности, когда, напр., оба они говорят о воскресении Господнем в третий день (Мф. XVII, 23. Лк. IX, 22. XVIII, 33) вопреки μετὰ τρὶς ἡμέρας Марка (IX, 31. X, 34), или опускают его δὲς (Мрк. XIV, 30) в предсказании об отречении Петровом (Мф. XXVI, 34. Лк. XXII, 34).

Для ближайших целей нам довольно и научной вероятности, которая убедительно подкрепляется тем наблюдением, что общее у Луки с Матфеем и Марком

заклучается больше в рассказах, чем в речах¹⁴⁶ и следовательно – не могло получиться независимо от непосредственного знакомства с предшествовавшими синоптическими редакциями. Типический литературный облик третьего Евангелиста и теперь обрисовывается с достаточной отчетливостью в том смысле, что, располагая обильным материалом устных и письменных пособий, он дает систематически-целостную их обработку. Отсюда понятны и

Литературные достоинства историографических трудов св. Луки

Первое из них самоочевидно, что при множественности разнообразных и хороших пособий получается богатый материал нового содержания. С этой стороны полнота повествования, приближающаяся к биографической законченности, обращала внимание уже древних толкователей, и еще Ириней Лионский говорил: *omnia hujscemodi per solum Lucam cognovimus et plurimos actus per hunc didicimus... et alia multa sunt, quae inveniri possunt a solo Luca dicta esse* (Contra haer. III, 14: 3 – 4); Амвросий прибавляет (in Luc. prol. 4: M. lat. XV, 1350), что он *plura nobis gestorum Domini miracula revelavit*, а Епифаний категорически утверждает (haer. LI, 7): τὰ ὑπὸ τῶν ἄλλων καταλειφθέντα ἐπιβαλέτθαι. Это заметно по обилию оригинальных сведений (I, 5 – 80. II, 1 – 52. III, 1, 2, 5, 6, 10 – 14. IV, 16 – 30 (?). V, 2 – 10. VII, 11 – 17, 36 – 50. V40;Ш, 1 – 3. IX, 51 – 56.

—
4

1, 17 – 20, 28 – 37, 38 – 42. XI, 1, 5 – 8, 27, 28. XII, 13 – 21, 47, 43. XIII, 1 – 17, 31 – 37. XIV, 1 – 24, 28 – 33. XV, 1, 2, 8 – 31. XVI, 1 – 11, 19, 31. XVII, 7 – 10, 15 – 19. XVIII, 1 – 13. XIX, 1 – 10, 11 – 27, 39, 40, 41 – 44. XXII, 24 – 30, 35 – 38, 63 – 71. XXIII, 5 – 15, 27 – 31, 39 – 41. XXIV, 13 – 43, 44 – 53). Из них достаточно напомнить начальные главы третьего синоптика, посвященные рассказу о зачатии, рождении и обрезании Иоанна Крестителя и Богомладенца, равно – из позднейшей истории

– посещение двенадцатилетним Иисусом Иерусалима, воскрешение сына Наинской вдовы, помазание Господа грешницею, пребывание Спасителя у Марфы и Марии в Галилейский период; в обширном отчете о путешествиях во святой город (IX, 51 – XVIII, 31) – по сравнению с Матфеем и Марком – много нового и специального, что совпадает лишь с рассказами Иоанна¹⁴⁷, или старое передается здесь в иной связи при своеобразном освещении и с немалыми

добавлениями. В известиях касательно страдания и воскресения Лука также немало уклоняется и материально и формально.

Полнота содержания была достойным увенчанием усилий Евангелиста, желавшего проследить по авторитетным данным все моменты Евангельской эпохи. Но эти труды не были самоцелью, как ясно уже потому, что направлялись они к устранению недочетов и в раннейших работах более совершенным изданием Евангельской истории чрез опубликование добытых результатов. А там был недостаток стройного объединения отдельных эпизодов, почему здесь необходимо ожидается целостное воссозидание. И мы знаем, что авторские разыскания производились на всем протяжении с самого начала (ἀνωθεν) и при строгом соответствии исторической реальности (ἀ ρι βώς) в ее постепенном фактическом развитии. Естественно, что историографическая репродукция свободно отливалась в живую картину прогрессивного роста христианства. Этим натурально и основательно мотивируется намерение Луки записать все, приобретенное изучением, καθ' ἑξῆς. По такому соотношению несомненно, что тут говорится о характере и качествах письменного изложения, почему καθ' ἑξῆς не связано прямо с предшествующими объективными квалификатами, а относится непосредственно к ὑρά αἰ, выражая, что авторские исследования шли в ряд с историческим течением от настоящего пункта к исходу событий и в литературном воспроизведении должны были двигаться обратно – со строгою верностью подлинному ходу вещей. Подобное изображение дает, прежде всего, преемственность во времени, на которое падают рассматриваемые факты. Такой хронологический оттенок подчеркивается и чрез καθ' ἑξῆς. Этот термин употребляется у греков далеко не часто и немногими (Плутарх, Элиан), но известное место Фукидида в речи о Пелопоннесской войне сродному ἐξῆς усвояет исключительно хронологическую энергию (II, 1: γέγραπται τε ἐξῆς ὡς ἕκαστ' ἐ, ίνετο κατὰ θέρος καὶ χειμῶνα), которая заявляет себя и у LXX-ти (Иса. X, 1: «да и еще – ἰέξ ς – приидут знамения». ВторII. 34. III, 6. Суд. XX. 48. 2

Макк. VII, 48. 3 Макк. 1, 9). В Новом Завете находим оба эти слова лишь у Луки, и второе всегда с темпоральным характером (Лк. VIII, 11. IX, 37. Деян. XXI, 1. XXV, 17. XXVII, 18). Это не менее верно для καθέξῃς (Лк. VIII, 1. Деян. III, 24. XI, 4), и только в Деян. XVIII, 23 несколько преобладает местнотопографический момент («проходили по порядку страну Галатийскую и Фригийскую»), однако при неоспоримо временном указании, ибо последовательная смена мест не могла совершаться без преемственности во времени. По всему этому обязательно согласиться, что у Евангелиста говорится о хронологическом воспроизведении Евангельской истории¹⁴⁸. Пусть это элемент не единственный и не исключительный¹⁴⁹, а неразрывный от прагматической связности¹⁵⁰, но отрицать его незаконно, так как он первоначальный.

Итак: при материальной полноте вторым качеством третьего Евангелия будет хронологическая пунктуальность. И рассмотрение самого труда убеждает, что это свойство весьма заметно в нем. Хорошая и наглядная иллюстрация сему имеется уже в том, что из 26 всех случаев употребление ἔτος в Новом Завете – 23 встречаются у Луки, который 10 раз называет μῆν, когда всех таких примеров только 18 и в других местах они не содержат строго буквального значения в качестве хронологической единицы для того или иного события¹⁵¹. Один Лука самым определенным образом указывает время рождения Спасителя (Лк. II, 1–2) и явления Иоанна Предтечи с проповедью (Лк. III, 1–2) путем снесения со всемирно-историческими событиями. Отмечая этим способом начало общественного служения Искупителя по связи с историей Сирии и Рима, Лука далее говорит и о возрасте Христа в данный период (III, 23). Эта хронологическая тщательность видимо наблюдается и в прочих частях третьего Евангелия. Гавриил благовествует Деве в шестой месяц по зачатию Крестителя (I, 26), Мария пребывает у Елизаветы три месяца (I, 56), Иоанн Предтеча и Богомладенец обрезаются в восьмой день (I, 59. II, 21), Второй приносится в храм по истечении срока очищения (II, 21) и Сам приходит сюда на праздник пасхи двенадцати лет (II, 42). Выражения: ἐν σαββάτῳ δευτεροπρώτῳ (VI, 1), ἐν ἑτέρῳ

σαββάτω (VI, 6), ἐν τῇ ἐξῆς (VII, 11. IX, 37), ἐν τῷ καθεξῆς (VIII, 1), ἐν ταῖς ἡμέραις ταύταις (VI, 12), ἐν αὐτῇ τῇ ὥρᾳ (X, 21), ἐν αὐτῇ τῇ ἡμέρᾳ, (XIII, 31), ἐν αὐτῷ τῷ καιρῷ (XIII, 1) и т.п. достаточно позволяют ориентироваться насчет хронологической взаимной последовательности фактов. Где таких пояснений нет, там, по крайней мере, *genit. absol.* указывает одновременность двух действий и их подлинную связь (VIII, 49. XXII, 47); даже фразы более общего характера (V, 27. X, 11: μετὰ ταῦτα. V, 17. VIII, 22. XXI, 1: ἐν μία τῶν ἡμερῶν и др.) в самом сочетании эпизодов (IV, 1, 38, 40. VII, 1, 18, 24 VIII, 1. X, 1, 21. XI, 37. XII, 1. XIII, 1, 31. XIX, 11, 28, 41. XXII, 66. XXIV, 13) имеют некоторую хронологическую ценность, – особенно при сличении с совершенно прочными датами, поскольку этим констатируется, что сказанное или сделанное было в известный промежуток и между такими-то границами.

Теперь очевидна большая хронологическая точность третьего Евангелиста, для которого она была и благословным оправданием его литературного предприятия, ибо, напр., у Марка события располагаются οὐ μὲντοι τάξει (Папий иер.), – здесь καθεξῆς (Лк. I, 3).

Но хронологическая отчетливость сама собою способствует и объективному воссозданию подлинной истории, явления которой последовательно укладываются в хронологические рамки, при чем естественно восстанавливается реальная связность всех частных фактов. Этим прямо обеспечивается историографическая прагматичность, и это достоинство в трудах третьего Евангелиста усматривалось издавна с такою решительностью, по которой св. Амвросий Медиоланский категорически свидетельствовал (in Luc. prol. 4, 7: M. lat. XV, 1530, 1532). что S. Lucas velut quemdam historicum ordinem tenuit, пользуясь *historica stylo*.

Значит, на фундаменте фактической изобильности воздвигается хронологическая солидность. Но пока это есть лишь отличительное качество без строгой пробы, которая получается уже после оценки по масштабу истинности. Именно отсюда должно определиться для хронологической подробности ее достоинство, характеристичное и для самого автора. В этом

теперь весь вопрос, и нужно наперед предупредить, что он большею частью решается весьма неблагоприятно для литературной репутации Луки. В общем обзоре нет возможности исчерпать эту сложную тему, и мы для иллюстрации разберем пока несколько важнейших примеров.

I) Издавна и поныне ставилось Евангелисту в упрек, что Лисаний называется тетрархом Авилинеи к пятнадцатому году Тиверия (Лк. III, 1), между тем из Иосифа Флавия известен с этим именем лишь современник Антония и Клеопатры, казненный первым по наущению второй (*Antiqu. XV. 4: 1; Beil. jud. I, 22: 3; ср. Cass. Dion. XLIX, 32*) около 34 г. до Р. Хр. Однако было бы поспешно сразу обличать в столь грубой ошибке на 60 – 70 лет Луку, особенно заботившегося о хронологической точности. Есть данные и в пользу его. За 37-й год по р. Хр. упоминается «тетрархия Лисания», полученная при воцарении Агриппою I-м, а в нее входила и Авилинея. Но последняя не могла именоваться Лисаниевой по правителю дохристианскому, ибо он наследовал от своего отца Птолемея обширное царство, охватывавшее почти весь Ливан, с главным городом Халкидой, Авилинея входила туда только в качестве незначительной части и потому не могла усвоить себе в исключительную собственность титул Лисаниевой. Для разумного разъяснения дела необходимо допустить лицо, теснее связанное лишь с одною этою территорией по ее отпадению от целого, т. е. позднее старшего Лисания. Этим требуется другой, младший соименник, существование которого найденной при Авиле надписью и фактически удостоверяется за императорскую эпоху, поскольку там говорится о Нимфее, вольноотпущеннике Лисания, при Σεβαστοί, а несколько Augusti встречаются не ранее Тиверия (вместе с матерью Августой Ливией), или, по крайней мере, чрез 50 лет по смерти первого Лисания¹⁵². Вывод теперь будет тот, что и вообще нельзя непременно предполагать погрешность у Луки, если его известия не подкрепляются прямо другими свидетельствами, и – напротив – в данном примере его безукоризненность оправдана отлично.

Это прекрасная предпосылка для разбора труднейшего пункта о II) Квириниевой переписи¹⁵³. По предыдущему ясно,

что здесь достаточно обеспечить лишь фактическую возможность этого события, которое и будет тогда вполне вероятным, не смотря на отсутствие прямых подтверждений доколе не открыто равноценных опровержений документального свойства. А есть ли они в наличии?

По Луке, рассматриваемая перепись 1) была при «наместнике» Сирийском Квиринии 2) в силу повеления Августа, простиравшегося на «всю землю» и 3) осуществленного в Иудее при Ироде Великом. Вопреки сему, Иосиф Флавий категорически и мотивированно свидетельствует (Antiqu. XVII, 13:5. XVIII, 1:1; Bell. jud. VII, 8 и ср. II 8:1; 17:18), что перепись в Иудее была совершена Квиринием по устранении Архелая (Antiqu. XVII, 13: 2 – 3; Bell. jud. VII, 7:3. Cass. Dion. LV, 27. Strab. XVI, 2:46) в 6-м году по р. Хр. (754 а. С. У. coss. Asm. Lepido et Luc. Arruntio), т. е, через 19 – 12 – 14 лет после времени, назначенного Лукой. Для смягчения этих коллизий иногда допускают ошибку у иудейского историка, принимая лишь один Квириниев ценз в Иудее по смерти Ирода В. и после р. Хр., но это не спасает третьего синоптика, раз он отмечает именно эту перепись (11, 2)¹⁵⁴ и, следовательно, делает хронологическую ошибку лишь меньше Иосифа Фл.¹⁵⁵. Другие думают что – наоборот – у обоих разумеется перепись по удалении Архелая, причем Иоанн Креститель родился в конце его правления, а Иисус Христос – при Квиринии¹⁵⁶ или годов на 7 позже обычной датировки. При этом получится, что Лука отвергает собственную заметку (I, 5) о рождении Предтечи при «Ироде, царе иудейском»,.. или неправильно обозначает так этнарха Архелая¹⁵⁷ и решительно дисгармонизирует с Матфеем, относящим рождество Христово к царствованию Иродову, аннулируя ценность первого Евангелия¹⁵⁸. Пока коллизия двух историков не уничтожается и – в виду совершенной вероятности по – Архелавского ценза¹⁵⁹-заставляет полагать, что Лука напутал в хронологии, плохо скомпилировав свой реферат из Иосифа Флавия¹⁶⁰. Но Деятели, тождественный с третьим Евангелистом, усвояет (в Деян. V, 37) Гамалиилу слова, что после обманщика Февды «явился во время переписи (ἐν ταῖς μέραις τῆς ἀπογραφῆς) Иуда Галилеянин и увлек за собою

довольно народа», а это было уже по Рождестве Христовом и сближается с повествованием Флавиевым. Ясно, что Лука различает два отдельные ценза и нимало не смешивает их. У него заметна прямо обратная тенденция, ибо Евангельская фраза (Лк. II, 2), - по нашему мнению, – выражает, что из заповеданных Августом цензов это была в Иудее первая перепись, которая доселе не производилась, а теперь совершена Квиринием. Она была первая Квириниевская, почему для оправдания ее первенства необходимо принять, по крайней мере, вторую, тоже Квириниевскую, хотя бы, напр., отмеченную Иосифом Флавием.

В результате оказывается, что-по сравнению с последним – Лука утверждает новую, раннейшую перепись, но допустима ли она? Заявляется (Лк. II, 1), что это было сделано в силу «повеления» Августа описать «всю вселенную» (... ἐξῆλθεν δόγμα παρὰ Καίσαρος Αὐγούστου ἀπογράφεσθαι πᾶσιν τὴν οἰκουμένην). Вот этого указа за все правление Августово нам неизвестно, теоретически же такая перепись представляется ненужной или совсем невозможной¹⁶¹. Однако аргументы е silentio вполне неубедительны именно здесь, ибо наши документальные авторитеты недостаточны для истории Августова века¹⁶², который во многом остается для нас темным – особенно с 15-го года ante Chr. до 14-го post Chr.¹⁶³, а для отдаленных провинций оказывается и еще более загадочным¹⁶⁹. Наряду с этим несомненно, что – после предшествующих смут – Римская держава была тогда не собственно законченным государством, но скорее civitas Romana с комплексом разных провинций, которые были связаны с центром ничуть не безусловно и грозили отпасть или отколоться¹⁶⁴. Необходимо было связать все элементы в целостную массу со строгим соподчинением частей, для чего общий ценз, или народоперепись были прямою необходимостью самого государственного устройства¹⁶⁵. И в этом направлении фактически развивалась систематическая и всесторонняя деятельность. Перепись римских граждан, регулярно повторявшаяся, связывалась с земельно-измерительными предприятиями, а провинции подвергались этим операциям в

самых различных отношениях – статистическом, фискальном и т. п.¹⁶⁶. Тут обязателен общий план, и потому учеными основательно допускается, что возможен касательно повсюдной переписи особый декрет от 727 г., а С. У. (27 г. до р. Хр.) или от 723-го (23 до р. Хр.) – со времени разделения провинций на сенатские и императорские по принятии Августом проконсульского достоинства (*proconsulare imperium*)¹⁶⁷, или же с момента получения им трибунской власти (*tribunica potestas*)¹⁶⁸. Но, разумеется, данный приказ не мог осуществиться разом и применялся на пространстве всей империи длительно, разновременно и многообразно. Отсюда неудивительно, что до Иудеи он мог дойти и стал исполняться здесь лишь около Рождества Христова. Тогда допустимо, что в заметке о повелении Кесаря Лука предполагает (II, 1) именно этот данный акт¹⁶⁹, который был «догма», или специальным публичным декретом¹⁷⁰. Однако весь контекст речи выразительно внушает, что изображаемая перепись была при Квиринии в силу упомянутого Кесарева приказа; почему разобщать эти моменты на 20 – 25 лет экзегетически неудобно и фактически не нужно, ибо подобный акт ничуть не уместнее во главе цензового процесса, чем во время его. Гораздо вероятнее, что с накоплением частных наблюдений и на основании их было предпринято объединяющее обозрение. И ничто не препятствует такому мнению. Давно надо бы объявить экзегетической аксиомой, что *τῆς οἰκουμένης* (Лк. II, 1) означает Римскую империю в *Orbis Romanus*, – и отнесение этого речения ко «всему миру»¹⁷¹ грубо навязывает священному историку вопиющий абсурд¹⁷², а ограничение фразы одною Палестиной мотивируется лишь тенденциозным предубеждением, якобы Лука не осмысленно и сумбурно списал у Иосифа Флавия¹⁷³. Вот тут и подчеркивают, что еще в 727 году а С. У. все провинции были разделены на сенатские и императорские, и Август всецело распоряжался только вторыми, и его цензовое повеление не могло захватывать первые и простираться на «всю вселенную». Однако Кесари всегда усвоили себе право финансового контроля и цензового вмешательства для всех областей¹⁷⁴, юридически же могли

достигать этого через сенат, проведши там нужный декрет, который потом публиковался императорским приказом¹⁷⁵. И об Августе бесспорно, что постепенно он совместил в своем лице всю государственно-правительственную компетенцию и фактически был полным монархом, хотя не назывался таковым и по внешности уклонялся от этого¹⁷⁶. С этой стороны отмечаемый Лукою указ Кесарев теоретически дозволителен столько же за 20–25 лет до р. Хр., сколько и около него, а евангельский текст больше требует второго и этим достаточно гарантируется насчет упоминаемой переписи.

Но возражают, что таковая невозможна в Иудее, потому что она была не собственно провинцией, а являлась царством с независимым главою. Ирод В. был *rex socius* и умел во всю свою жизнь сохранить это достоинство царской автономии для себя и для подведомой ему Палестины. Тут перепись, чувствительно нарушавшая эти привилегии, решительно немыслима до 759 г. – по низвержении Архелая¹⁷⁷ и у Луки сообщается ложно или ошибочно¹⁷⁸. Однако нельзя преувеличивать значения подобных «союзников»¹⁷⁹, иногда имевших это имя только по обязанности содержать вспомогательные войска (*socii* или *auxilia* в отличие от *legiones*)¹⁸⁰, носивших лишь *titulus sinere* и следовавших всем манованиям Кесаря¹⁸¹, которому Ирод В. должен был служить и угождать¹⁸², ибо приходилось жить больше его милостью, чем своим правом¹⁸³. Ирод В. не был царем прирожденным, а собственно – по *Senatus et Caesaris beneficio* и держался только исключительно по *amittitia* Августа. Опоры Иродовой царственности были настолько непрочны, что по случаю самостоятельно предпринятой войны против арабов Кесарь прямо писал (*Jos. Flavii Antiqu. XVI, 9: 3*), что доселе он считал иудейского властелина другом, а теперь будет третировать за подчиненного (*πάλαι χρώμενος αὐτῷ φίλῳ, νῦν δπηκόῳ χρήσεται*), которому всегда грозило ниспасть на роль простого стипендиария¹⁸⁴.

По всему изложенному надо согласиться, что ценз при Августе во владениях Иродовых ничуть не устранился достоинством *regis secii*¹⁸⁵, исторически совершенно возможен и

фактически вероятен¹⁸⁶, как допускают и некоторые оппоненты Луки¹⁸⁷. Совсем не опровергает этого вывода и не упоминание о переписи у Иосифа Флавия. Его осведомленность и пунктуальность тенденциозно преувеличивается, если говорят, что о последних годах Иродова правления, когда было Рождество Христово, он обладал подробными и точными данными¹⁸⁸, будучи компетентен и по истории первосвященников¹⁸⁹. Фактически находим, что иудейский историк скрупулёзен до несносности исключительно о семейных дразгах в фамилии Иродовой и о связанных с ними внешних отношениях, но до крайности сух и совершенно недостаточен в сообщениях о внутренних делах в Палестине и о финансово-экономических условиях. Разумеется, нельзя было совсем не знать или случайно опустить важнейший акт переписи всей страны, однако и тут необходимо соображать, как большинство оппонентов Луки упорно твердит, что свидетельство Иосифа Флавия о Христе (Antiqu. XVIII, 3: 3) неподлинно, будучи позднейшею интерполяцией¹⁹⁰. Неужели отсюда вытекает, что Господа Спасителя фактически не было, и христианство развилось «само собою» без мотивирующего индивидуального посредства? Не правильнее ли думать, что иудейский историк хорошо знал о Христе и именно потому умолчал о Нем с тою же умышленностью, с которою, предавая забвению личность Апостола Павла¹⁹¹, молчат о сем и раввинско-иудейские документы¹⁹². Всем им хотелось не сохранить, а изгладить память о Том, Кто был их страшным обличителем и окончательным сокрушителем. Но, говоря о (первой) Квириниевой переписи, трудно было уклониться от речей о Христе, между тем Иосиф Флавий не хотел трогать этого предмета, почему вынуждался замолчать и ее. Это были два связанные звена, – и, скрывая одно, необходимо было прятать и другое.

В результате все возражения устраняются или ослабляются, и дальше требуется лишь выяснить фактическую возможность этого вероятного ценза. Здесь проф. W. M. Ramsay извлекает из египетских папирусов, что регулярно производились двоякие переписи: ежегодно – имущественные и

через 14 лет – подомовые или, технически, αἱ κατ' οἰκίαν ἀπογραφαί, совершавшиеся в пятнадцатом году, чтобы можно было занести и родившихся в конце цензового цикла. Если применить эту процедуру к Палестине, то второй Квириниев ценз вполне подойдет к ней, а первый упадет на 9-й год до нашей эры¹⁹³. Последним обстоятельством не нужно смущаться, ибо год рождения Христова определяется различно: большинство колеблется между седьмым (шестым)¹⁹⁴ и пятым¹⁹⁵, но допускаются: четвертый¹⁹⁶, десятый¹⁹⁷ и восьмой¹⁹⁸, включавший и заключающий период по 9-й год¹⁹⁹.

Дальше остается принять, что разумеемый у Луки ценз не случайно совпал потом с удалением Архелая, а детронизация его намеренно приурочена к переписи. Участь этого «этноарха» была решена раньше, но Рим, опытно зная мятежный дух иудейства, постарался избежать особых затруднений и ради сего воспользовался для Палестины рядовою государственно-статистическою ревизией, куда Квириниев ценз в Иудее выходил лишь частью целого плана. По указаниям Иосифа Флавия (Antiqu. XVII, 13: 5. XVIII, 1: 1; 2: 1) получают здесь такие градации: 1) перепись по всей Сирии, 2) распространение ее на Иудею 3) и особое применение к наследству после Архелая. В этом виде ἀπογρᾶφή достаточно подтверждается надписью fragmentum Orsalo или titulus Venetus²⁰⁰, где прямо сообщается что некий Эмилий Секунд по приказу С. Квириния произвел ценз в Апамее (idem jussu Quirini censum egi Apameae civitatis) и зарегистрировал 17.000 человек граждан.

Значит, Квириниева перепись была не случайной или экстраординарной, а нормальной и велась по свойственным ей началам. Согласно им, цикловые регистрации совершались по месту происхождения, – и это было настолько обязательным требованием, что формально предписывалось всем гражданам собираться именно туда, о чем свидетельствует приказ префекта Египта G. Vibius Maximus от 104 г. по р. Хр., «чтобы в виду переписи (ἀπογραφῆ) все, кто по какой либо причине находится вне своего округа (νόμος), возвратились к своим (родовым) домашним очагам (εἰς τὰ εαυτῶν ἐφέστια). дабы дать обычные показания (объявления) для переписи и обрабатывать

свой участок». Тут применялся принцип *ιδία*, по которому каждый человек должен был иметь свою собственную, сферу деятельности и прикреплялся к ней, а это было именно место происхождения (*forum originis*), служившее для дачного лица его *ιδία*²⁰¹. Соответственно сему мы должны принять, что Иосиф был Вифлеемлянином по происхождению, но по разным причинам (напр., из-за своего ремесла) проживал в Назарете и потому для переписи обязывался идти в Вифлеем, ибо для рода Давидова там был корень и той ветви, к которой принадлежал обручник Мариин (Лк. II, 4); по этой же причине он хотел вернуться из Египта именно в этот город и лишь из боязни Архелая устроился в Назарете, знакомом и близком ему по прежнему проживанию (Мф. II, 22 – 23). Если Приснодева имела независимую собственность в Вифлееме, то она одинаково подпадала закону о *ιδία*, должна была записаться сама²⁰² и внести в цензовую регистрацию рожденного Богомладенца²⁰³. Но не менее вероятно, что Богоматерь была взята в виду ее положения, по которому неудобно было Иосифу оставлять ее одну в Назарете²⁰⁴.

Пока все вполне благополучно. Надо лишь доказать присутствие и участие Квириния, как наместника Сирии, в бывшем при Ироде В. цензе. Но такого сановника за данное время не отыскивается, или его допускают предположительно и немного позднее, около 3 – 2 года до р. Хр. Поэтому некоторые считают, что игемон Квириний был не собственно наместником Сирийским, а лишь специальным императорским уполномоченным, производившим перепись при нормальном сановнике²⁰⁵, другие же думают, что он тогда был временно отвлечен с Сирийской территории для военных операций в Киликии против мятежного племени Омонадов и уступил внутреннее управление провинцией гражданскому представителю. (Сатурнину или Кв. Вару), а Лукою называется потому, что – в качестве чрезвычайного легата – был в Сирии короче и точнее определял цензовый момент²⁰⁶. Тут получает свою ценность и единичное упоминание Тертуллиана, ссылающегося на «римские архивы» (*Adv. Marc. IV, 7*), что ценз при Августе был совершен в Иудее Сенцием, Сатурнином, и при

нем родился Христос (ibid. IV, 19). Все это правдоподобные возможности, но, к сожалению, их слишком много, а реальных опор – никаких. Несомненно лишь стремление спасти Евангельский текст, однако и он не оказывает желательной помощи. У Луки констатируется государственноначальственное отношение названного правителя к Сирии, как римской провинции Августовой, а в этой комбинации мыслимы здесь единственно наместники. Вот теперь и является новая препона, что за рассматриваемый период не находится места для нашего Publius Sulpicius Quirinius, ибо Сирийскими наместниками были: М. Ticius около 10 года (между 742 и 750 а С. И.) до р. Хр., С. Ssntius Saturninus 9 – 6 г. г. (в 744 или 746 –748 а С. И.), Р. Quintiluis Varus 6–4, даже-3 г. г. (до осени 75Э г. ?). Однако-наряду с этим – должно сознаться, что все эти даты – вовсе не абсолютные, а относительные настолько, что, напр., вполне дозволительно подвинуть к 13-му году ижемонство Тиция, Сатурниново же приблизить к 6-му: – тогда будет достаточно простора в промежутке 10 – 8 годов, куда удобно приурочивается и Рождество Христово при Квириние. Да и позднее вовсе не безусловно до несомненности, что Вар прямо сменил Сатурнина²⁰⁷, хотя так констатируется у Иосифа «Флавия».

Теперь мы получаем некоторое место для Квириниева легатства, но есть еще для него другие комбинации, где примиряются и данные Тертуллиана, что *et census constat actos sub Augusto nunc in Iudaea per Sentium Saturninum, apud quos genus ejus (Jesu Christi) inquirere potuissent* (Adv. Marcionem IV, 19). Сирийские правители чередовались, конечно, не с механической преемственностью непосредственного следования одного за другим. Новый легат далеко не всегда являлся в свою провинцию немедленно по увольнении предшественника и оставался там не все время. Естественно, что тут известное событие дозволительно было определять обоими лицами, – и у Луки Рождество Христово приурочено к Квиринию, у Тертуллиана к Сатурнину. Не менее справедливо, что новый наместник, уже назначенный, далеко не сразу заменял прежнего, который и должен был отправлять все

обязанности до его приезда, иногда весьма не скорого. Из этого проф. М. Аберле (3 ноября 1876 г.) очень остроумно вывел, что при отмеченной у третьего синоптика переписи были два игемона – отставной *decessor* и определенный ему преемник *successor*, почему совершенная при них перепись могла обозначаться и первым и вторым, как в Русской церкви назначенные на свою кафедру епископы обыкновенно прибывали с известным замедлением, а епархиями временно ведали управляющие (из викариев или соседних архиереев). В таких случаях историческая память свободна была сохранить оба имени и датировать любым из них. Мы не знаем, почему именно Лука избрал Квириния, но важно, что, говоря о своей переписи, как первой, Лука явно намекает на вторую и разграничивает от нее бывшую при Рождестве Христовом. Тогда вся сила заметки Евангельской и будет заключаться лишь в этом хронологическом различии, чтобы не смешали оба ценза. А это последнее возможно только в том случае, если они одинаково назывались Квириниевыми. Для второго это понятно, но тоже допустимо и для первого, что по какому-нибудь моменту (напр., по началу или по концу) Квириний соприкасался с ним. Отсюда естественно рождались недоразумения, – и в серьезном историческом труде уместны и даже обязательны предупреждающие замечания, присутствие коих в нашем Евангелии говорит о его полной научной солидности.

В итоге всего расследования получается, что все возможности и всякие вероятия будут в пользу Луки. Для обратного заключения необходимы неотразимые улики, и их думают находить²⁰⁸ в III) усвоении Дееписателям Гамалиилу слов, что прежде текущих дней (πρὸ τοῦτ' ἢ τῶν ἡμερῶν) или раньше 30 года было смятение, возникшее из-за Февды (Деян. V, 36), а по Иосифу Флавию (*Antiqu.* XX, 5:1) «пророк» этого имени вызвал замешательства лишь в период прокураторства *Cuspius Fadus*, т. е. не ранее 44 года по р. Хр. Но почему именно мы должны относить оба сказания к одному историческому событию? Особенности их – скорее – не допускают подобного отождествления. По Луке, Февда агитировал прежде Иуды Галилеянина, поднявшего возмущение еще до переписи, а из

Иосифа Флавия мы знаем, что по поводу Квириниева ценза, бывшего по удалении Архелая, произошло восстание Иуды Галилейского из Гамалы (Antiqu. XVIII, 1: 1; Bell. jud. II, 8 :1; 17: 8). Очевидно, зарегистрированная Лукою смута была раннейшей, и ее нельзя сливать с бывшим при Кустпии Фаде мятежем, ибо характеристики их далеко не совпадают между собою. По описанию иудейского историка, тот Февда был обманщик, объявивший себя за пророка и уговоривший много народа двинуться со всем имуществом к Иордану, который якобы расступится по его слову (Antiqu. XVIII, 5:1). Лука же отмечает только, что Февда выдавал себя за кого-то великого и увлек за собою около 400 человек. Сходство совсем не близкое, а хронологическая точность заставляет предположить у Деяписателя самобытный источник, который мы не в праве унижать в сравнении с данными у Иосифа Флавия. И нет ни малейшей невероятности в двойственной смуте двух соименников на недлинном промежутке времени, раз иудейский историограф упоминает о мятежном покушении тоже Иуды Галилейского в год смерти Иродовой (Bell. jud. II, 4: 1) и вообще свидетельствует о многих замешательствах за этот период (Antiqu. XVII, 10: 8; Bell. jud. II, 4: 1). В таком случае из всего сличения вытекает разве независимость Евангелиста на счет Февды от иудейского автора и фактически-хронологическая компетентность первого.

Все эти наблюдения вполне оправдывают историческую пунктуальность Луки, как знатока современных событиям отношений²⁰⁹, и находят совершенное подтверждение в филологических данных, поскольку разность стиля говорит, конечно, об особенной точности копирования. Нет спора, что приводимые речи значительно испытали на себе редакторскую руку²¹⁰, – и однако она умеет быть сдержанной, если не останавливается пред немалым насилием над привычным изяществом. Отсюда и Евангелие является менее обработанным в языковом отношении, чем книга Деяний²¹¹ и, разумеется, потому, что – отдаленный от событий – писатель чувствовал себя связанным наличными пособиями при своем евангельском повествовании. И когда подчеркивают, якобы

даже по языку третье Евангелие носит вид компиляции²¹² недоброкачественного свойства и отсылает к позднему автору, который не мог овладеть своим материалом²¹³, то мы скорее должны согласиться, что этим удостоверяется высокая добросовестность исторического изображения у Луки.

Теперь уже не трудно формулировать общий итог всего анализа в применении к оценке рассматриваемых новозаветных писаний. У третьего синоптика оказываются даты, которые пока не встречают прямых подтверждений, но в равной мере и не устраняются нимало другими категорическими свидетельствами. Посему, обогащая наши познания, они остаются добрым фактическим аргументом в пользу исторической тщательности Луки, для которого выясняется, что его труды, обильные содержанием, имеют достоинство хронологически-прагматической конструктивности. Тут не все удовлетворяет требованиям современной учености, однако в совершенстве отвечает общепринятому идеалу греческой историографии²¹⁴. Значит, этим вовсе не колеблется авторитет Луки, а только удостоверяется, что ἀκριβεία у него понимается по эллински, где не было обязательности к детально-реалистическому и объективно-фотографическому воспроизведению.

Отсюда естественно вытекает дальше, что и

Цель третьего Евангелия

лежала не просто в историческом изображении ради него самого. Об этом позволительно заключать и по несомненным пробелам. Так, все предварительные сведения и немало из обширного цикла речей и притчей опускаются, а за период страданий тоже не находится некоторых примечательных эпизодов. Даже при тесном соприкосновении с Марком – Лука проходит молчанием целый промежуток от первого до второго насыщения, хотя едва ли не знал о нем ничего. Для объяснения сего иногда ссылаются на бережливость, научную экономию Евангелиста, не желавшего загромождать свою книгу излишним балластом, когда имелись параллельные рассказы²¹⁵; однако данный принцип не оправдывается фактически, если мы видим, что существенные пропуски не вознаграждаются достаточно хотя бы отчетливыми намеками. Скорее – тут проглядывает специальная тенденция, из-за которой устраняется непригодный материал и именно такой, откуда могли бы вывести о противоположности иудеев и язычников пред благодатью. Нечто аналогичное усматривается и в хронологии. Помимо общих и довольно неопределенных выражений, – в ней для иллюстрации полезно обратить внимание на IV, 16 – 30 и IX, 57–62. Допуская, что разумеемое здесь пребывание в Назарете тождественно с упоминаемым у других синоптиков (Мф. IV, 13. XIII, 54 сл. Мрк. VI, 1 сл.) мы будем иметь пробел между приходом Христа в этот город и отвержением Его Назаретянами, почему последнее событие и исцеление тещи Симоновой (Лк. IV, 38 и ср. Мф. VIII, 14. Мрк. I, 29) являются занесенными слишком рано. Сжатость рассказа, свободно допускающая вставку относящихся сюда фактов²¹⁶, не позволяет считать этот пробел за простое неведение и вынуждает догадываться об особых замыслах Евангелиста. Потому не без уверенности можно полагать, что он хотел внушить читателям, как спасительная проповедь в духе ветхозаветного промысла Бога Израилева – сразу же была провозглашена в своем всеобъемлющем значении, хотя

направлялась прежде всего к сынам обетования, и как истинные чада Авраамовы пользовались всеми благами испытательной милости, внимая голосу Господа. Все имеют право на спасительное возрождение, но условием к сему служат всецелая преданность уничиженному Сыну человеческому и отрешение от мирских расчетов. Соответственно этой идее эпизод о желавшей и приглашаемой следовать за Христом личностях (Лк. IX, 57 – 62) Лука передает в иной связи (ср. Мф. VIII, 19 сл.) – для наглядного оттенения своей концепции о свойствах царства Божия и о качествах его истинных членов, как это и раскрывается далее в ряде дидактических отрывков.

По всем этим соображениям чистую историографическую летописность нельзя считать прямою целью третьего Евангелия, хотя наличность хронологической конструктивности уже в общесиноптической первооснове было бы несправедливо наклонять к умалению достоинств Луки²¹⁷, раз другие не достигли его совершенства. Такого «безприкладного» объективизма не допускала самая предначертанная задача, как его требовала и тогдашняя историография²¹⁸. Все сосредоточивалось на том, чтобы καθεξῆς γράψαι, – на точном воспроизведении хода событий в их подлинной преемственности до своего завершения. Последнее же, являясь полнотою со стороны реального выражения функционирующего принципа, бывает для него и убеждающим, ибо удостоверяет конкретно его важность и благотворность. Понятно, что к этому именно фокусу должно было устремляться и самое историческое повествование. Отсюда прямым и исходным замыслом Евангелиста по отношению к Феофилу констатируется, ζῆτα ἐπιγινῶς περὶ ὧν κατηχήθης λό γων τὴν ἀσφάλειαν. Конечное стремление писателя хорошо характеризуется взятым глаголом, который употребляется для познания детального, отчетливого для всех частных предметов (ср. Мф. XI, 27. Рим. I, 28, 32. 1Кор. XIII, 12) и потому неразрывного от глубочайшего признания, которое в объективной несомненности почерпает субъективную убежденность в своей истинности²¹⁹. Тогда неизбежным результатом бывает ἡ ἀσφάλεια. Это непростая безошибочность

твёрдого ведения, но она сообщает свою несокрушимость обладателю, который становится прочно обеспеченным в своих упованиях (ср. Деян. V, 23), совершенно гарантированным в полной непогрешительности против всяких опасностей (ср. 1 Фесс. V, 3) внешнего разгрома, или внутреннего крушения. Посему рассказ Луки должен был внушать фактически обоснованную и решительную убежденность в предмете речи. Таковой описывается в предложении не совсем обычного грамматического сочетания. Построение ведется по аттракции, которая разрешается различно. Одни проектируют: τῶν λόγων, περὶ ὧν κατηχήθης. Конечно, слово ἀσφάλεια прямо связывается с генитивом (Хенорф. Метог. IV, 6, 15: ἀσφά εἰς τοῦ λίγου), но лишь потому, что в подобных случаях указывается определение известной мысли, которая без него бывает неясною, между тем у Евангелиста все ударение сосредоточивается на моменте «утверждения» в том, что для заинтересованных тут персонажей вполне понятно. Затем, и κατηχέω допускает при себе π-ρί с род.п. только для лиц (Деян. XXI, 21, 24), а ближайший его объект всегда выражается аккузативом или чрез ὅτι, почему еще более искусственна редакция περὶ τῶν λόγων, περὶ ὧν τλ. Гораздо резоннее принять конструкцию περὶ τῶν λόγων, οὓς ζητηχήθης. В ней прямее подчеркивается, что ἀσφάλεια вовсе не постулирует к существовавшему ранее сомнению в λόγοι, которое яко бы лишь теперь приобретают себе опору. Нет, – уверенность рассчитана именно на эти «слова», как уже воспринятые в таком достоинстве, что дальше для них желательно лишь разительное обоснование. Тогда все недоумение могло быть разве в том, что они пока не оправдываются реальным соответствием и требуют аргументами в подборе фактов. Посему эти λόγοι не покрываются πράγματα (ст. 1) и будут словесными поучениями о последних. Подлинные события ни для кого не были нуждающимися в подтверждены и – напротив – сами сообщают незыблемую твердость. По силе этого задача Луки должна заключаться в фактическом обеспечении христианского понимания, полученного в первоначальном христианском оглашении. В этом пункте рассматриваемое писание

тождественно с катехизисом по намерению, но отличается от него солидностью фактической аргументации. Следовательно, внутренняя цель третьего Евангелия до точности совпадает с задачами благовестнической христианской проповеди, чтобы всех довести до незыблемого познания, признания и усвоения благодатно христианской спасительности в той мере и степени и в том объеме, в каких обладают ею самые события Евангельской истории.

Эта цель заимствуется из самых фактов, из присущей им убедительности, наглядно обнаруживающейся при их историческом завершении. Этим наперед отвергается всякая искусственная тенденциозность даже в смысле пользования материалом для особых интересов, в нем прямо не содержащихся. Тут нам дан прочный фундамент при обсуждении разных теорий по этому предмету. Если все почерпается в самой исторической действительности и направляется к ее правильному воспроизведению, то здесь не может быть узко личных целей. Их стараются иногда открыть по связи с упоминанием имени Феофила. Почитая последнего за высокопоставленного сановника, догадываются, что Лука хотел воспользоваться его влиянием для своих непосредственных потребностей. В этом духе комментируется и темное упоминание Мураториева каталога о какой-то юридической компетентности спутника Павлова, которая точнее квалифицируется при отождествлении *juris studiosum secundum* фрагментиста с греч. *νομικός*²²⁰. Отсюда дальше заключают, что оба писания Луки были апелляционными прошениями в пользу обвиняемого Апостола пред судом Нерона²²¹ во время самого процесса²²² чрез посредство или чрез привлечение на свою сторону столь видного чиновника²²³. Другие только расширяют объект этого юридического попечения и думают, что третье Евангелие было вторичною апологией того благовестия, за которое всю жизнь был первым и горячим борцом сам св. Павел²²⁴. Иные сливают оба эти момента, говоря, что это есть «защита дела христианства и Павлова»²²⁵, или оправдание языческой миссии²²⁶ юридическим путем и методом в том смысле, что новая вера имеет все права *religionis licitae* и ее

провозвестник не должен вызывать ни тревожных подозрений, ни судебных преследований.

Во всех этих суждениях и построениях много преувеличения. Конечно, в Луке заметно проглядывает сведущий в юриспруденция человек, и уже Тертуллиан как будто усвоил третьему Евангелию юридически апологетические свойства, называя его (- вместе с латинским текстом Иринея *Contra Marc.* IV, 2, 5 -) техническим термином *digestum* (*Adv. Marc.* IV, 5: *M. lat.* II, 366), т. е. систематически подобранным юридическим сборником. При всем том еще более несомненно, что у третьего синоптика юридический элемент не выступает с таким преобладанием и потому не мог получать доминирующей роли в авторских планах. И у него мы читаем, что новое Евангельское изображение стремится восполнить недостаточность первоначального катехизиса, который нуждался в обеспечении и обосновании. Ясно, что все запросы исходят не от самого учения и не от учителей, а от воспринимающих и слушающих. По этой причине для доктрины и ее провозвестников не предполагается и прямой надобности в апологетических ограждениях, как выше было констатировано, что Евангельские факты убеждают самым своим историческим раскрытием, вызывая почтение к их победной энергии. Посему нельзя переносить центр тяжести на дело и деятелей, а тогда исчезают всякие предпосылки для гипотез о пристрастной тенденциозности или предумышленности построений. Этим в корне подрываются все теории о партикуляристическом павлинизме Луки. Теперь они уже не провозглашаются с прежнею резкостью и встречают достаточную оппозицию²²⁷, однако эти отрицания иногда покоятся просто на предположении, что подобные павлинистические течения заключались в самом позднейшем христианском созерцании, которое Лука лишь отражает с известною точностью²²⁸. Сущность вопроса от этого совсем не меняется.. Он остается в прежнем своем содержании и с обычно неудовлетворительностью, неизбежною при всякой предвзятости. Тут заранее допускается, что св. Павел был благовестником партийным, глубоко отличным от «самовидцев»

по духу своих воззрений, эллински свободных. Этот тезис приобрел в некоторых кругах аксиоматическую внушительность, но применение его к рассматриваемому конкретному случаю и служит для него наглядным изобличением. Этой индивидуалистической окраски совсем нет в обоих писаниях, а – напротив – встречается в них много такого, что радикально противоречит сему, ибо – при ощутительном ветхозаветно-евраистическом колорите – часто и энергически констатируется внутреннее сродство христианства с божественным домостроительством в Израиле. И если критики отсекают эти части третьего Евангелия и возвращаются к тексту Маркиона, то здесь лишь фактическое доказательство, что неправда всегда ведет к насилию. В нашем примере это тем неотразимее, что у третьего синоптика и в книге Деяний не видно прямых следов непосредственного влияния Павлова²²⁹ даже в подборе и освещении фактического материала. Это – бесспорная истина, поскольку едва ли позволительно сомневаться, что автор совсем не пользовался посланиями Павловыми, как источником среди других пособий²³⁰. Но исторический Лука должен был знать об этих драгоценных документах и был бы обязан непременно утилизировать их, если бы он считал Павла носителем особых доктрин и желал быть сам партизанским распространителем их, а Лука апокрифический являлся бы продуктом павлинистического движения и по необходимости отражал бы все его типические черты, которые отлились в Павловых писаниях. Глубокое воздействие последних на труды священного историографа одинаково требуется при обоих пониманиях, но этого там нет в желательной для теории степени. В этом отношении доходят даже до такой крайности, яко бы Лука вовсе и не был павлинистом, хотя знал и применял павлинизм, который сохранился лишь у Маркиона, да и то в извращенном виде²³¹. И причина сего в том, что Павел «был и остался иудеем»²³² и, следовательно, развивает и утверждает иудейский, ветхозаветно – теократический универсализм. Лука, чуждый иудейской крови и теократического умонастроения, не мог смотреть с такой точки зрения; это был эллин с глубокою личною проникновенностью иудейским первохристианством,

которое он и претворял в универсализм эллинский²³³. Здесь больше субъективного остроумия, чем объективной серьезности. Единым для обоих отличием был универсализм, но можно ли говорить, что для одного он был иудейский, для другого эллинский? Разумеется, нет, потому что это эпитеты-ограничительные и не свойственные самой природе универсализма, который при той и иной квалификации превратился бы просто в иудейский, либо в эллинский деспотизм, опирающийся на принуждение и порабощение. Это абсолютно противоречит существу христианства, и у него возможен был универсализм только собственный, отрешенный от всяких космических стеснений и условностей, т. е. надмирный и божественный. Таков он в равной степени и у Павла и у Луки. Правда, первый энергичнее выражает свою приверженность к истинному иудейству и пригодность для него христианской универсальности, созидая нового Израиля, но Павел, все-таки, по – преимуществу был Апостолом языков и предлагал им неиудейское Евангелие, приспособленное к эллинскому восприятию, хотя и обоснованное не на эллинских предпосылках, напр., натурального сродства всего рода человеческого. С другой стороны, Лука особенно выдвигает универсальную благодать спасения Христова, но во имя древних заветов богоизбранного Израиля и на всех членов его простирает общее для всех искупление. Здесь разность оттенков лишь отчетливее обнаруживает единство исповедания по единству исповедуемого факта, лишь с некоторыми градациями – созидающего первоисточника у Павла и солидарного применения у Луки. Эта соподчиненность обоих одному фактическому императиву и индивидуальные особенности каждого только ярче свидетельствуют, что тут нет, и не может быть павлинистической тенденциозности ни у самого учителя, ни у его ученика. В таком случае окончательно крушатся критические гадания, будто произведения Луки были плодом (благонамеренных) усилий павлиниста позднейшей формации к примирению двух партий, причем они обе живут совместно, или же торжествующий ослабленный павлинизм

ищет соглашения с историческим прошлым в духе начал возобладавшей католической церкви²³⁴.

У писателя не обнаруживается иного приспособления кроме возможной точности в копировании подлинных явлений. Его «тенденциозность» будет лишь фактической телеологичностью, а не предумышленным прилаживанием объективного содержания к несвойственным целям, изобличающим «узкого апологиста»²³⁵. Этим предрешаются суждения об эвионитском характере третьего Евангелия, в котором ради таких интересов подчеркивают, будто в нем чрезмерно унижается богатство чуть не по его натуральной злостности, а в противовес ему восхваляются спасительность бедности и благотворность милостыни. В эту интерпретацию иногда вносят единственную поправку, что таково было общехристианское убеждение позднейшей истории²³⁶, но в результате все равно, исходит ли данный принцип от одного или нескольких лиц. Что до его прочности, то она очень не высокой пробы. Факты подобного рода встречаются у Луки, – только они не имеют у него указанной теоретической крайности. Аргумент сему в том, что тождественные или аналогичные примеры отмечаются всеми синоптиками (Лк. V, 1 – 11 ср. Мф. IV, 18 – 22 и Мрк. I, 16 – 20; Лк. IV, 27 – 28 ср. Мф. IX, 9 и Мрк. II, 14; Лк. XVIII, 25 ср. Мф. XIX, 24 и Мрк. X, 25), и этих случаев ничуть не меньше, чем исключительно свойственных третьему Евангелисту, который опускает немало элементов этой категории, упоминаемых двумя первыми синоптиками (см. Мф. III, 4 и Мрк. 1, 6; Мф. XIII, 22 и Мрк. IV, 19; Мф. XIX, 29 и Мрк. X, 29), и принимает эпизоды совсем обратного характера (Лк. XVIII, 20. XXII, 27. XXIII, 50 – 51. VIII, 3. I, 79). Выходит на проверку, что эвионизм чуть ли не больше опровергается евангельским текстом. Значит, гипотеза фальшива и не соответствует предмету²³⁷.

В конце всего получается, что у Луки нет посторонних тенденций²³⁸, и он не усваивает Евангельской истории особой знаменательности – сверх той, какая заключалась в ней реально. А это суть божественные дела с неотлучною от них убедительностью, которую только и должно в целостности воспроизводить описание. Задачу последнего может быть

лишь стремление приобщить читателей к подлинному источнику христианской спасительности для беспрепятственного пользования им. Тут Евангельская историография совпадает с благовестнической катехетикой и одинаково направляется к тому, чтобы обеспечить среди людей живое влияние «известнованным вещам» пропорционально их собственной важности и внутренней энергии, – только «символ» оглашения теперь обосновывается с научно – объективной подробностью. Этим самым

Ближайшее предназначение третьего Евангелия

сводится к размерам реальной значимости самого исторического факта. Так наперед устраняется всякое индивидуальное приурочение рассказа к интересам одного лица. Правда, Лука апеллирует к Феофилу, но самое обращение это мотивируется у него объективными целями, которые не могли замыкаться в столь тесном кругу, как и самая христианско – универсальная катехизация. Следовательно, Феофил является лишь ближайшим восприемником писания для соответственного распространения его в качестве *patronus libri*. Своим посвящением Евангелист вверял названному сановнику судьбу своего труда по сохранности и влиянию – подобно Иосифу Флавию, который препоручал Епафродиту свою автобиографию (*De vita*, с. 76) и сочинение «Против Апиона» (I, 1. II, 41). При отсутствии теперешней издательской книжности такое посредничество было прямою необходимостью, часто указывавшее на материальное вспомоществование по изготовлению достаточного количества экземпляров данной книги и всегда предreshавшее, где будет циркулировать известное произведение. В этом отношении уже древние расширяли область применения, считая имя Феофила символическим для всех, кто любит Бога (*Epiroph. haer. XX, 7: M. gr. XLI, 900*) или возлюблен от Него (*Orig. in Luc. horn. 1: M. gr. 1804; Ambros. in Luc. I, 3*). Но тон речи не позволяет этого перетолкования, и Θεόφιλος было помен обычное у иудеев и весьма распространенное среди греков. Это, несомненно, конкретная личность, и по ее характеристике мы в праве догадываться о сфере, на которую рассчитано третье Евангелие. К сожалению, сведения наши крайне скудны и неопределенны. Термин *χράτις* в книге Деяний устами св. Павла употребляется по отношению к прокураторам Феликсу (XXIII, 26. XXIV, 3) и Фесту (XXVI, 24), а другие памятники прилагают его даже к императорам (напр., Тиверию в апокрифическом донесении ему Пилата; ср. *Cyrillialex Contra Iulii. prooem.: ó krátis toς 'Ιουλιá σς*). Если иногда он и выражает

собственно любезность или дружбу (Theophr. Caract. 5. Dion. Hal. De oratoribus antiquis), то и тут с одинаковым оттенком в целях польстить кому-либо (Jos. Fl. Antiqu. IV, 6: 8; Contra Apion. I, 1) возвышением его фактического достоинства. Этот титул приравнивается к официально-чиновным nobilissimus, illustrissimus (ср. 2 Макк. IV, 12), хотя такое тожество не необходимо²³⁹. И св. И. Златоуст, сопоставляя κράτιστος с λαμπρότατος, считает Феофила префектом, допустившим и патронировавшим апостольскую проповедь в своем округе²⁴⁰, а ныне не редко утверждают, что он был, по крайней мере, всаднического ранга²⁴¹ и занимал видный государственный пост²⁴², напр., императорского наместника, ставшего христианином во время отправления этой должности подобно Кипрскому Сергию Павлу²⁴³. В этом некоторые видят разгадку близости к нему Луки, провозглашая последнего вольноотпущенником его²⁴⁴. Другие усматривают в Феофиле фискального чиновника в области Агриппы II²⁴⁵, а третьи еще прямее называют его тапсера – откупщиком или ἀρχιτελώνης в роде Закхея, причем он, прибыв с Агриппой и Вереникой в Кесарию (Деян. XXV, 13 сл.) привлечен был здесь к христианству Павлом, познакомился с Лукой и потом вернулся в родную Антиохию²⁴⁶. Эти догадки довольно заманчивы, но они не освещают дела, ибо создаются из тех материалов, которые именно и прежде всего требуют разъяснения. Пока истинно не более того, что Феофил был – относительно – знатный человек, а благоволительная расположенность его к сотруднику Павлову исключает вероятность, что это – упоминаемый Иосифом Флавием (Antiqu. XVIII, 5: 3. XIX, 6: 2) первосвященник, или встречающийся у Тацита (Annal. II, 55) Афинянин. Скорее позволительно допускать, что этот же Феофил приветствуется в седьмом (подложном) письме Сенеки к Павлу (L. Annaei Senecae opera ed. Prof. Fried. Haase, vol. IV, Lipsiae 1897, p. 478: Annaeus Seneca Paulo et Theophilo salutem), как близкий Апостолу языков. К нему не трудно приурочить известие Клементин (Clem. Recognit. X, 17) об Антиохийском магнате Феофиле, дворец коего был церковью, откуда вполне законно разуместь его же в том лице, которого Никифор Каллист (h. e. IV, 25) называет

епископом Антиохийским, а «Постановления Апостольские» (VII, 46: 1) – Кесарийским. Антиохийским происхождением и пребыванием Феофила легче раскрываются связи его с антиохийцем Лукой. Но иногда возражают против сего на основании географической терминологии Дееписателя. По точности в констатировании этих дат обыкновенно судят, что родиной Феофила не были Асия, Македония и «Греция»; – тогда будет справедливым обратное, что по простому перечню Ригии, ПUTEОЛ. площади Аппиевой и трех гостинниц (Деян. XXVIII, 13, 15) нужно заключать, что он был Итальянец, Римлянин, давно привыкший к этим именам. Но последние могли быть хорошо известны ему и памятливы просто потому, что Лука не раз бывал там и знал их. Не нужно забывать также, что в его рассказе это были лишь географические пункты маршрута Павлова, решительно не ознаменовавшиеся ничем особенным. У историка совсем не было причин говорить о них подробно, если он не распространяется о Селевкии, Саламине, Пафе, Иконии и пр. Очевидно, отсюда нельзя выводить что-нибудь категорическое против традиции в пользу Антиохии. Жителю этого города удобнее было приобрести и ту осведомленность касательно Палестины и иудейства, какая предполагается обоими творениями Луки, – напр., в определении расстояния Елеонской горы субботним путем (Деян. I, 12). С другой стороны, топографические указания местностей вроде Назарета, Капернаума, страны Гадаринской, Аримафеи, Еммауса (Лк. I, 26. IV, 31. VIII, 26. XXIII, 51. XXIV, 31) и под. убеждают, что Феофил не был обитателем Палестинским²⁴⁷.

Все добытые условия хорошо подходят к Антиохии Сирийской. Совместность здесь писателя и адресата делает понятною вероятность между ними взаимных, тесных связей, которые могли зародиться на врачебной почве, а развились и окрепли в сфере целительности христианской. Но были и еще пункты притяжения. Обращает внимание, что Лука нарочито пунктуален в отчетах насчет иудейской религиозности: он заботливо прибавляет, что первенцы по закону приносились Господу для посвящения (Лк. II, 22–24), что день опресноков есть пасха и тогда закалали агнца (XXII, 1–7) и пр. Менее

уделяется места закону Моисееву и цитаты из Ветхого Завета реже – преимущественно в речах разных лиц, как редко подчеркивается и исполнение пророчеств (III, 4. IV, 21. XXI, 22. XXII, 37. XXIV, 44). Евангелист заметно избегает еврейской терминологии и иногда как бы со специальной целью предотвратить языческие перетолкования, почему βασιδν ον квалифицируется чрез ἀκάθαρτον (IV, 33), ибо у язычников почитались и добрые «демонионы», а в истории преображения не употребляется μεταμορφώθη (Мф. XVII, 2. Мрк. IX, 2), дабы по ассоциации не вызвать мысли о «метаморфозах» языческих богов. Если Ирод В. выразительно называется царем иудейским (Лк. I, 5), то по сравнению с этим весьма знаменательно, что для хронологии Лука апеллирует к годам правления римского императора (III, 1 и ср. II, 1). Весь тон Евангелия чужд иудейской приспособительности, и в генеалогии родство Христово простирается на всех потомков Адамовых.

По всем отмеченным наблюдениям в науке принимается с безызытностью, что Феофил – подобно Луке – был языческого происхождения. Иные идут даже дальше, что тогда-при посвящении ему «первого слова»- он не был христианином, не состоял членом христианского братства, – и Евангелие должно было способствовать разрешению склонности в соответственный акт обращения²⁴⁸. Поэтому-то здесь употребляется официально – почтительное κράτιοτε, неуместное для обычного христианина, а для книги Деяний оно оказалось непригодным, ибо своим христианским исповеданием Феофил сравнился со всеми верующими в единстве того благодатного организма, где нет ни раба, ни свободного²⁴⁹. Едва ли это вполне истинно²⁵⁰. Повторение титула являлось само собою излишним при новом упоминании, откуда скорее позволительно догадываться, что оба труда задуманы вместе и изданы не в долге друг после друга²⁵¹. Конечно, катήχες не отсылает непременно к совершившемуся уже крещению, которое в первенствующей церкви не только предварялось (Деян. VIII, 34 сл. X, 34 сл.)²⁵², но иногда сопровождалось оглашением, не совершенным ранее по тем или иным обстоятельствам²⁵³. Однако тут вся важность не в термине, а в самых фактах. Они

же таковы, что к словесно усвоенному Феофилом Лука лишь подводит исторический фундамент, точно ему соответствующий, подбирая для λόγος относящейся πράγματος²⁵⁴. Принципиально между ними нет разницы, и писание лишь утверждает и обеспечивает веру, но ничуть не создает ее, поскольку она существует раньше. Всем этим требуется предшествующая наличность у Феофила христианского и знания и звания (ср. Деян. XVIII, 25).

Будучи христианином из язычников, Феофил взял на себя обязанность распространения Евангелия в свойственных кругах и в этом смысле является лучшим и типичным представителем последних²⁵⁵. С этой стороны вполне приемлемы суждения древних, что в лице Феофила Лука имеет в виду всех, входящих в общение любви с Отцом чрез Его Сына, а не одних только язычников (Orig. in Matth. tom. I: M. gr. XIII, 829; cnf. Eus. h. e. VI, 25:6) – греков (Hieron. ad. Dam. ep. XX: M. lat. XXII, 378), апеллирует ко всему обществу верующих – κοινῇ πασί διαλεγόμενος (J. Chrys. in Matth. horn. I, 3). Это вывод уже дальнейший, хотя и правильный. Коренным же будет тот тезис, что третий Евангелист чрез посредство христианина из язычников обращается прежде всего к основанным чрез Апостола Павла церквям²⁵⁶, дабы чрез них и вообще мир языческий расположить к восприятию божественной милости²⁵⁷. Подобная ситуация отсылает нас к эпохе крепнущего развития эллино-христианской миссии и позволяет приблизительно определить

Время издания третьего Евангелия

Некоторые церковные писатели (блаж. Феофилакт, Евфимий Зигабен) и манускрипты приурочивают его к 45-му году по Вознесении, но тогда – около 44–45 г. – Евангелист еще не был и спутником Апостола языков, а слова Ириней (Contra haer. III, 1: M. gr. VII, 844; cnf. Eus. h. e. V, 8:3) что Лука в своей книге изложил τὸ ὑπ' ἐκείνου (Παύλου) κηρυσσόμενον εὐαγγέλιον свидетельствуют собственно то, что последнее было уже достаточно распространено устной проповедью Павловой, хотя форма *grasens'a* примечательна. Это общее заключение мало разъясняется и связью первого „слова» со вторым. Дата книги Деяний опять неизвестна с точностью, ибо нельзя прямо утверждать, что это писание было выпущено около момента по истечении двух лет римского узничества Павлова. В таком случае было бы естественнее ожидать достаточной подробности в изображении этого периода, между тем Лука совсем не говорит, хотя бы, о возможном исходе процесса Павлова и ограничивается лишь упоминанием, что по причине упорства иудеев благовестник вынужден был перенести Евангелие к язычникам, которым и проповедовал два года царство Божие, уча о Господе Иисусе невозбранно (Деян. XXVIII, 28–31). Во всем этом проглядывает тенденция – показать фактическое выполнение заповеди Христовой о возвещении благодатного искупления всем народам (Лк. XXIV, 47) даже до края земли (Деян. 1,8), а это – принципиально – достигалось перенесением христианского оглашения в мировую столицу, где – через Павла – Евангелие проповедано было всей твари поднебесной (ср. Кол. I, 23). Эти идейные намерения могли быть осуществлены и много после прекращения римских уз Павловых, причем для издания синоптического повествования освобождается широкий простор. Текст Евангельский допускает несколько более позднюю дату, но не безусловно решителен. Судя по «прологу», Лука принадлежал как бы ко второму христианскому поколению, когда ряды «самовидцев» постепенно редели и живые уста их замолкали в

силу неумолимого закона смертности, так что и восприятие от них предания рисуется с оттенком прошедшего (аог. παρέδοσαν), хотя преимущественно для писания по сравнению со слушанием. Эта эпоха приближения к завершительной грани апостольского периода предполагается и особенностями эсхатологической речи (гл. XXI-я). Лишенная в редакции Лукиной специальной приспособительности к иудейству, она заметно отличается от других синоптических изложений по содержанию и по характеру своего изображения, ибо описывает Иерусалимские бедствия и осаду святого города с особо наглядностью и эту катастрофу не связывает столь тесно с уничтожением прежнего миропорядка и пришествием Господа во славе, как делает Матвей и частью Марк и чего третий Евангелист мог избегать под влиянием некоторых конкретных наблюдений. В ослабление этих соображений ссылаются, что иногда и обыкновенные исторические деятели обнаруживают удивительную проницательность касательно даже самых мелких деталей будущих событий, а Христос, конечно, обладал совершенным предвидением²⁵⁸. Равно и Лука «подобно всем истинно гениальным натурам жил и в прошлом и в будущем»²⁵⁹, почему уверенно мог конструировать второе по первому. Значит, нельзя данным аргументам отказать в известной солидности, однако и они тоже весьма относительны: – при полном господстве их смолкала бы всякая обычная человеческая хронология, и мы в праве были бы ожидать тогда более конкретную пунктуальность. Раз последней нет в потребной для гипотезы степени, – этим свидетельствуется для нашего случая применение простых человеческих способов в созерцании фактической течения, которое было уже проникнуто предчувствием сокрушительной грозы для Иерусалима. Тем не менее разрушение его совсем еще не было для Евангелиста уже *fait accompli*²⁶⁰, поскольку – в параллель пророчески предупреждающему предостережению Матфея – он теперь едва ли воздержался написать обличительно-увещательное «иже зрит, да разумеет». Вопреки сему вся речь ведется в чисто профетическом тоне и заканчивается футуристическим напоминанием, что «когда все предсказываемое начнет

сбываться (ἀρχιμένων δέ τοῦτ υν γίνεσθαι), тогда восклонитесь и поднимите головы ваши, потому что приближается (ἐγγίξει) избавление ваше» (Лк. XXI, 28) ²⁶¹. Прибавим, что в последней фразе и в предшествующих словах (ст. 27) о Сыне человеческом, грядущем на облаке с силою и славою великою, выражается общесиноптическая ассоциация второго пришествия Христова с Иерусалимской гибелью. Посему и Лука, стоя на одной почве с другими Евангелистами, писал не после иудейской катастрофы²⁶², а раньше, хотя и несколько ближе к ней²⁶³.

С этою датой мы выходим за пределы известного нам по прямым документам апостольской истории, почему невозможно со всею точностью отыскать

Место написания третьего Евангелия

Предание настолько сбивчиво и неустойчиво, что приурочивает это писание чуть не ко всем важнейшим центрам. Блаж. Иероним (in Matth. prol.: M. lat. XXVI, 18) и св. Григорий Богослов (Carm. XII,22: M.Igr. XXXVII, 474) отсылают к Ахаии²⁶⁴ и Беотии к коим иногда присоединяется еще Македония; Сирийский перевод называет Александрию, позднейший автор (Косма Индоплаватель) – Рим. Многие склоняются на сторону последнего города; однако у Луки не видится приспособления к специальным потребностям римского общества. Если и подчеркиваются у Евангелиста некоторые латинизмы (Лк. XII, 58 δίδοναι ἐργασίαν. XIV 18 ἔχε με παρητημένον. VII, 4 ἀξιός ἐστιν ὃ πурέξῃ. Деян. XVII, 9 λαμβάνειν τὸ κανόν и inf. pass, при χελεύειν), то исследователи, констатирующие этот факт, пишут: «при частых сношениях Палестинцев и Малоазийцев с Римлянами – проникновение *подобных* (латинских) оборотов в народную греческую речь так же мало удивительно, как и заимствование римской терминологии; даже на поверхностное знакомство с латинским языком нигде более нет у Луки ни одного намека, – и скорее это можно бы допустить для Марка и Иоанна, особенно в столь часто поразительных *Asyndeta*»²⁶⁵. Во всяком случае, третий синоптик не имеет римских характеристик второго, а пристрастие к нему синоплянина Маркиона, из Понта, может убеждать, что наше Евангелие было распространено и авторитетно в восточной половине Римской империи, хотя известно и на Западе, судя по примеру св. Иустина М., который его знал несомненно. По этим наблюдениям иногда склоняются к Малой Азии, предполагая именно в ней место издания обсуждаемых творений: однако осведомленность Дееписателя в ее топографии и этнографии собственно лишь подтверждает, что автор участвовал в малоазийских путешествиях Павловых. Если исключить единичный голос насчет Александрии и не догадываться об Антиохии Сирийской, то вероятность останется за «Грецией» – без ближайшего указания, был ли это Коринф (Prof, Fr. Godet), или другой город. И весьма понятно, что

письменное изложение Павлова благовестия первоначально появилось там, где Апостол языков наиболее потрудился и снискал себе наилучший «венец похваления» (1 Фесс. II, 19) Рим же недавно получил Евангелие Марково и чуть ли не ввел его в церковное употребление, а Лука, конечно, не решился бы изменить правилу своего учителя, избегавшего созидать на чужом основании (Рим. XV,20). Таким образом, если первый и второй синоптики знаменуют две грани Евангельского распространения, то третий является связующим звеном между ними. Всеми отмеченными историческими условиями происхождения бесспорно предполагается

Подлинность третьего Евангелия

в смысле писания Луки. Исторические известия подходят к этому заключению. Намеки 1-го Климентова послания (1Соч. 45) во втором (мнимом) предваряются словами, что «так говорит Господь в Евангелии» (2Cor. 8, 13), оно отражается еще у Поликарпа (ad Smyrn. 3Лк. VI, 36–38), а в «Учении XII-ти Апостолов» усматривается явная близость к редакции Луки в выдержках из Нагорной проповеди (1Лк. VI, 29,30) и в других Евангельских изречениях (16Лк. XII, 35). Св. Иустин М. пользовался, конечно, письменными Евангельскими ἀπομνημονεύματα (Apol. I, 33,34, 36; cfr. Dial. cum Tryph. 78, 100, 103, 105: M. gr. VI, 381, 384, 429; 657, 712, 717, 721), и у него отсылают к третьему Евангелию история Благовещения, данные о Квириниевой переписи, об установлении таинства Евхаристии, о кровавом поте в Гефсиманском саду, последние слова Господа на кресте и рассказ о вознесении. По блаж. Иерониму (ad Algas. ep. CXXI, б: M. lat. XXII, 1029), Феофил Антиохийский истолковал некоторые притчи третьего синоптика, который влиял на послание к Диогнету (II, 13Лк. XVIII, 27) и обнаруживается в замечании письма Лионской церкви (Eus. h. e. V, 1:9–10), что Веттий Епагат ходил во всех заповедях и оправданиях Господних беспорочно (ср. Лк. I, 6). О широком распространены третьего Евангелия свидетельствуют своими соотношениями к нему апокрифические «Заветы XII-ти патриархов», Василид, Валентин, Феодот Кожевник, Гераклеон, и даже Цельс упоминает (Orig. Contra Cels. II, 32: M. gr. XI, 851) о генеалогии Христа от первого человека (Лк. III, 38). Маркион предпочитал исключительно третьего синоптика, и последний, очевидно, был общепринятым и безусловно авторитетным, если под этим прикрытием еретик надеялся обеспечить господство своим доктринам в церковных кругах, которые не обманулись бы подложным документом.

Все эти факты не абсолютно убедительны и допускают разные перетолкования, удобные для скептического критицизма²⁶⁶. Их сила – в связи с другими данным и лишь в

смысле подтверждения хорошо удостоверенного предания об авторстве Луки²⁶⁷. Его христиански-литературной личности соответствует и

Текст третьего Евангелия в теперешней редакции

Что до целого, то здесь вызывает на размышление Маркионовская рецензия, которая – по разным побуждениям – часто выдавалась учеными за первоначальную, почему из нынешнего текста немало частей относилось к позднейшим наслоениям, и вся композиция оказывалась искусственно обработанною²⁶⁸. Мы должны допросить факты насколько они убедительны объективно. А здесь весьма характерно, что в корректурах Маркиона замечается нетерпимость ко всему Ветхому Завету, и именно ради этого делаются изъятия или изменения. Он прямо опускает две первые евраистические главы, утверждающие непрерывность и гармонию между обетованием и исполнением, – и все Евангелие Маркионовское начиналось словами: «в пятнадцатый год правления Тиверия сошел Иисус в Капернаум», конечно, в качестве небесного зона; вместо «узрите Авраама и Исаака и Иакова и в с и пророки в царствии Божии» (Лк. XIII, 28) еретик читает «всех праведников», устрняя ветхозаветных столпов от христианского наследия; изречение Господа: «скорее небо и земля прейдут, нежели одна черта из закона пропадет» (Лук. XVI, 17) во второй половине у него гласит: «чем хотя бы йота едина из Моих слов» – без упоминания ненавистного ему ветхозаветного откровения. Эти и подобные примеры²⁶⁹ удостоверяют, что все исправления Маркиона носят выдержанную идейность, а она точно совпадает с его доктринально-догматическими тенденциями. Бесспорно, что для этого Понтийца Творец мира и дарователь закона был существом низшим и ограниченным, отличным от верховного Бога, действовавшего в Иисусе. Поэтому, считая св. Павла крайним антиномистом, он из всех новозаветных книг избрал десять Павловых посланий – за исключением пастырских и к Евреям. Во всем этом очевидна умышленная работа своеобразного дуалиста, но она же несомненна и в операциях над нашим памятником, как предпочтение третьего синоптика другим опять выясняется из его ложного павлинизма. При таких

отчетливых предварениях получают особенную силу протестующие голоса древних, что – подобно своему учителю Кердону (Ps.– Tert. De praescr. haeret. 51: M. lat. II, 70. Theodoretī Haer. fabul. comp. 1, 24) – Маркион имел труд Луки не полный, ибо – по Иринею (Contra haer. III, 11, 12. I, 27: M. gr. VII, 884, 906, 688) – он «обрезал», «укоротил» оригинал и «передал ученикам лишь часть его», а – согласно Тертуллиану (Adv. Marc. IV, 2, 5 etc.: M. lat. II, 364, 367) – «обрубал», «наложив на него свою руку». Св. Епифаний, говоря об устранении Маркионом многих истинных изречений и о замене других в середине и в конце третьего Евангелия, насчет изъятия начала его удачно констатирует причину сему в том, что «здесь прямо упоминается о зачатии Спасителя во чреве, Его рождении и пришествии во плоти» (haer. XLI, 9: M. gr. XLI, 708), т. е. о тех пунктах, которые противны Маркионовской системе. В результате находим, что Маркионовский текст всего менее может претендовать на первоначальность и есть тенденциозное искажение последнего. И Тертуллиан в лицо Маркиону смело бросает обидную укоризну: «ты вырвал то, чему и сам прежде веровал, как это выразил в некоем письме своем» (De came Christi 2: M. lat. 11. 755), признавая общецерковный тип (Adv. Marc. IV, 4: M. lat. 11, 365), о котором пламенный Африканец свидетельствует: «И я заявляю, что не только у этих – церковей апостольских, но и у всех, какие соединены с ними общением в таинствах, от начала издания сохраняется то Евангелие, которое имеем мы; Маркионово же большинству не известно, а знающими осуждается» (Adv. Marc. IV, 5: M. lat. 11, 366).

Теперь можно принять с научною твердостью, что Маркионовская рецензия была плодом стремлений еретическующего сектанта применить Евангельское повествование к своим метафизически-сотериологическим построениям, хотя он не провел своего намерения до конца и не вытравил всех неприятных ему мест, поскольку для сего потребовалось бы написать чуть не новое Евангелие, а тогда и сам Маркион потерял бы объективную почву под ногами и у других заранее лишился всякого доверия. Следовательно, дальше позволительна речь разве о том, не вкралось ли в

теперешний текст посторонних и позднейших вставок. В этом смысле делается несколько замечаний.

Они начинаются уже с двух первых глав Евангелия. Известные автору Мураториева фрагмента (a nalivitate Johannis – Lucas – incipit dicere), они отвергались не редко, но отсутствие их у Маркиона скорее служит отрицательной инстанцией в пользу их, а характеристика в Деян. I, 1 содержания первого – Евангельского – слова, что там было описано, «яже начать (ἡρξάτο) Иисус творити же и учити», не исключает вводных сведений о событиях, бывших историческим предначинанием искупительного домостроительства Христова. Тогда особенности Стиля будут лишь фактическим речительством точности автора в использовании документов при Бесспорной Луканистической обработке²⁷⁰.

Категорически исповедуя эту последнюю истину, проф. Adolf v. Harnack тем энергичнее защищает отрицателей Лк. I, 34 – 35, уповая окончательно устранить из Евангельского предания идею чудесного рождения Христа Спасителя от Приснодевы и обратить это верование в простую легенду²⁷¹. Кажется, в этом предзанятом стремлении заключается и единственное оправдание всей затеи, ибо все текстуальные авторитеты имеют эти стихи, так что и сам критик датирует их не позднее заключения Четвероевангелия и не прочь усвоить эту глоссу даже Луке²⁷². Если оставить в стороне напрасную заметку о необычности частиц ἐπεὶ и διό, то все будет исчерпываться ударением на неприемлемости самого содержания в тексте и по существу. Подчеркивается несоответствие стиха 35-го с 31 и 32-м, к разъяснению коих он предназначен. Едва ли это верно и убедительно. Своим вопросом Мария направила речь на чрезвычайность всего события, почему вполне натурально, что – вместо упоминания о рождении Сына с царственными прерогативами – теперь является Сын Божий по наитию свыше, поскольку лишь одно это могло давать вполне удовлетворительное объяснение всему совершающемуся²⁷³. Ничуть не дисгармонизирует сему и ссылка на пример Елизаветы, поскольку ею подтверждается не доступность для Св. Духа подобного чуда, не нуждавшаяся в

подкреплении, а единственно то, что слово ангельское сбудется с Мариєю не меньше, чем и с заматоревшею Елизаветой (ст. 37). Недоумение Богоматери вовсе не странно, раз Иосиф был собственно хранителем ее девства и фактически не пользовался супружескими правами. Если проф. Ад. Гарнак для всей истории считает исходным пунктом Мф. I, 18–25, то и отсюда следует та же истина, ибо при потенциальности супружеских отношений Обручнику – для прикрытия случившегося – проще было бы принять все на себя, а не задумывать взаимно неудобное «тайное отпущение», не снимавшее обличительных подозрений с Девы Марии. Слова ее вовсе не выражают недоверия или сомнения в ангельском возвещении: – они касаются только способа его осуществления и тем самым бесспорно и решительно предполагают возможность последнего; отсюда понятна и разница в дальнейших действиях по сравнению с наказанием Захарии. В этом освещении речь Богоматери будет вполне подходить к ее образу – благоговейной кротости сдержанного самоуглубления. Послеэтого συλλήψη 31 го стиха и συ ἔλη εν 30-го совсем не будут аргументом за позднейшую вставку промежуточных стихов.

Внушительнее данные против XXII, 43–44 о явлении Ангела и о кровавом поте во время «борения» Спасителя в саду Гефсиманском. Их нет в BART 124, а в Синайском манускрипте они зачеркнуты первым корректором и заподозрываются другими рукописями (ESVΓΔΠ) и переводами. Иларий не находил их et in Graecis et in Latinis codicibus complurimis (De trin. IV, 1: M. lat. X, 375), блаж. Иероним читал лишь in quibusdam exemplaribus tam Graecis, quam Latinis (Adv. Pelag. II, 16: M. lat. XVI, 23, 552), а св. Епифаний встречал ἐν τοῖς ἀδιόρθωτοῖς ἀντιρρῆφοις²⁷⁴ или же слова ὡφθη δε αὐτῷ ἀγγελος κτλ приписывались к Мф. XXVI, 39. Доводы – очень веские, но они не убедили и проф. Ад. Гарнака, который энергически выступает на защиту этого известия²⁷⁵, хотя и не без того внутреннего мотива, что в нем неотразимо свидетельствуется о совершенном человечестве (полной человечности) Господа. Тем не менее, соображения Берлинского ученого обладают всею

объективностью. Они таковы. 1) Разумеемые слова носят яркую печать авторства Луки по содержанию (ибо у него обычны явления Ангелов) и по формально-языковой обработке. 2) Текстуальное предание не сообщает о сомнениях на этот счет раньше 300 г., между тем наличие этих стихов удостоверяется уже для первой половины II века, а 3) позднейшее изъятие могло совершиться по идейно-догматическим интересам, напр., в недоумениях касательно укрепления Господа Ангелом и вообще самой *ἀγῶνις*; св. Епифаний прямо замечает, что по таким именно побуждениям данное изречение устранялось иногда и православными. Этих аргументов вполне достаточно, и нам нет надобности усвоить сомнительные соображения проф. Ад. Гарнака о своеобразном отражении рассматриваемых слов в Евангелии Иоанновом.

Одинаково твердо защищает Берлинский ученый и подлинность воззвания Спасителя к Отцу о прощении неведущих распинателей у Лк. XXIII, 34²⁷⁶ – опять по достаточным основаниям. 1) Сравнение с Мрк. XV, 22 сл. убеждает, что это упоминание вовсе не является неестественною вставкой. 2) Татиан, Игизипп, Ириней и Синайский кодекс возводят его к половине II века, почему отсутствие в B, D и Syr. sin. не столь уж страшно. 3) Выпадение этого трогательного изречения может объясняться влиянием редакций Матфея и Марка, а применение такового к иудеям не способствовало его сохранению при господстве антииудаистических настроений. Напротив, 4) признание тут позднейшей интерполяции создает неразрешимую загадку, почему вызвавшая ее потребность фиксировалась на Луке – с насилием над контекстом – и почему вместе с тем не распространилась на первых двух синоптиков, когда для них это было бы не менее удобно.

Исчерпав существенные случаи, мы можем теперь считать хорошо обеспеченною подлинность важнейших частей теперешнего текстуального типа третьего Евангелия. Но желательно еще формулировать точнее, насколько верно он сохранился в текстуальной передаче. В частности и в особенности, – этот вопрос вызывается новейшими суждениями

о «величании» Богоматери. Не первым высказал²⁷⁷, но именно проф. Ад. Гарнак больше других возбудил научное внимание к гипотезе, будто эта песнь самим Лукою усвоялась Елизавете и была продолжением обращения ее к Приснодеве, которой ошибочно приписана позднее²⁷⁸. Эта идея породила горячие дебаты и нашла немало сторонников²⁷⁹, которые пробуют отыскать даже литургические подтверждения²⁸⁰. Однако текстуальные оправдания для сего совершенно ничтожны. Это – латинские кодексы Vercellensis (IV-го в.), Veronensis (V в.), Rhedigeranus -Vratislavenensis (ок. VII в.), в латинской гетерофразировке пятой Оригеновой гомилии на Евангелие Луки (Lomnatzsch V, 108 sq: Invenitur beata Maria, sicut in aliquantibus exemplaribus reperimus, prophelare; non enim ignoramus, quod secundum alios codices et haec verba Elisabeth vaticinetur. Spiritu itaque Sancto repleta est Maria etc.), в латинской интерпретации Ириния IV, 7 по двум спискам (Claromont. et Voss.), когда третий (Arund) и III, 10 (ср. III, 14:3) требуют усвоения Magnificat'a Богоматери. Следовательно, перед нами лишь безусловно слабое текстуальное предание, неизвестное до IV века²⁸¹, и тут необходимы поразительные аргументы чтобы отвергнуть всю текстуальную традицию, имевшую за собою и литургическое поручительство²⁸². Таких доводов подобной важности мы не находим у проф. Ад. Гарнака. Если подчеркивается, что здесь нет ссылки на осенение от Духа Св., чем мотивируются песни Елизаветы и Захарии (ст. 41 и 67), то нельзя забывать, что Мария выступает пред своею родственницей в достоинстве матери Господа ее (ст. 43), о которой выше засвидетельствовано исключительное отношение к ней силы Всевышнего (ст. 35). Конечно, был бы удобнее переход с оттенком контраста – чрез εἶπεν δὲ Μαριάμ, а не чрез связующее καὶ εἶπεν (ст. 46), но во 1х), судя по оппозиции против стиха 34-го с желательною для критики формулой, эта редакция не спасла бы от предубежденных возражений: во-2 х), речь идет о фразе в наиболее евраистическом отделе Евангелия, где еврейская координация чрез καὶ вполне естественна. Бесспорно, что выражение 56-го стиха ἔμεινεν Μαριάμ σὺν αὐτῇ не совсем удобно, и по всему контексту было бы натуральнее ἔμεινεν δὲ

(Μαρίάμ) σύν Ἑλισάβετ, но не вразумительность являлась бы непостижимой со стороны позднейшего корректора, стремившегося к устранению неясностей, и потому именно она могла служить побуждением к поправке в стихе 46-м, поскольку – с опущением упоминания о Марии – исчезала вся трудность²⁸³. Что для Луки Богоматерь – наряду с Иосифом – была лицом неречистым, – это есть напрасное предубеждение, которое не извиняет, а изобличает себя, если и раньше отнимает у Приснодевы слова ее к Ангелу – Благовестителю. Начало «величания», будучи воспроизведением песни долголетне неплодной Анны, матери Самуиловой (1Цар. II, 1 и ср. I, 11) было бы приличнее в устах Елизаветы, но это соображение получает внушительность лишь при том условии, если бы сохранились характерные штрихи, указывающие на аналогичность положения в прекращении продолжительного неплодия; раз же этого нет, – отсюда вытекает, что изъятие этих черт было неизбежно по разности ситуации, а дальше следует, что – значит – содержание Magnificat' лучше соответствует Марии, чем Елизавете, которая даже пред самою собою не забывала вспоминать о тяготевшем на ней поношении (ст. 25). Тоже верно и по иным материальным данным, – и, напр., великое упование на убажение от всех родов (ст. 48) уместно только для одной Богоматери. Берлинский ученый парирует в том смысле, что как раз это речение и повело к вставке имени Приснодевы, но неужели этого не мог предусмотреть сам Евангелист, яко бы свободно скомпоновавший все поэтические песнословия²⁸⁴? А между тем – по Гарнаку – он почти прямо вызывал недоумения, написав (в стихе 46-м) посредине Елизаветинского возгласия прерывающее его безличное καί εἶπεν без субъекта, хотя Лука обладал высоким искусством счастливого стилиста²⁸⁵.

Когда мы беспристрастно взвесим все pro и contra, то без особых предрасположений тенденциозного свойства нам трудно не согласиться, что все вероятности решительно говорят за признание Magnificat'a песнею Приснодевы²⁸⁶. В таком случае у нас отпадают всякие основания к подозрению в умышленной несправедливости текстуального предания, на которое

стараясь набросить тень, будто оно пострадало от догматических корректур – преимущественно – католических справщиков²⁸⁷. По этой причине оказывается вполне обеспеченная почва для текстуально-критических операций в сохранившихся текстуальных авторитетах. Работа над ними должна разрешиться сведением к единству, поскольку они идут от единого источника в апостольском оригинале. Но достигнем ли этот оригинал и нет ли в текстуальном течении таких разностей, что подобное примирение является невозможным по существу дела? Эти вопросы выдвинуты для научного обсуждения гипотезой профессора Friedrich Blass'a, яко бы и для третьего Евангелия были два издания – только в обратном порядке по сравнению с книгой Деяний: для нее признается преемство Римской – первичной – формы и Антиохийской – последней; там Антиохийская (Кесарийская) обработка сменяется окончательною – Римской²⁸⁸. Эта теория, приобретая Галльскому оригиналу много адептов по отношению к Деяниям, не разделяется даже и ими в применении к третьему синоптику²⁸⁹. Пока иной взгляд едва ли будет иметь научную солидность объективного достоинства. Несомненно, что в текстуальной традиции третьего Евангелия есть некоторое раздвоение, и в нескольких примерах эти уклонения носят характер высокой вероятности, претендующей на первоначальность; однако это разделение – не систематическое, не всецелое и большею частью теперь поддается удовлетворительному обобщению, почему двойства прародителей ничуть не требуется прямо. Значит, в текстуальной истории Евангелия Луки не усматривается особой, индивидуальной судьбы, и с этой стороны оно имеет равную участь со всеми новозаветными писаниями во вторжении западного текстуального типа, отличаясь лишь по степени, а это вполне естественно. Западный текст яснее выступает в Евангелиях, чем в других новозаветных книгах, и для сего отыскивается достаточная причина во влиянии Татиановского Диатессарона. Для третьего Евангелия существует больше характерных западных чтений, и опять на это находится резонное оправдание и фактическое основание в

Маркионовской рецензии, которая заключала лишь Лукино писание и немало отражалась в западных текстуальных кругах, судя, напр., по текстуальным вариациям в послании к Римлянам. Этим путем все текстуальные задачи о третьем Евангелии разрешаются по наличным научным данным и потому не нуждаются в отвлеченных гипотетических построениях.

Тогда у нас будут все обычные средства к восстановлению возможно первоначального текста, который, как хорошо удостоверенный в своей подлинности, по своему происхождению от спутника Павлова Луки возводится – в существенном – к живому свидетельству самовидцев. С какой же стороны изображаются здесь «известованные вещи», многообразность и глубина коих необходимо вызывала специальное освещение в каждом письменном «слове»? Это должен показать

Анализ содержания третьего Евангелия

Самое общее наблюдение открывает, что – по сравнению с Матфеевым изложением – труд Луки много потерял в иудейско-националистической окраске и в библейско-теократическом обосновании дела Христова. Генеалогия не занимает тут первого места, когда ею выражается подлинное, историческое достоинство мессианства Христова по осуществлению в нем пророческого идеала обетованного Избавителя, – не ведется по царственно наследственной линии дома Давидова и оканчивается Адамом, как бы для оттенения той мысли, что Иисус из Назарета является представителем всего человечества (Iren. Contra haer. III, 22. J. Chrys. in Matth. horn. I. 3: M. gr. LVII 17) и имеет быть для него таким же родоначальником, что и тот, а это есть уже чисто Павлинистическая концепция «второго Адама». Наряду с этим не менее характерно, что ветхозаветные цитаты Матвея частью опускаются или стоят на втором плане (II, 23–24. III, 4. IV, 4, 8, 10, 11, 12, 18, 19. VII, 27. X, 27. XVIII, 20. XIX, 46. XX, 17, 28, 37, 42, 43. XXII, 37) и все они по LXX-ти кроме VII, 27 (из Мал. III, 1), которая не совпадает до точности ни с этим переводом, ни с еврейским подлинником. Мало говорится об исполнении пророчеств и – за исключением одного случая (III, 4) – остальные четыре (IV, 21. XXI, 22. XXII, 37. XXIV, 44) встречаются в речах Господа к иудеям, где больше всего ссылок на Ветхий Завет (IV, 4, 8, 12, 18, 19, 26. VI, 4. VII, 27. VIII, 10. XIII, 19, 28, 29, 35. XVIII, 20. XIX, 46. XX, 17, 31, 42, 43. XXI, 10, 24, 26, 27, 35. XXII, 37, 69. XXIII, 30, 46), каковой чаще вспоминается еще другими Евангельскими лицами (1, 15. 17, 37, 46–55, 68–73. 11, 30, 31, 32. IV, 10, 11. X, 27. XX, 28). Галилейское служение Христа не мотивируется словами Исайи IX, 1–2 (ср. Мф. IV, 13–16) и сразу отрешается от национальных ограничений, при чем примеры Сарептской вдовицы и сирийца Неемана (IV, 25–27) ясно свидетельствуют об универсальности спасительной проповеди. Нагорная беседа не приспособляется столь близко к номистическим формулам, а вырезает насчет

нескончаемой значимости закона (Мф. V, 17–19) несколько сглаживается и в новой концепции получает тот смысл, что ветхозаветное домостроительство незыблемо лишь по силе своего утверждения в царстве Божием, не простираясь дальше его откровения, ибо здесь и теперь не оставлено ничего важнейшего из легализма, так что последний принципиально и фактически не прошел без реализации ни единою своею чертой (XVI, 16–17). Там, где – по Матфею (X, 5–6) – Христос направлял Апостолов «наипаче к погибшим овцам дома Израилева», воспрещая всякое уклонение на путь язычников и самарян, – тут Лука совершенно умалчивает о подобных условных оговорках (IX, 2 сл.), и у него сообщается лишь о посольстве «проповедовать царство Божие и исцелять больных». Эпизод о Хананейской женщине (Мф. XV, 21–28), смягченный уже Марком (VII, 24–30) через пропуск ограничительного замечания Спасителя касательно объема своей миссии, третий синоптик совсем игнорирует. «Не и язычницы ли (οὐχί καί ἔθνηκοί) такожде творят?» – вместо этой укоризненной редакции Мф. V, 47-мы имеем у Луки (VI, 35) простое упоминание только о грешниках. Специфическое «язычники ищут» (τά ἔθνη ἐπιζη οἷσιν) Мф. VI, 32 несколько сглаживается более квалифицированным πάντ' τά ἔθνη τοῦ κοσμοῦ (XII, 30), которое по-русски передается даже совсем общим «люди мира сего». Ненависть к ученикам Христовым первый Евангелист усваивает (XXIV, 9) «всем языкам» (ὅπῃ πάντ' τῶν ἔθνῳ), между тем третий называет (XXI, 17) просто «всех» (δπὸ πάντων), без всяких национально – расовых различий. Вопросы о разводе, принадлежащего к области чисто еврейского права (Мф. XIX, 3–12. Мрк. X, 2–12), Лука едва касается, опуская легалистические ассоциации (XVI, 18), эсхатологическую речь сильно изменяет в духе некоторой общности, разрушение Иерусалима не связывает тесно с фактом пришествия Господня, которое отодвигается в даль неизвестного будущего, а при грядущих страшных бедствиях Иудеи не заставляет молиться, чтобы эта катастрофа не случилась в субботу (Мф. XXIV, 20), каковая, очевидно, уже

существенно потеряла прежнюю обязательность и для писателя и для читателей.

Все эти данные, прежде всего, показывают, что третий Евангелист рассчитывал не на иудейскую публику, когда приходилось становиться на иудейскую почву, где только и можно было встретиться с евреями более или менее мирно. Разумеется совсем иной круг людей, не почивавший столь упоительно на ветхозаветном слове, хотя бы и знакомый с ним почтительно. Этим самым фактически удостоверяется, что Евангелие Христово не связано внешними условностями, но всеобъемлюще по существу и сразу же заявило себя с таким неограниченным характером, поглощая всякие преимущества и всех одинаково награждая богатствами благодати. Значит, христианский универсализм коренится в самой природе спасительного благовестия. Это, несомненно, уже и потому, что здесь перенесение проповеди Христовой в необъятную сферу всего мира не мотивируется, как у Матфея, отвержением ее со стороны Израиля. В этом отношении весьма знаменательно, что Лука заметно прикрывает вину иудеев, говорит о них мягче и много тягостного предает забвению. Количество противоиудейских угроз и прещений у него гораздо меньше и они не отзываються такою суровостью даже в общих с Матфеем пассажах. Тон сердечного сокрушения и любящей скорби проникает все соответственные речи Господа. Он предсказывает своим врагам конечное поражение, но и тут не совсем закрывает для них возможность избавления: «аще не покаетесь, вси такожде погибнете» (XIII, 3, 5). Острая секира лежит при корне бесплодной смоковницы, однако и для нее заслуженное уничтожение отодвигается на год, пока ее окопают и обложат навозом – с надеждой, не оправдает ли она этой заботливости своим изобилием, хотя три года оставалась бесплодной (XIII, 7 – 9). Всем дается щедрое снисхождение, – нужно лишь с усердием пользоваться им, «подвизаясь войти сквозь тесные врата», чтобы не оказаться вне дома, когда хозяин запрет дверь (XIII, 24 – 25). Христос охотно освобождает от уз сатаны дочь Авраамову (XIII, 16) и возвещает спасение презренному среди иудеев Закхею (XIX, 9). Печальная судьба

священного города неизбежна и справедлива, но этим только возбуждается тяжелая грусть с горьким плачем о слепоте обреченной столицы (XIX, 41). Царя Израилева влекут на позорный крест для лютой казни, а Божественного Страдальца волнует единственно участь дерева сухого, и Он приглашает сердобольных жен проливать горькия слезы не о Нем, но за себя и за детей своих в виду приближения страшного гнева (XXIII, 28–31). Будучи распят и поруган, Господь и теперь платит виновникам своей казни трогательным всепрощением и искреннею мольбою за них: Отче, отпусти им, не ведут бо, что творят (XXIII, 34). И самый факт богоубийственного умерщвления Сына не истощает всей благодати Божией к жестоковейному народу: «Иерусалим будет попираем языки, дондеже скончаются времена язык» (XXI, 24). Не меньше мягкости обнаруживается и по отношению к злейшим врагам – фарисеям. Уже Иоанн Креститель не к ним направляет позорную кличку «порождений ехидниных» (Мф. III, 7), а к народу (Лк. III, 7). В других местах опять немало сглаживается жестокость обличительных слов Христовых, и самое гнусное объяснение в связи Чудотворца с веельзевулом (Мф. XII, 24) усваивается безличному подозрению толпы (Лк. XII, 15), которая выступает вперед и в течение последних ужасных дней. Лука умалчивает о формальном приговоре синедриона против Христа (XXII, 71), в предании Его Пилату (XXIII, 1) и в пререканиях с игемоном главную роль приписывает народу (XXIII, 4, 14), хотя при активном участии вождей. Подобно сему, ругателями и истязателями невинно осужденного Узника называются (XXII, 63) люди (οἱ ἄνδρες) без ясного намека, что это было по воле первосвященника и его клевретов (ср. Мф. XXVI, 65–68). И во время земной жизни своей Христос не чуждался фарисеев, охотно принимал их приглашения (VII, 36 сл. XI, 37 сл. XIII, 1 сл.) с целью пробудить в них добрые чувства и внушить спасительное настроение.

Мы видим теперь, что у Луки нигде не отмечается, чтобы Евангелие отрешалось от иудейской массы по причине отвержения его последнею, чем фатально порождается взаимное отрицание. Расхождение было принципиальное. Эта

истина несомненна и потому, что теократические права Израиля признаются Лукою в полной мере. Христианство рисуется у него величайшим осуществлением священных обетований и чаяний народа Божия и в своем историческом развитии утверждается на ветхозаветном основании (II, 22 сл., 27. X, 26. XVI, 17, 29. XXIV, 44; ср. IV, 21. X, 25 – 28. XVII, 14. XVIII, 18 – 20. XXIII, 56). Естественно, что здесь получают высшее освящение все преимущества богоизбранности чад Авраамовых. Для них бесспорно было божественное «усыновление» (Рим. IX, 4) по особой близости к Богу (Исх. IV, 22. XIX, 5. Второз. XIV, 1–2. XXXII, 6, Ос. XI, 1 и др.), – и Всевышний «воспринял Израиля, отрока своего» (Лк. I, 54), «посетил народ свой» (ср. II, 32) и «сотворил ему избавление» (I, 68). Евреям принадлежали «слава» (Рим. IX, 4) соприсутствия Божия, – и в принесенном Богомладенце Симеон узрел спасение и славу народа своего пред лицом всех людей (II, 31 – 32) согласно предречению пророка Аггея (II, 9) о большем величии храма второго сравнительно с первым. Потомки Авраамовы были в «завете» с Иеговою, получили божественное «законоположение», обладали наилучшим средством для выражения своего благоговения в установленном «богослужении», были наделены всеми дарами высоких обетований (Рим. IX, 4), – и все это сбылось с пришествием «Святого Божия». Теперь Бог, «как говорил отцам, вспомянул милость к Аврааму и семени его до века» (Лк. I, 54–55), «воздвиг рог спасения в дому Давида, отрока своего, как возвестил устами бывших от века святых пророков своих» (I, 69 – 72), когда в городе Давидовом родился Спаситель, Господь Христос (II, 11), – утеха Израилева для всех, ожидавших избавления (II, 25, 38). Вместе с обещанием нашла тут свое осуществление и клятва, которою клялся Бог Аврааму (I, 73). Равно не осталась без награды верность закону и богоучрежденному культу: – радостное благовестие прежде всего сообщается «священнику» Захарии, «служившему в порядке чреды своей» (I, 8) и «ходившему по заповедям и уставам Господним безпорочно» (I, 6), потом Симеону, «мужу праведному и благочестивому» (II, 25), и Анне, которая не отходила от храма и благоугождала Богу постом и молитвою (II,

37). Понятно, что и Богомладенец принесен был в храм для представления Господу (II, 22), соблюдал праздники (II, 41) и с самого детства выполнял законнические предписания (1, 21, 22–24, 27, 39). В качестве «пророка Всевышнего» и «Востока свыше» (1, 76, 78). Он – соответственно древним предначертаниям – дал народу возможность «служить Богу в святости и правде пред Ним во все дни жизни» (1, 75). Иудеи почитались семенем Авраамовым, – и Всевышний, по клятве своей и завету святому с праотцами, сотворил потомкам милость (I, 54, 55, 72–73), послав – в лице Иоанна Предтечи – учителя для возвращения сердец отчих детям и для сообщения непокоривым образа мыслей праведников, чтобы предстал Господу приготовленным народ Его (I, 17). Мало того: Иосиф (и Дева) – из дома Давидова (I, 27. 11, 3–5) и Христос рождается в городе Давида (II, 11) и занимает престол Его, как своего отца (1, 32).

При таком внутреннем соотношении христианство являлось величайшим увенчанием и всесовершенным удовлетворением педагогических усилий ветхозаветного прошлого, почему последнее – устами праведного Симеона – спокойно говорило себе с сознанием исполненного долга: ныне отпускаешь раба твоего, Владыко, по глаголу твоему, с миром (II, 29). Устраняясь и поглощаясь, истинное иудейство совсем не усматривало в этом своей смерти, а – напротив – чувствовало, что именно теперь и начинается исполнение того, что было предметом робкого чаяния и тусклого прозрения. Народ Израильский сходил с переднего плана обогащенный более содержательными надеждами, чем какими жил доселе. И тот же старец Симеон с уверенной восторженностью возглашал: видеста очи мои спасение твое, еже еси уготовал пред лицом всех людей, – свет во откровение языков, и славу людей своих Израиля (II, 30–32).

Ясно, что христианство разобщается от иудейства не по какой-либо вражде к нему и не по отсутствию фактического и идейного родства с ним. Внутренняя их связь и исторический восход солнца правды именно на иудейском горизонте – скорее – должны свидетельствовать, что сама тьма не восхотела

принять живительного сияния. Так и было в фактической действительности. Истинные носители богооткровенных заветов сразу усмотрели в Сыне Марии свое избавление, однако в целой массе народ оказался далеко не на высоте своего призвания. В нем было немало добрых зачатков и здравых упований (III, 15–16, 18, 21. VII, 29. VIII, 47. XV11I, 43. XIX, 48. XX, 5, 45. XXI, 38. XXIV, 19 и др.), и он спешил к Иисусу Христу для помощи и назидания, встречая сочувствие, одобрение, похвалу и поддержку (IV, 15, 42. V, 1, 15. V11I, 4, 40. IX, 37. XI, 29. XII, 1. XIV, 25 и др.). К сожалению, его нравственная энергия не имела достаточной крепости, чтобы сохраниться до конца. Уже при входе Господнем в Иерусалим мы не встречаем ликующей толпы, которая упоминается Матфеем (XXI, 8–9) и Марком (XI, 8–9), – и у св. Луки (XIX, 37) ее заменяет «все множество учеников» (ἅπαν τὸ πλῆθος τῶν μαθητῶν). В противовес сему, при осуждении Христа первенствующая роль усваивается народу, который в безумном ослеплении собирает горячие угли на свою голову. Фарисейское самомнение и людская самоправедность (XV, 1–2. XVI, 14–15. XVIII, 9–14) сами закрывают себе возможность спасения, а ожесточенное упорство истине равняется смертному приговору. «Врагов же моих, – тех, которые не хотели, чтобы я царствовал над ними, – приводите сюда и избежите предо мною» (XIX, 27) – это неизбежная участь людей, не только не желающих принимать подаваемое туне, но и попирающих священный дар. Тут вина самого грешника, который преступно невнимателен к предлагаемому свыше и потому не сподобляется спасительных благ.

Значит, в греховой анестезии и нравственной косности вся причина того, что христианство отрывается от иудейства и теряет тяготение к нему. В этом смысле для Евангелия Луки крайне показательны, что в нем все важнейшие отделы начинаются сообщением типических сцен отвержения Христа иудеями (IV, 28–30. IX, 51–56. XIX, 41–44) без соблюдения точной хронологии и, очевидно, для выражения специальной идеи о собственной виновности Израиля в его богооставлении.

Этот последний штрих служит к завершению всех наших наблюдений касательно принципиальных воззрений третьего Евангелиста на христианство. Оно как бы отстраняется от иудейства и избирает себе другое поприще, но отсюда вовсе не следует, что это случилось по вражде к изгнавшему, когда по необходимости бывает нужно отыскивать новое поприще и иной приют. В этом случае расширения сферы действия было бы непредусмотренным и ненатуральным для христианства, которое по существу являлось бы силою националистически обусловленной, сохраняя свою эссенциальную узость и после ухода на страну далече от своего отчего иудейского дома. Напротив, у Луки с отчетливостью отмечается симпатия глубокого соболезнования к теократическому иудаизму – и не по одному состраданию снисхождения, а по духовному влечению к тому, что родственно по природе. Поэтому здесь разрыв сопровождается не механическим рефлексом пропорционального противодействия сравнительно с напряженностью отвержения и соответственным последнему, т. е. одинаково ограниченным. Нет, здесь мы имеем сознательное перенесение христианской активности по горестному убеждению в непригодности прежней почвы и по собственной независимости от нее. Тогда эта энергия будет несвязанною внешними стеснениями и оказывается господствующею над ними с необъятностью, которую они сдержать не могут. Так иудейская безнациональность христианства сочетается и мотивируется его универсальностью по самой своей природе. И это значение коренится даже в самом генетическом соотношении к Израильской истории, которая фактически раскрывается тут по вселенски-обязательному достоинству своего божественного содержания. Если пришествие Христово было для Симеона «светом к просвещению язычников», то и Приснодева с решительностью высказывает, что ее будут ублажать все роды (I, 48), а при рождении Богомладенца Ангелы славословят мир по всей земле и благоволение в человеках (II, 14). Иоанн Креститель заставлял трепетать сердца не правоверных только евреев, но его голосу внимали отверженные мытари и грубые воины (III, 12, 14), одинаково

интересуясь его разъяснениями на вопрос, что им делать? Еще при самом начале своего служения речью в Назаретской синагоге Христос категорически удостоверил, что и Сирия и Сидон не менее принадлежат к Его владениям (IV, 16 – 30) и будут находиться в сфере сияния Его божественной славы. И именно у Луки мы читаем, как презренный самарянин оказался выше гордого священника (X, 30 – 37) и прокаженный иноплеменник превзошел своею благодарностью черствых евреев (XVII, 12 – 19). Наряду с этим заботливо опускаются черты, которые позволяют истолкование, неблагоприятное для язычества (VII, 6. IX, 5 – 6. XX, 16. XXII, 14). Не без намерения, конечно, повествование о спасительной деятельности Христовой начинается общею для всех Евангелистов цитатой из Иса. XL, 3 – 5, но со свойственным лишь Луке (III, 6) продолжением ее (сравнительно с Мф. III, 3. Мрк. I, 3. 1н. I, 23) до великих торжественных слов: и узрит всяка плоть спасение Божие. Равно и в заключение реферата о земном подвиге Христовом читается сладостное уверение, что «Сын человеческий пришел взыскать и спасти погибшее» (XIX, 10). Отсюда вытекает, что универсализм не случайно привился к христианству вследствие изгнания из первоначальной национальной области. Он заложен в эссенциальных глубинах благодатной силы, как независимо всеобъемлющей. Достаточно сослаться еще на от- ношения к преступному Израилю. Если бы последний был покинут всецело и навсегда с окончательною бесповоротностью, – этим могло бы внушаться подозрение о недостаточности христианских ресурсов к преодолению инертности или упорства. Но этого фактически нет, ибо не все надежды потеряны. Никто из званных не вкусит вечери Христовой, при их отказе на благостное приглашение, – и понятно, что она достается покорным голосу Господа (XIV, 16 – 24), – нищим, увечным, слепым, хромым (XIV, 13), когда «придут от востока и запада, и севера и юга и возлягут в царстве Божием» и эти последние заместят собою первых (XIII, 29 – 30). Очевидно, требуется лишь душевное влечение смиренной готовности, а это вполне доступно для благоразумного иудейства. Естественно, что и оно не устраняется окончательно

по натуральной неспособности, или по закоренелой неисправимости. Беда вся в том, что его недостойные адепты не хотят слушать Моисея и пророков и в своем ожесточении доходят до неверия даже воскресшим из мертвых (XVI, 18–31). Авраам, Исаак, Иаков и все пророки войдут в царство Божие, несчастные же потомки будут изгоняемы вон, поскольку хозяин дома не ведает их (XIII, 25 – 28). Впрочем, и это еще не решительная гибель: – следует только подвизаться войти сквозь тесные врата (XIII, 23), чтобы достигнуть обителей небесных. Эти возможности позволяют Евангелисту открыть некоторые просветы в будущем для самоосужденного Израиля. Не без цели, конечно, он упоминает, что при смерти Христовой весь народ (иудейский) был душевно потрясен и возвращался, бия себя в грудь (XXIII, 48), а в течение своего рассказа особенно оттеняет сострадание Господа к детям и дочерям Авраамовым (XIII, 16. XIX, 9), равно скорбь об ослеплении народном, исторгающую жгучие слезы из божественных очей и горячую мольбу из уст о святом городе (XIX, 41 – 42): «о, если бы и ты хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему!» И для иудеев не на веки потерян спасительный путь. «Восток свыше» не освещает их, но лишь ныне (XIX, 42); они погибают, но только по нераскаянности (XIII, 5) , ибо не уразумели времени посещения своего (XIX, 44). Однако настанет великий момент, когда кончатся *καὶ οἱ ἔθνη* (XXI, 24), – и тогда Иерусалим снова возсияет с необычайною яркостью во свете немерцающем и непреходящем – во свете славы Христовой.

Всем этим в христианском универсализме указывается та типическая особенность, что христианская энергия, будучи всевластною, не является жестоко сокрушительной даже там, где подобное наказание юридически было бы, безусловно, справедливыми. Значит, христианство рисуется у Луки всецело благостным, а для этого должны быть достаточные причины, чтобы не оказалось тут просто подозрительное попустительство, раз имеются все средства обуздать и разгромить зло. Недоумение разрешается тем, что в третьем Евангелии человеческая греховность представляется неразрывною от беспомощности. Помимо вопроса о виновности и вменяемости –

бесспорно, что иудейство зашло во мрак безысходности, без дороги и без компаса, а уже выбилось из сил. И если высшие классы законничества оттесняются здесь народными массами, то отсюда лишь неотразимее, что это истощение захватило все слои и проникло до самого корня нации. В результате получалась фактическая неспособность к созиданию собственного избавления. Потому именно и предуготовительная миссия Предтечи была рассчитана на полное внутреннее изменение духовного состояния сынов Израилевых (I, 17), а «Восток свыше» должен был даровать прощение грехов, просвещение сидящим во тьме и сени смертной и путь мира для блуждающих ног (II, 77–79). Понятно само собою, что язычество было тем более слабо и скудно. И римские воины, наряду с прочими, спрашивали Иоанна Крестителя: «а нам что делать?» Капернаумский сотник склоняется к вере Израилевой, снискивая высокое уважение ее исповедников, но и его давит неумолимо-мучительное чувство (VII, 2–10): «несмы достоин».

Такая беспомощная слабость обыкновенно бывает только удобною средой для наилучшего обнаружения торжествующей силы, которая победоносно водворяется на развалинах всеобщего погрома. Если в настоящем случае было совсем противное, – этим категорически свидетельствуется, что вседержавность христианская неотлучна от необъятной милости, во имя которой Евангелист обнаруживает безграничную, даже парадоксальную любовь к грешникам и самую незыблемую уверенность в их прощении и исправлении²⁹⁰. Именно с этой стороны христианство и живописуется у Луки, и о нем еще Данте говорил, что это есть *scriba mansuetudinis Christi*, а поэт Гердер называл его «благовестником филантропии»²⁹¹. Явление Господа было актом благоутробного милосердия Божия (I, 78), и «Сын человеческий пришел не погублять души, а спасать» (IX, 56). Он преисполнен духом всецелой любвеобильности (ср. IX, 51), и в Нем столь часто отмечается внимательность к женской слабости, что иногда труд спутника Павлова называется Евангелием для женщин²⁹². У Христа Иисуса заблудшая овца нимало не забывается ради девяноста девяти оставшихся дома

и найденная дидрахма вызывает великую радость, какой не возбуждают девять, хранящиеся в сокровищнице. Притча о блудном сыне почитается как бы особым «Евангелием в самом Евангелии»²⁹³, или квинтэссенцию последнего, а она нам внушает, как возвращение кающегося грешника встречается с истинным восторгом всепрощения и любви (XV, 3–32). Презренная грешница преимущественно удостоивается снисхождения и спасения (VII, 36–50), уничиженный мытарь возвышается оправданием (XVIII, 10–14), отверженный Закхей взывается необычайной милостью (XIX, 1–10), безнадежно скорбная Наинская вдова слышит всемогуще утешительное «не плачь» (VII, 11–15), исцеленные от злых духов и болезней жены занимают место наряду с Апостолами (VIII, 1–3), Марфа и Мария сподобляются чести принять божественного Наставника в дом свой и учиться единому на потребу (X, 38–42), простая незнакомка за возглас восхищения награждается ублажением (XI, 27–28), – и умирающий Христос за распинателей молится словами безмерной благодати (XXIII, 34): Отче, отпусти им, вдохновляя благоразумного разбойника счастливым упованием (XXIII, 43): днесь со Мною будеши в раи.

Христос есть Господь щедрот и владыка всякой утехи: – таков тон всего Евангельского изображения у третьего синоптика. Посему христианство, универсальное в своем существе, является и столь же благодетным, пользуясь своею неограниченной мощью для наилучшего проявления своего спасительного милосердия. Оно – всесовершенная благодать по источнику и по способу достижения своей цели. Человечество пало окончательно, и его гибель была бы неизбежна, но тогда-то и оправдалось поразительно, что невозможная у человек возможна суть у Бога (XVIII, 27). В эту именно пору надвигающейся катастрофы Христос принимает на себя тяжкое бремя вины Авраамовой и несет в течение всей жизни, чтобы на Галгофе свергнуть его навсегда. Уже Богомладенец возбуждает горестное предчувствие смертельной драмы, которая – подобно острому мечу – поразит душу Матери (II, 35): однако Господь непоколебим в своем подвиге. Под эту ношу подгибаются Его колена, и страстная чаша вызывает болезненное

содрогание во всей святой природе, Он изнемогает в истощении и нуждается в укреплении Ангела, пот – как капли крови – орошает божественное чело (XXII, 41–44) и крест жестоким позором завершает великое служение. Но теперь то и наступает желанное увенчание, ибо власть князя мира сего пала и двери рая открылись для всех, – даже для разбойника (XXIII, 42–43). Своими страданиями Христос вошел в славу свою (XXIII, 26), а все это было для того, чтобы уготовать мир (XXIII, 36) всем народам (XXIII, 46–47).

Спасение достигнуто и составляет собственность совершителя. И дальше проникает его та же благодать, которая господствовала с самого начала всего искупительного процесса. Ради и вместо других приобретенное, – это благо и сообщается специально тем, кто в нем наиболее нуждается. Не требуют здравии врача, но болящие. Не приидох призвати праведных, но грешных в покаяние, – говорит Христос (V, 31 – 32). Пусть люди слабы и немощны, но ведь от них и не требуется особых подвигов. Напротив, необходимо лишь исповедать свою беспомощность и всею полнотою веры в божественную милость прилепиться к Избавителю со смиренным сознанием своего недостойнства и со всецелою преданностью, отрешенною от всяких мирских привязанностей и забот, с горячею мольбой о снисхождении, с сердцем сокрушенным и ищущим возрождения. Эти оттенки проглядывают уже в изображении отношений Господа к XII-ти. Сам Он призывает их к себе (V, 1 сл.) без малейших заслуг и постепенно возводит к высшему совершенству. По своим естественным способностям они часто не могут просто понять сказанного (IX, 45. XVIII, 34), – и в словах Петра иногда звучит темное неведение (IX, 33). Не менее того им не по силам изгнать демона (IX, 40), и только усердная молитва помогает не впасть в искушение (XXII, 40, 46). Посему для них обязательно удаление от всякой лицемерной закваски века сего (XII, 1) с его гордостью и превозношением. Следует оставить все это (V, 11, 28. XVIII, 28), не искать первенства при отсутствии прав даже на последнее место и умалиться до меньшего всех, чтобы сделаться великим (IX, 46 сл. XXII, 24 сл.). При каких условиях лишь одна вера

спасает человека, наделяя всякого действительно энергией исторгать смоковницу и ввергать ее в море (XVII, 6). Пред своими страданиями Христос молился, чтобы не оскудела вера Петрова (XXII, 32), и каждому внушается взывать непрестанно (XVII, 5): приложи веру! В ней вся важность для всех, ибо благодать неизменно спешит навстречу ей, открывая доступ к заветным тайнам царства Божия (VIII, 10) и прямой путь к трапезе Господней (XXII, 28 – 30) с неисчерпаемым избытком все более и более умножающихся даров: «кто имеет, тому дано будет» (VIII, 18). «Отвергнись себя, возьми крест свой и следуй за Мною» (IX, 23): – вот единственно необходимый спасительный способ, а плоды его таковы: «потерявший душу свою ради Меня сбережет ее» (IX, 24). Посему горе богатым, пресыщенным, смеющимся, упивающимся мирскими утехами (VI, 24 – 26) и вечное мучение самодовольному бражнику с его виссонною порфирой и блистательными пиршествами (XVI, 19 сл.). «Что высоко у людей, то мерзость пред Богом» (XVI, 15) и наоборот. Гибельно отягощение сердец заботами житейскими (XXI, 34), и – напротив – нищета, алчба, плач, унижение приносят блаженство (VI, 20 – 23). Сокрушение о духовной скудости вызывает мольбу, которая – при искренности и энергичности – никогда не останется без вознаграждения (XI, 5–15). Все в вере и от веры. Если таковой нет, – зерно погибает, при ее слабости и второстепенном значении- злак скоро засыхает и подавляется, но совершенно ее дает сторичный плод (VIII, 5 – 15). Неверующие не спасутся (VIII, 12), зато каждому обладателю ее Христос неизменно и властно говорит (VII, 50. VIII, 48. XVII, 19. XVIII, 42): вера твоя спасе т я,

Мы видим теперь, что у Луки в процессе спасения всецело господствует благодатная вера, как и термин, *πίστις* встречается у него 11 – 15 раз, чаще других Евангелистов (у Мф. 8, у Мрк. 5, у Ин. нет). В согласии с нею даются и практические наставления. При немощности и недостаточности необходимо испрашивать верховную помощь по снисхождению к нуждающейся слабости. Поэтому у третьего синоптика особенно внушается неотложность взывающей и уповающей молитвы как прямыми заповедями (XI, 5 сл., 9 сл. XVIII, 1 – 8, 11 – 13. XXI, 36. XXII, 32,

40), так и примером самого Христа, о молениях которого Лука сообщает семь новых случаев по сравнению с другими известиями (III, 21. V, 16. VI, 12. IX, 18, 29. XI, 1. XXIII, (34), 46). Для успешности -эти воззвания непременно должны связываться с покаянной настроенностью, которая потребна в качестве почвы для приложения милости Божией чрез отпущение грехов и для благодатного освящения бренной природы человеческой от Св. Духа. Соответственно преобладанию этих понятий – и в вокабуляре Луки мы находим больше примеров употребления слов такого содержания: 5 (Лк. III, 3, 8. V, 32. XV, 7. XXIV, 47) 6 (Деян. V, 31. XI, 18. XIII, 24. XIX, 4. XX, 21. XXVI, 20 μετάνοια (у Мф. 2: III, 8, 11, у Мрк. 1: I, 4, у Ин. нет); 6 (Лк. I, 50, 54, 58, 72, 78–X, 37) ἔλεος (еще только у Мф. 3: IX, 13. XII, 15. XXII, 23, а у Мрк., Ин. и в Деян. не имеется); 3 (Лк. 1, 77. III, 3. XXIV, 47) 5 (Деян. II, 38. V, 31. X, 43. XIII, 38. XXVI, 18) ἁψεσις ἀμαρτιῶν (у Мф. 1: XXI, 28, у Мрк. 2: I, 4. III, 29, у Ин. не находится; Πνεῦμα ἁγίον 12 (13) 41 (у Мф. 5, у Мрк. и Ин. по 4 ре). При этом немислимо и рассчитывать на вознаграждения, когда все зависит от верховного сострадания по благодати (χάρις у Лк. 8 17, у Ин. 3, у Мф. и Мрк. не встречается). Естественно, что Матфеевы выражения: «аще любите любящих вас, кую мзду (τίνα μισθόν) имате?» (V, 46), «будите убо вы совершени (τέλειοι), якоже Отец ваш небесный совершен (τέλειος) есть» (V, 43) изменяются у Луки, получая такую фразировку: «и аще любите любящия вы, какая вам благодать (ποία... χάρις) есть?» (VI, 32), «будите убо милосерди (οἰκτίρμονες), якоже и Отец ваш милосерд (οἰκτίρμων) есть» (VI, 36). Тут все условливается благодатью Господней, – и чем она незаслуженнее и неожиданнее, тем глубже ответная благодарность, тем громче и искреннее ее проявления, Неудивительно, что третье Евангелие полно хвалы и благодарения Всевышнему в трогательных гимнах Ангелов (II, 14), Приснодевы (1, 46–55), Захарии (I, 68 – 79), Симеона (II, 29 – 32). Здесь всюду раздается слава (δοξάζειν τὸν θεόν: 11, 20. V, 25, 26. VII, 16. XIII, 13. XVII, 15. XVIII, 43; ср. Мф. IX, 8. Мрк. 11, 12) славословий (αἰνεῖν τὸν θεόν: II, 13, 20. XIX, 37. XXIV, 53 (?). Деян. II, 47. III, 8, 9; αἶνον δίδόναι Лк. XVIII, 43) и неумолчных

благословений (εὐλογεῖν τὸν θεόν: I, 64. II, 28. XXIV, 53 (?) и еще лишь Иак. III, 9) Богу благодющему. У Луки все сияет радостью: (χαίρειν: у Л к. 12 7, у Мф. 7, у Мрк. 1, у Ин. 9; χαρά: у Лк. 8 4, у Мф. 6, у Мрк. 1, у Ин. 9), – и повествование, открывающееся молитвой по обязательному чину, заканчивается упоминанием о всегдашнем пребывании в храме благодарно славословящих учеников (XXIV, 53 καὶ ἦσαν διαπαντός ἐν τῷ ἱερῷ αἰνοῦντες καὶ εὐλογοῦντες τὸν θεόν).

Эти детали оживляют общую картину и наглядно оттеняют, что для Луки христианство есть по преимуществу благодать Божия. В ней именно универсализм и находит свое точное осуществление чрез божественного подателя во Христе Иисусе, как вечном и неисчерпаемом источнике. Если ни у кого нет прав на блаженство, то никому оно и не принадлежит исключительно, а если дарование зависит только от милости, то, очевидно, его и удостаиваются все нуждающиеся, ибо Сын человеческий пришел взыскать и спасти погибшего (XIX, 10 и ср. VI, 9, IX, 56). Поэтому, занимаясь в Палестине (1, 34, 54 сл., 68 сл. II, 10, 31, 32), заря христианства постепенно захватывает Самарию (X, 33 сл. XVII, 1 сл. и ср. IX, 55 сл.) и распространяется на весь мир, поскольку в нем свет для всех, сидящих во тьме и тени смертной (1, 79). Апостолы обязаны начать с Иерусалима (XXIV, 47); однако искупление совершено по благоутробному милосердию Всевышнего (I, 78), в силу чего покаянию и прощению грехов надлежало быть проповедану во всех народах (XXIV, 47).

Но, реализуясь при помощи благодати Божией, универсализм сообщает ей энергию для плодотворного функционирования. Нетребовательность по отношению к просителю обычнее и чаще всего связывается с неспособностью дающего удержать свое достояние, которое и у него не прочно и похитителю всего менее полезно. Для всесовершенной действенности необходимо, чтобы это была милость независимого обладателя и самодержавного распорядителя: – тогда все акты будут обеспечены в своей высшей разумности его безусловной автономностью. Эссенциальный универсализм и сообщает это существенное основание, удостоверяя, что

христианство чуждо всяких внешних ограничений, поскольку по природе своей всевластно, Значит, это достоинство, как натуральное по самому бытию данного явления, коренится в его производителе и необходимо предполагает абсолютного устроителя спасения, почему он и может награждать людей со щедростью полноправного отца и с авторитетом неоспоримого владыки, а для всего мира и для всех веков этим требуется в нем наиполнейшая божественность. И она здесь вполне несомненна фактически. Христос рождается, но от Девы и по наитию Св. Духа в качестве сына Всевышнего, у которого даже земная генеалогия возводится к Богу (III, 38). Тогда оказывается божественная гуманитарность, близкая и родственная человечеству, но независимая всецело, всегда и во всем, бесспорная и действенная даже при внешнем уничтожении. Решительным «да» отвечает обвиняемый Христос на вопрос ижемона: $\sigma\acute{\upsilon}\ \omicron\upsilon\nu\ \epsilon\acute{\iota}\ \acute{\omicron}\ \upsilon\acute{\iota}\delta\varsigma\ \tau\omicron\upsilon\ \theta\epsilon\acute{\omicron}\upsilon$? – с присовокуплением, что «отныне Он возсядет одесную силы Божией» (XXII, 70, 69), которой облакает и своих учеников (XXIV, 49) для продолжения Его дела в том же направлении. Воскресший есть для всех Господь и с высоты своего престола властно рассыпает щедроты по всей поднебесной. Согласно этому принципиальному воззрению Лука особенно часто употребляет наименование $\acute{\omicron}\ \text{K}\acute{\upsilon}\rho\iota\omicron\varsigma$ в приложении к Искупителю (VII, 13. X, 1. XI, 39. XII, 42. XIII, 15. XVII, 5 сл. XIX, 8. XXII, 31. XXIV, 34), приближаясь тут к Иоанну Богослову; независимому, но во многом предполагающему его²⁹⁴, а терминологически отражая Павлинистическую концепцию²⁹⁵. Однако эта господственность – не отвлеченно-подавляющая, а гуманитарно-приближенная и потому приобщающая все человеческое и органически объединяющая в себе всех его членов на началах равного благодатствования всякой верующей души. У Луки Христос есть абсолютный примиритель, а христианство – божественная благодать безмерной милости Божией, всех избавляющей и оживляющей для радости и блаженства не по холодному деспотизму, а по внутренней конгениальности. И мы видим что термин $\upsilon\acute{\iota}\delta\varsigma\ \theta\epsilon\acute{\omicron}\upsilon$ значительно превышает в третьем Евангелии (8 26) сочетанием $\upsilon\acute{\iota}\delta\varsigma\ \tau\omicron\upsilon\ \acute{\alpha}\nu\theta\rho\acute{\omega}\pi\omicron\upsilon$, ибо, будучи и всегда

пребывая Богом, Сын Вышнего сделался человеком по любви к людям и ради их спасения. В таком качестве Он всем близок, и Его учительное обращение для всех обязательно и вразумительно. Посему лишь у Луки и нигде более Христос шесть раз (V, 5.VII,24, 45. IX, 33, 49. XVII, 13) именуется ἐπίτοῦτ' αὐτοῦ, или общий наставник неоспоримо божественного авторитета и не менее несомненной гуманитарности. Слово Его и властно (IV, 32, 36) и непреложно (XXI, 33), так что внимательность к нему награждает слушающих теснейшим родством с Учителем (VIII, 21) и дает единое на потребу (X, 39, 41). Он – Κύριος, господин, всем владеющий и всем распоряжающийся неограниченно, но Его сила направляется не к победе принуждения, поскольку это – Спаситель (σωτήρ 1. 47. 11, 11 и ср. Ин. IV, 42; σωτηρία I, 69, 71, 77. XIX, 9 и ср. Ин. IV, 22; τό σωτήριον II, 30. III, 6 – у других синоптиков не встречаются) по снисхождению, человеколюбию и благодати Божией (χαριτόω I, 28; χάρις 8 раз и еще у Ин. I, 14, 16, 17). Отсюда и миссия Христова заключалась в том, чтобы εὐαγγελίζεσθαι (у Л к. до 10 раз и еще лишь у Мф. XI, 5 по связи с Иса. LXI, 1)-возвещать всем радость великую, которая громко звучит по всему третьему Евангелию, как отголосок любви, дающей всем жизнь, свет и веселие.

С утверждением успешного применения спасительных начал Христовых – задача Евангельского изображения оказывается достаточно законченной, а у нас получается то общее заключение, что у Луки христианство есть благодать и оно всегда и для всех благодатно. Но благодать, будучи истинной, обязательно требует соответственного обнаружения и без него обычно бывает лишь пустым звуком. Ясно, что для обоснования такой идеи необходимы исторические факты, которые удостоверяли бы ее по природе и влиянию. С другой стороны, Лука отправляется от «известованности», где реальное завершение событий является и конкретным раскрытием и наглядным оправданием господствующего принципа.

Отсюда естественно и понятно, что

План третьего Евангелия

чисто исторический. В первой части (I, 5-IV, 13) Лука передает предуготовительные сведения о спасении всех в Сыне Вышнего, предваряемом чрез вестника Господня, который всех призывает к покаянию, равно и Богомладенец – при верности закону – есть свет и слава для всех народов. Во втором отделе (IV, 14-IX, 50) и описывается, как в этом направлении Христос развивал Свою миссию и в слове (IV, 14-30) и в деле (IV, 31 – VI, 11), учреждая – в лице избранных Апостолов – вселенское царство всепрощения, мира и любви (VI, 12-IX, 50). В третьем цикле (IX, 51-XIX, 27)

– по поводу путешествий Господа в Иерусалим на праздники (IX, 51. XI, 54. XII, 1 -XIII, 9. XVII, 11. XIX, 28), пребывания в Перее (XIII, 10-XVII, 10) и отправления в столицу на страдания (XVII, 11-XVIII, 30)-излагаются в ряде наставлений, притчей и изречений истинные основы церкви Христовой и ее характер, условия и качества, потребные для всех членов. В четвертой, заключительной части (XIX, 28-XXIV, 52) излагается самое дело искупления – всеми желаемое, для всех совершенное и всем даруемое.

Вполне подходит к этому историко – прагматическому плану третьего Евангелия и

Общий характер повествовательной изобразительности,

типически-индивидуально отличающий весь священный труд. Из него следует, что все спасительное служение Господа во всем объеме и всеми своими подробностями показывало в Нем универсального и вседовлеющего Спасителя мира. Подметив эту господствующую черту, Лука уже не нуждался в особенном освещении действительности, поскольку сама она давала все, к чему стремился историограф в своих вещательных целях и что наиболее потребно было для предположенных читателей. Ему оставалось только воспроизвести подлинный ход событий, чтобы достигнуть задуманного результата. И научное наблюдение удостоверяет, что третий Евангелист больше даже четвертого обладал несомненным даром хорошего исторического рассказчика²⁹⁶ и был отличным стилистом²⁹⁷. При этом он все живописует с такою пластичностью, что его писание, как самое литературное среди всех Евангелий²⁹⁸, считается наиболее прекрасною книгою в мире (Е. Renan), и автору издавна усвоится достоинство художника²⁹⁹. Понятно, что такая картина невольно захватывала слушателя, которого приковывает к себе рельефною наглядностью, увлекает глубиною всюду пробивающихся чувств³⁰⁰, трогает истинно гуманитарною человечностью³⁰¹.

Но по самому существу задачи пластическая изобразительность при обрисовке событий обязательно должна сочетаться с фактической обстоятельностью и историческою корректностью. И мы видим, что Лука наблюдает точность в употреблении «светской терминологии»³⁰² и по-Ксенофоновски подробен в фактических сообщениях³⁰³, хотя все это нужно понимать в духе греческой историографии, которая отличалась небрежною вольностью передачи и не стремилась к строгой фактической скрупулезности³⁰⁴. Однако исторический объективизм вовсе не является у Луки последнею целью литературного воспроизведения, и хронологическое καθεξής³⁰⁵

разумеется по-аттически – в смысле Фукидидовского прагматизма³⁰⁶. Эти качества внешней обстоятельности занимают в третьем Евангелии служебно-соподчиненное значение, нимало не лишаясь своего достоинства. История есть всегда самый лучший и нелицемерный учитель, а по отношению ко Христу она и совершеннейший руководитель ко спасению, которое создалось Его историческою жизнью. Поэтому чем фактичнее, полнее и детальнее она будет изложена, тем яснее и внушительнее зазвучит ее голос, тем победоноснее будет самое действие. Здесь тот пункт, где научная солидность сходитсся с телеологическими стремлениями благовестнического влияния, и они взаимно покрывают свой предмет. Отсюда будучи «словом» назидательным, третье Евангелие вместе с тем и по тому самому является также и писанием научно историческим³⁰⁷. В «прологе» Лука ясно выражает объективно-научные воззрения касательно своего литературного предприятия и при его осуществлении строго держится научных приемов объективности, возможно тщательной верности по вопросам о месте, времени и т. п. Самый слог его – слог историка, достаточно правильный и ровный, иногда возвышающийся до аттической элегантности и чистоты греческих классиков, но не редко приближающийся к хронологической отрывочности летописца, кратко отмечающего ряд событий (IX, 51-XVIII, 31), при добросовестном использовании документальных оригиналов (гл. I – II), хотя бы и с немалым насилием над своим изящным пером.

Всем этим достигается отчетливая повествовательная изобразительность, а чрез нее обеспечиваются и внутренние намерения увещания, коренящегося в «известованных вещах», ибо своею живостью они захватывают каждого и переносят его в сферу благодатной спасительности. Чрез труд Луки дело Христово получает все гарантии соответственного применения по своему значению в качестве универсального благодатного фактора. Но самая благодать бывает истинно зиждительною силой лишь при том неременном условии, если она проистекает из источника эссенциально божественного. В этом направлении Лука явно наклоняется к чисто Иоанновскому

пониманию личности Господа Спасителя, приближаясь к Евангелисту-Богослову не по одним фактическим подробностями, а идейно³⁰⁸. Следовательно, искупление Христово оказывается вполне божественным по своему основанию и утверждение, почему должно быть именно таковым по распространению и возобладанию, ведущим к окончательному торжеству. Но если первое оправдывалось историческим повествованием, то и второе требует не менее исторического ограждения в фактическом описании благодатной действенности Христовой в мире. Так третье Евангелие естественно сопровождается и увенчивается книгою Деяний апостольских.

Книга Деяний св. апостолов

Книга Деяний св. Апостолов имеет

Положение и Значение в новозаветном каноне

соответственно объективным историческим требованиям. Она открывается таким вступлением: «первое убо слово сотворих о всех, о Феофиле, яже начат Иисус творити же и учити, даже до дне, в он же заповедав Апостолом Духом Святым, их же избра, вознесся» (Деян. I, 1–2). Этим категорическим предупреждением «второе» писание св. Луки приводится в прямую связь с «первым», как непосредственное приложение к нему. Отсюда точно и безошибочно определяются его место и достоинство. Раннейшее повествование было посвящено подробному и всестороннему изображению дел и учения Христа Спасителя до завершения искупительной миссии в вознесении. Тут подвиг Господа был вполне законченным, достигшим своего всецелого обнаружения и безусловного исторического раскрытия. Созидание уже оказывалось фактом прошлого, не требующим и не допускающим какого либо фактического или историографического добавления, но наряду с этим не менее справедливо и необходимо, что если спасительное благовестничество Исккупителя имело божественную силу и соответствующую действительность, – а это неоспоримо, – то у него непременно должно быть равное будущее в смысле продолжения, развития и утверждения. Доброе дерево не могло не принести плод – и, разумеется, – по роду своему. В таком случае для дальнейшего процесса обязательно по самому существу, что он идет в духе служения Христова, для чего нужны лица, которые бы усвоили его и были авторитетно уполномочены на эту миссию.

Таков неизбежный вывод, удостоверяющий, что «второе слово» к Феофилу занимается именно этой стадией христианского действия в истории и дает нам подлинную картину того, как закреплялось в мире основанное Господом избавление, получая свойственную ему реализацию на земле. Посему в книге Деяний мы находим историю возрастания уже созданного царства Божия в его нормальном и предначертанном течении, хотя бы и сверхъестественными

средствами, достойными энергии и благодати Христовой. В этом своем качестве рассматриваемый труд является драгоценным звеном в цепи священных новозаветных памятников, поскольку захватывает важнейшую сторону подвига Христова. Последний не был бы совершенным и всецелым, если бы он замыкался в личности самого Искупителя и не обнаруживал всей своей возрождающей и обновляющей мощи среди людей, на которых он и был рассчитан специально. Иначе получилось бы с несомненностью, что Христос туне умре (Гал. II, 21). Подобно сему и письменное возвешение должно было представить фактическое применение основоположительных начал христианского возрождения. Все это мы полностью и находим в книге Деяний. Тут она прямо и органически примыкает к Евангелию и неразрывна от него, как и фактически эти моменты следовали один за другим. Естественно, что *священный писатель* называет свое новое творение „вторым словом», которое чрез это приобретает в новозаветном каноне место соответственно реальному ходу вещей, показывая нам распространение и возобладание во вселенной таинства искупления людей благодатью Христовой.

Эту идею должно прежде всего выражать

Наименование книги «Деяний Апостолов» адекватно ее содержанию

Спасительная жертва была принесена Сыном Божиим. Он есть единый устроитель благодатного примирения, а по тому самому и единственный собственник всех даров христианского наследования. Понятно теперь, что другие могли приобретать только от Него и через Него. По этой причине и сообщение благ Христовых предполагает лиц, уполномоченных Господом и наделенных специальными средствами. Таковыми были только ученики Христовы, которые – по предречению – восприяли обетование Духа, продолжающего искупительную миссию Сына на земле. Лишь *Apostolorum erat proprium praedicare* (Hilari in Matth. X, 9 ad vers. 30: M. lat. IX, 965). Значит, поступательное движение благовестия Христова непременно должно быть апостольским, как это необходимо в деле Божиим.

Здесь и вполне законное основание для названия данной священной книги *Πράξεις τῶν Ἀποστόλων*. Неизвестно с точностью, когда именно оно появилось. Иоанн Златоуст как будто допускает его изначальность, говоря (in princ. *Act. I, 3*: M. gr. LI, 72): «Павел, имевший благодать Духа, не пропустил надписи на (Афинских) алтарях, а ты проходишь без внимания заглавия Писаний. Он не пропустил того, что начертали Афиняне – идолослужители, ты же не считаешь необходимым и то, что написал Дух Святый». Однако в цитованном пассаже мысль выражена слишком догматически – в применении к ходившему тогда тексту, а не в виде исторического известия, отголосков которого нигде не встречается у св. отца в других местах. Но, во всяком случае верно, что это есть древнее обозначение, вызвавшее очень ранние апокрифические подражания (напр. «Деяния Павла и Феклы» II в. и, может быть, от конца I-го) и иногда с буквальностью транскрибировавшееся в старинных переводах (сирийском, *boḥaïrica*, армянском-эргенианском) и даже у латинских комментаторов (in libro *Praxeos vel Praxeon* у Илария in Matth. XIV, 20: M. lat. IX, 1000).

Принимая этот факт, многие находят указанный титул не соответствующим содержанию, поскольку в самой книге рассказывается только об Апостолах Петре и Павле, из которых второй не принадлежал к лику XII-ти, хотя и занимает Дееписателя преимущественно; о прочих упоминается кратко и о большинстве их сохраняется голое имя. Это недоумение достаточно серьезно, ибо – при его неразрешимости – мы должны будем согласиться, что или сам Лука не сумел справиться со своею задачей, дав вместо целого нечто фрагментарное, искаженно освещающее события, или Церковь неправильно поняла апостольское произведение, сообщив ему несвойственный смысл. Для устранения этих принципиальных затруднений обыкновенно ссылаются (Rud. Comely; И. П. Николин, Деяния святых Апостолов, Сергиев Посад 1895, стр. 172– 173), что в авторитетных кодексах читается не αἱ πράξεις τῶν ἀποστόλων, а лишь πράξεις ἀποστόλων: так В (в подписи), D и др., св. Афанасий (epist. fest. 39: M. gr. XXVI, 1177, 1437), Иоанн Златоуст (in princ. Act. I, 3: M. gr. LI, 71), Евфалий. Это название будет уже обозначать просто «Деяния апостольские» – без нумерического определения описываемых лиц, а апостольское достоинство окажется общим, нарицательным для всех «посланников» Евангелия, не ограниченным по приложению только к избранному сонму приближенных учеников Господних.

В этом толковании есть доля вероятности, но едва ли ее предполагали и ничуть не выражают прямо вышеприведенные вариации в греческих текстах. А затем подобное понимание совсем не исчерпывает всей глубины предмета и потому не отвечает предъявленному им требованию. Мы знаем, что «Деяния» изображают распространение царства Христова в мире чрез авторитетных по своему званию и уполномоченных служителей Господних, а таковыми были и оставались только и единственно XII-ть «предних». Св. Лука противоречил бы сам себе и набросил бы догматическое сомнение на весь этот величественный процесс, если бы – вопреки существу задачи

– сосредоточился особенно лишь на второстепенных его двигателях, между тем принципиально изыскивалось, чтобы тут

выступали не просто достойные продолжатели, а неоспоримые заместители Христовы. Посему историограф непременно должен был разумеать Апостолов в собственном и строжайшем смысле, дабы оградить ход развития христианской Церкви неотразимыми удостоверениями, что распространение и утверждение благовестия Христова совершались по его нормам, в его духе и силе. Заглавие книг и должно констатировать со всею категоричностью, что это – истинно «Деяния самих Апостолов», приближенных ко Христу и лично Им посланных на вселенскую проповедь. Сколько из них живописуются и какие подвиги рисуются? – тут совсем иной вопрос. Важность не в количестве, а исключительно в самом принципе, что дело Христово строилось руками верных рабов Христовых. Именно такая идея господственно занимала мысль писателя, почему он пунктуально сообщает о восполнении лика XII-ти и в кандидаты на место отпавшего Иуды допускает только «одного из тех, кто находились при них во все время, когда пребывал и обращался с ними Господь Иисус, начиная от крещения Иоаннова до того дня, в который Он вознесся от них, был вместе с ними свидетелем воскресения Его» (Деян, I, 21–22). По этой причине и самое избрание совершилось изволением Духа по жребию. Но раз тут все сводится к наглядному оправданию принципиального тезиса, то в его конкретном фактическом раскрытии состояла и вся историографическая задача. Для нее нимало не требовалось, чтобы *зарегистрированы были* все деяния всех, как этого не нужно было и для Евангелий, по заявлению св. Иоанна Богослова (XXI. 25; XX, 30). Необходимым оказывалось единственно то, чтобы апостольская история была изображена соответственно внутренней ее цели, а последняя сводилась к Евангельскому возвещению в Иерусалиме, во всей Иудее и Самарии и даже до края вселенной (Деян. I, 8). поскольку в начале особенно выделяется Апостол Петр, – отсюда вполне естественно, что ему и посвящено здесь наибольшее внимание, при чем молчание о других достаточно убеждает, что они тоже подвизались в одинаковом духе, хотя бы менее заметно и не столь ответственно; рассказ о них не прибавлял бы ничего

существенного, загромождая книгу разнородным фактическим материалом и этим даже затемняя несколько доминирующую идею. Во второй и большей части Деяний всюду рисуется пред нами св. Павел, не принадлежавший к сонму XII-ти. Устроением Божиим ему суждено было достигнуть до «последних земли», – и в этом вполне законная причина, что дальше мы читаем у Луки только почти о Павловом благовестничестве. При всем том деятельность Апостола исходит от «предних», регулируется ими и утверждается на согласии с их авторитетом, как и сам Павел лишь единением и тожеством с ними ограждает свое полноправное достоинство. Будучи «сосудом избранным» (Деян. IX, 15) «ни от человек, ни человеком, но Иисус Христом и Богом Отцем» (Гал. I, 1), он все-таки исполнял всю свою великую миссию во всецелой солидарности со столпами Церкви, от них получил санкцию «свободного» служения у язычников и им же доставлял отчеты, подчиняясь общецерковной дисциплине в интересах христианского блага. Значит, и тут мы имеем деяния собственно апостольские, ибо они идут от апостольского источника и совершаются мужем, несомненно, апостольским, хотя он и не был «самовидцем» Господа в течение Его земной жизни.

При таком понимании, обоснованном принципиально и фактически, наименование книги будет точно совпадающим с ее содержанием и снова показывает нам, что в ней автентично воспроизводятся труды полномочных преемников подвига Христова в смысле непосредственного применения спасительного искупления при созидании царства Божия в мире. В подвигах посланников мы должны находить и видеть осуществление заветов Пославшего, поскольку они бесспорные Апостолы Христовы. Посему и «второе слово» Луки – изображением апостольской проповеди в лице ее главнейших носителей – представляет нам дальнейшую стадию в историческом раскрытии благодатного избавления Христова. Этим определяются

Цель и характер апостольской историографии

Если вышесказанное несомненно теперь с разных сторон, то и самая задача являлась исчерпанною, когда дело Христово получало совершенное развитие и обеспеченную прочность. По существу предмета, тут нужно было всецелое фактическое закрепление заветов Господних, их неискоренимое внедрение в строй мировой жизни. Раз это достигнуто, – тогда нормальный процесс христианского процветания оказывается обеспеченным по своей непрерывности и возрождающему влиянию на умы и сердца людей. Раскрыть это движение от силы в силу – такова только и была главнейшая цель Дееписателя. Он берется за труд лишь потому, что тут вопрос идет о спасительном оживотворении вселенной благодатью Христовой, которая по самой своей природе не могла оставаться замкнутою в себе и обязательно должна была обнаруживать свое божественное действие. Естественно, что фактическое напоминание об этом являлось всего менее холодным и бездушным фотографированием, но направлялось к тому, чтобы посредственно воспитывать читателей в благотворном смысле. История евангельской проповеди сама переходит в проповедь и призывает к подножию креста. И св. Лука ясно выражает это внутреннее намерение, когда книгу Деяний называет «вторым словом» и приравнивает к «первому», где точным и беспристрастным воспроизведением событий он желал достигнуть, чтобы «Феофил узнал твердое основание того учения, в котором был наставлен» (Лк. I, 4). Здесь историческое изображение приобретает глубоко назидательный характер, а частное посвящение гарантирует распространение чрез верные руки надежного и авторитетного сановного магната. Разумеется, и для сего не требовалось хронографической пунктуальности, поскольку убеждения утверждаются не на количестве фактов, а на их принципиальном достоинстве. Тоже вполне Бесспорно и для апостольской историографии – лишь с перенесением персональных применений на всю читающую массу. В этом пункте увещательно-миссионерские стремления Луки

органически сходятся с его объективно-историческими планами. Последние для нас совершенно очевидны и бесспорны. «Деяния» прямо считаются вторым творением по сравнению с Евангелием и по тому самому должны продолжать его, давая нам картину распространяющаяся искупления Христова. А оно было рассчитано на спасение всего мира, почему и повествование не имеет нужды распространяться дальше момента утверждения христианства в господствующем центре тогдашней «вселенной». Но, будучи исключительно делом Божиим, это избавление -соответственно своему началу- может созидаться только по божественному полномочию чрез богоизбранных совершителей. Понятно, что эта история является всецело апостольскою, поскольку именно Апостолы были преемниками даров и служения Господа, исполняя свою благовестническую миссию осуществлением заветов Христовых. Как фактически строилось на земле царство Божие средствами божественными чрез богопосланных вестников? – на этот вопрос и отвечает нам обстоятельно Деяния своим историческим рассказом, в чем неотразимо убеждает

Содержание книги Деяний

Она имеет свое оправдание в том, что воскресением Господа еще не закончилось спасительное промышление Божие о человеке, – и на трепетное ожидание, «не в сие ли лето восстанавливает Он царство Израилево», слышится от Него решительное отклонение подобных нетерпеливых надежд: несть ваше разумети времена и лета, яже Отец положи во своей власти (Деян. I, 6–7). Это скрыто в неведомых глубинах премудрости Божией; ученикам же предлежало пока продолжать дело Учителя, – конечно, в Его духе и силе. Поэтому-то в начале мы и видим их неотступно пребывающими при Господе и до самого момента вознесения поучающимися касательно судеб царства Божия, которое они должны были распространять и утверждать в мире. Для сего Апостолы были ранее призваны самим Иисусом Христом и ныне получили в этом смысле прямые повеления от Него, но с решительным условием – ждать в Иерусалиме «обетования Отчего» для открытия своей благовестнической миссии (I, 2–11). В этом сознании своего предназначения они со смиренной молитвой приготавливаются к столь великому подвигу и, не предвосхищая своевольно намерений Божиих, по слову Апостола Петра, заботятся лишь о восполнении своего сонма избранием – вместо Иуды-достоинейшего заместителя, какой будет указан свыше. Это был Матфей (I, 12 – 26), удовлетворявший всем предъявленным «знамениям Апостоловым» (2Кор. XII, 12). Но и теперь они не активны, потому что еще не восприяли обетованного Духа. Только в день Пятидесятницы в обильном Его излиянии им сообщены были все потребные средства, – и отселе открывается их благовестническое служение чудодейственно – успешной проповедью св. Петра, а внутреннее созидание формирующейся Церкви обнаруживается всецелым единением ее членов во всем (II-я гл.). Внешнее расширение ничуть не идет за счет внутреннего укрепления и органического развития, – и христианская жизнь – покоряющим благоуханием чистоты, святости и любви – фактически

способствует благовестническому слову. Неудивительно, если затем и сила Божия совершается в немощи человеческой при исцелении хромого в храме; не менее понятно, что Апостолы стараются привлечь к ней соплеменников, рекомендуя им путь покаяния за свое отречение от Праведного и за богоубийство, для чего они должны возвратиться к великим обетованиям пророческого прошлого, исполнившимся на воскресшем Христе (III-я гл.). Но благая воля Божия требует доброй воли человеческой и вызывает инстинктивную оппозицию злой. Синедрион налагает запрет на уста Апостолов, а они с сугубым дерзновением взывают к Богу и преуспевают великою благодатью (IV40;-я гл.). Не задерживает этого роста и единичное уклонение Анании и Сапфиры, поскольку немедленно пресекается судом апостольским, который свидетельствовал, что идеал Христов сохранялся в неприкосновенности и теоретически и практически. Благодатный прогресс идет быстрыми шагами и преодолевает все преграды уз и бичеваний (V я гл.). Отныне дело Божие становится и человеческим, приобретая прочную организацию в институте «семи», которые и сами принимают плодотворное участие в Евангельской проповеди (VI-я гл.). Так из немногих членов постепенно составляется христианская община с определенным устройством, гарантирующим ее земное процветание и неослабное возрастание. По своему божественному существу она является грозною и опасною величиной для всего наличного, глубоко фальшивого уклада, потому что желает уже не просто уживаться с ним, а стремится вытеснить устаревшее разложение, заместить и поглотить его. Ревность Стефана, громко выразившего эти намерения, открывает глаза начальникам иудейским, и лютою смертью платят они за свою неминуемую беду, ничуть не отвращая ее (VII-я гл.). Основание положено твердое, и разрушить его невозможно. Посему и злобное противодействие фактически сопровождается экстенсивным распространением благовестия по Иудее и Самарии. Для христианства начинается новая эра обширнейшего служения по Евангельскому рвению Апостолов и

«диакона» Филиппа, приобщающего к избранному стаду вельможного евнуха из далекой Эфиопии (VIII-я гл.).

Все предугажывало, что скоро благовестие должно открыться пред лицом всего света, не стесняемое национальными и географическими рамками. И в это время Господь предуготовляет Себе достойный сосуд благодати обращением к своему имени «гонителя» Савла (IX, 1–30) и обеспечивает простор для его вселенской миссии предварением ее в провозглашении Евангелия в Палестине (IX, 31 – 43) и – особенно – чрез призвание Корнилия (X-я гл.). Крещение язычника – помимо врат прозелитизма было тогда необычайным фактом, возбуждившим большие недоумения даже во св. Петре, но тут была такая принудительность божественного повеления, что всем пришлось согласиться: убо и языком Бог покаяние даде в живот (XI, 1–18). Так открывалось место для создания чисто языческой Церкви, которая и действительно возникает скоро в Антиохии Сирийской и – трудами Варнавы и Савла – достигает такого влияния и настолько цветущего состояния, что входит в общение с Иерусалимскою и помогает ей в материальных затруднениях (XI, 19–33). Между тем и там, несмотря на тираническое преследование светской власти, слово Божие росло и множилось, (XII-я гл.), – и это служило явным знамением его всепобеждающей благодатной мощи. Понятно, что теперь и нужно было предоставить ему всецелый простор, почему, согласно божественному внушению, в Антиохии составляется план обширного миссионерского путешествия, официально возложенного на Варнаву и Савла. Они, «быв посланы Духом Святым», проходят Кипр, Памфилию и Ликадонию и – с радостным чувством благословенного успеха – возвращаются обратно (XIII – XIV-я гл.).

Опыт этой миссионерской практики был поразительный. Благовестники неизменно держались принципа, что спасение предлежит первее всего Израилю, а потому всегда и преимущественно апеллировали к иудеям и старались действовать через синагогу. Но при этом со всею неотразимостью выяснилось, что «огрубело сердце людей сих и ушами они тяжко слышат». Евангельская проповедь чаще

вызывала в них раздражение и злобу, язычники же принимали ее с пламенной готовностью и всюду обнаруживали плоды веры. Не предрешая судьбы народа Божия, можно было с несомненностью утверждать, что – пока и в массе – эллинская почва и больше нуждалась и лучше приспособлена для Евангелия. Это был величайший факт христианской истории. Его исключительная важность несомненна уже по самому принципиальному смыслу. Оказывалось, что иудейские привилегии нимало не способствуют скорейшему усвоению христианского искупления, а языческое «безбожие» не мешает глубине и стремительности в восприятии этих благ. Отсюда вытекало с неизбежностью, что нет необходимости налагать на эллинов иго иудейского законничества и польза евангелизации скорее требует обратного метода. Приближался радикальный и решительный кризис, – и христианская мысль, естественно, останавливалась перед ним в раздумье. Сомнения немощных и возражения упорных были лишь внешним поводом к авторитетному и окончательному рассмотрению этого вопроса, который и был подвергнут обсуждению на Апостольском соборе (XV, 1–34). Результат был благоприятный для язычников, ибо Апостолам угодно было не возлагать на них стеснительного законнического бремени.

Здесь заключалось прямое благословение языческой миссии, которая и раскрывается теперь во всей своей силе. Но еще ранее на этом поприще особенно выдвигается св. Павел, и успешность его благоплодного делания была ярким знамением божественного избрания данного лица на этот Евангельский подвиг со всеми правами апостольства Христова. Естественно, что дальше именно на нем и сосредоточивается все внимание Деяписателя, поскольку «свидетельство» Палестинское считается законченным и обеспеченным в той мере, насколько это предопределено Господом. Однако допущение в Церковь язычника не равняется еще изгнанию иудея и всего менее позволяет забывать о последнем в миссионерской работе. Поэтому и св. Павел сначала направляется в прежние области и старается не выступать за пределы Малой Азии и вообще держаться Эгейского побережья³⁰⁹. Его заветным пунктом была

Асия с знаменитым Ефессом. Но Дух не допускает благовестника даже в Вифанию и приводит в Троаду к берегам желанного моря, за которым находится центр эллинского блеска и языческого мрака. Оставалось сделать еще один шаг, – и все-таки великий миссионер только после особого указания садится на корабль, плывущей в Македонию. Впрочем, и на этой чисто эллинской почве он, прежде всего, взывает к своим соплеменникам и лишь при упорстве их переносить свое слово к язычникам. В Филиппах, Фессалонике, Верии – везде он встречает оппозицию иудаизма и пожинает богатые плоды среди эллинов. Афиняне не были ни исключением из этого правила, ни опровержением такого опыта. Своим скептицизмом и индифферентизмом они показали не более того, что утонченный ум и высокое знание – подобно еврейской привилегированности – не служат благоприятным условием к получению спасения и по своей самодовлеемости иногда являются препоной, хотя сами по себе и не содержат чего либо эссенциально враждебного. Это видно с отчетливостью на примере просвещенного Коринфа, где около двух лет с успехом трудился св. Павел. Он с радостью усматривает в этом великое благословение Божие и, не останавливаясь в Ефессе, спешит в Иерусалим на праздник, чтобы поделиться своими вестями с церковью матерью (XV, 35-XVIII, 22). Подкрепленный и ободренный братьями, св. Павел устремляется теперь в Асийскую митрополию, дабы возжечь там немерцающий и неугасающий светоч для всей Малой Азии. Его трехлетняя деятельность имела чрезвычайное влияние и в корне потрясла там все исконное богопочтение. Неистовый бунт, поднятый среброковачем Димитрием, не мог уничтожить следов благовестнической энергии, ибо удаляющийся Апостол оставил после себя верных и испытанных учеников, способных и достойных продолжать спасительную миссию. Сам же он совершал благовестничество в Елладе и Македонии, из Филипп возвратился в Троаду и чрез Милит морем достиг Птолемаиды, откуда отправился в Иерусалим (XVIII, 23 – XX, 16).

Радужный прием братьев укрепил его дух, и он не без удовлетворения мог окинуть испытующим взором все свое

благовестническое течение. Пред ним восставали отрадные картины повсюдного оживотворения лучами восшедшего солнца правды, которое, разливаясь повсюду, не допускало и не терпело ослабления в силе и благотворности своего света. В этом отношении были все ручательства счастливого будущего с полною надеждой на возрастающую экстенсивность благовестия Христова. С другой стороны, и почва оказалась весьма благодарною. Она охотно и глубоко принимала христианские семена, которые, естественно, должны были приносить плод по роду своему. Следовательно, и с этой точки зрения не предвиделось опасности, а в таком случае было несомненно, что здесь Евангелие насаждено прочно, и все дело теперь в продолжении, достаточно Бесспорном по множеству верных учеников. Нужно было искать нового поприща и при том в специальном месте, чтобы оно было центральным для обширнейших областей и служило удобным средоточием для христианской миссии. В этих интересах св. Павел уже давно решил, что ему подобает и Рим видети (XIX, 21). Это значило обратить гражданскую столицу тогдашнего мира в митрополию христианской евангелизации, воздействовать чрез вечный город по всем концам земли и постепенно преобразовать весь порядок жизни. Тогда наступило бы всецелое увенчание апостольского подвига. Но если и прежде всякий момент миссионерского расширения совершался по воле Божией, то тем более подобное грандиозное предприятие не могло строиться на одних человеческих соображениях. Так и вышло фактически – вопреки всем обычным расчетам. По совету предстоятеля Иерусалимской церкви, Апостола Иакова, и для устранения иудаистических подозрений и злоупотреблений – св. Павел принимает участие в назорейском обете; однако этот акт благожелательного снисхождения вызвал лишь бурный мятеж. Критическое напряжение уже достигало крайней остроты, и христианские вожди стремились разрешить его в пользу независимого Евангелия, показав на примере его глашатая, что они ничуть не ведет к ренегатству и отвержению Израильских обетов и благочестивых религиозных обычаев. Этим у врагов отнималась последняя опора для благовидной борьбы, и они,

предвидя свою гибель, поспешили устранить ее бунтарским способом. В этом вся разгадка неожиданного и рокового эпизода. Апостол попадает в крепость и мужественно защищается пред синедрионом, причем Бог открывает ему, что таким именно путем осуществится его великое намерение «свидетельствовать и в Риме». Преступный замысел иудеев вынуждает тысяченачальника препроводить арестованного из Иерусалима в Кесарию, где из-за проволочек алчного Феликса он томится два года. При Фесте процесс повернулся быстрее, но св. Павел, как римский гражданин, потребовал непосредственного суда Кесариева и, исповедав свою веру пред Агриппой и Вереникой, был отправлен в Италию. Узы тяжелые содействовали Апостолу к обнаружению нечистоты его врагов и дали ему немало случаев и поводов возвестить имя Христово пред теми, кто фактически не мог, или не хотел и не расположен был слушать об этом. Долгое и опасное плавание тоже не лишено было проявлений силы и милости Божией чрез св. Павла, почему он прибыл в Рим не без доброй для него рекомендации со стороны сотника пред высшим начальством. И «воевода» сразу позволил узнику жить особо при охране одного воина. Свобода слова осталась за ним всецело, – и он немедленно делает попытку привлечь иудеев к «надежде Израилевой». Косность соплеменников снова обнаружила пред Апостолом, что «спасение Божие послано язычникам». И, без сомнения, эта уверенность его вполне оправдалась, когда в течение двух лет он всем приходящим проповедовал царство Божие и учил о Господе Иисусе Христе со всяким дерзновением невозбранно (XXI, 18-XXVIII, 31).

Заветная цель стремлений св. Павла была достигнута, а вместе с этим естественно прерывается и повествование о нем, показывая своею идейной и литературной закругленностью

Фактически-художественный объективизм изображения и законченность книги Деяний

Всматриваясь в движение дееписательского рассказа, мы не можем не заметить в нем строгой последовательности и гармонической преемственности в расположении отдельных моментов при единстве основной идеи, проходящей через все писание. Речь идет о влиянии христианства, как возрождающей и всепобеждающей силы, – и мы с необходимостью ожидаем изображения источников и свойств ее, внутреннего строения и внешнего облика. Это и дается нам на самых первых страницах книги Деяний. Но эта сила – абсолютно спасительная и потому органически требует приложения к другим для проявления своей мощи и для сохранения своего природного достоинства. Соответственно сему она и фактически сразу же начинает работать в указанном направлении. Ближайшее и наиболее сродное, конечно, бывает первейшим объектом ее активности, а спасительность предохраняет от насильственного притеснения и нагнетательного подчинения. И мы знаем, что христианство прежде всего обращается к иудейству и все время старается не прерывать связей с ним. Однако упорное противоборство всегда вызывает отклонение энергии в иную сторону, где она находит подходящий материал, чтобы в благоприятной сфере развернуться во всем блеске и величии. Натурально, что – по причине оппозиции Израиля – Евангелие переходит за черту Иерусалима и постепенно прокладывает свой путь в мир языческий, дабы потом приобрести там исключительное господство. В общем и существенном – пред нами рисуется картина проповедания иудейского и языческого, и отсюда две главнейшие части повествования, живописующие 1) борьбу за иудеев, ради обетованно обеспеченной им евангелизации (I-XV, 34), и 2) победу благовестия в язычестве (XV, 35 сл.). Если же обоснованный разрыв с родною средой невозможен без усердного, хотя бы и горького, опыта и если успешного перенесения на чужую почву не бывает без предварительной подготовки, то эти стадии не менее необходимы в изображении,

чем и в жизни. Так получаем в первой половине два отдела, представляющие устройство церкви Палестинской (I – VIII, 4) и постепенное перенесение христианской проповеди к народам языческим (VIII, 5 – XV, 34). Последнее случилось, разумеется, потому, что эллины оказались особенно восприимчивыми к Евангельскому слову и его благодатному влиянию. Тогда именно между ними благовестие и развивается с поразительной напряженностью, которая – при данных условиях – обязательно достигает свойственного торжества. Понятно теперь, что и языческая миссия раскрывается в двух периодах 1) утверждения (XV, 35 – XXI, 16) и 2) окончательного торжества (XXI, 17 сл.). Течение христианской истории до точности совпадает с заповедью Спасителя, чтобы Апостолы были свидетелями Ему в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли (I, 8). При всем том это не есть намеренное и тендециозное приспособление писателя ко взятой формуле, поскольку все покоится на самом свойстве рассматриваемого явления, в котором все моменты непременно должны следовать именно в этом порядке. Можно сказать, что исторические события располагались согласно обетованию Господа и смотреть на это с разных точек зрения, но решительно нельзя отказать историографу в полнейшем и нелицемерном объективизме. В этом отношении св. Лука всячески безупречен, раз он только раскрывает и показывает истинную сущность предмета. Таким способом с безусловной бесспорностью оправдывается и его специальная цель, коренящаяся во внутренней глубине воспроизводимого исторического события. Спасение Божие совершается лишь волею и силою Божией: – этот тезис с ослепительной яркостью освещается у Деяписателя, поскольку у него мы с наглядностью видим, что все происходит сообразно верховным планам. Божественное в своем основании и Основатель, – христианство оказывается одинаково божественным и в своем распространении, как несомненно и то, что оно чуждо всякого эгоизма – даже в смысле самосохранения, преисполнено безграничной благодати и потому немедленно начинает функционировать везде со свойственной животворностью.

Но в таком случае должно быть здесь и повсюдное божественное посредничество, потому что человеческое, само по себе, не в состоянии создавать и нормировать Божие. В равной мере очевиден и этот фактор по достоинству самых деятелей на всех ступенях первохристианского развития. Преемство искупительного служения было вручено Апостолам, а им предстояло привлечь к благодати иудейство и язычество. Значит, в обоих пунктах требуется апостольское верховенство. И на первых порах всюду предносится нам величественная личность св. Петра, сильного в слове и в деле, полагающего основание, обеспечивающего продолжение, отыскивающего новые пути, направляющего и благословляющего подвиги других. Без его соизволения не совершается ничего, и вместе с Иоанном он низводит Духа Св. на обращенных Самарян и обходит окрестные области. О прочих Апостолах мы слышим мало, но для нас принципиально и единственно важно, что не отмечается ни малейших разногласий, почему мы вынуждены думать, что благовестники работали солидарно, усердно и успешно. Итак: исключительное апостольское участие в этой сфере удостоверено с фактической неотразимостью. Тоже истинно и для эллинской евангелизации. Она предваряется в крещении Корнилия св. Петром и зарождается в Антиохии по авторитету и под контролем Иерусалимского братства (Деян. XI, 22 сл.). Очевидно, его одобрение необходимо мыслится и в развитии языческой миссии чрез Варнаву и специально приглашенного Савла и громко сказывается в соборно-апостольском признании ее совершенной равноправности с Палестинско – иудейской. Потом она почти целиком переходит в руки св. Павла, для которого уже самые обстоятельства призвания свидетельствовали о его божественном посланничестве, тождественном по достоинству с апостольством «предних». Поэтому-то и *de facto* у него существовало непрерывное и тесное общение с «самовидцами», – и душой и сердцем они участвовали в его подвиге. Следовательно, и с этой стороны Бесспорно божественное посредничество в эллино-христианском благовестии чрез апостольство Христово. Действительность гармонически отвечает своей внутренней

идее и раскрывает ее, сама утверждаясь на этом в своей нормальной реальности.

Здесь опять находит свое незыблемое оправдание главнейшая тенденция св. Луки – показать апостольское строение христианской истории в ее распространении по миру языческому. И опять эта законченность приобретает совсем не искусственно, ибо не идет в разрез с фактическим положением вещей, а прямо и всецело вытекает отсюда. В этой истине наглядно убеждает самое свойство событий, что они во всем верны себе, всегда выражают свою норму, бывают именно тем, чем должны быть. Правда, весь рассказ группируется тут около двух лиц – Апостола Петра и св. Павла, – и они доминируют над всем и в жизни, и в ее изображении. Таков обычный прием всей древней и наилучшей историографии, что она преимущественно сосредоточивается на отдельных выдающихся фигурах и к ним стягивает все многостороннее движение во всех его фактических перипетиях. Своим повествованием такого характера Дееписатель только лишний раз подтверждает свою исконную славу широко просвещенного и литературно образованного человека, владеющего достаточными запасами и хорошою техникой историографического творчества, высокого по изящно-правильному стилю и по научной обработке материала. Впрочем, и в этом отношении он далек от искусственной тенденциозности и значительно превосходит своих «светских» предшественников: у последних не редко замечается насильственность повествовательной концентрации с незаконным возвышением одних героев и несправедливым унижением других до бесследного вытеснения народных масс, играющих лишь безличную арифметическую роль, а у Луки нет ничего подобного даже в приблизительной степени. Мы видим там верующих (Деян. II, 44. III, 32. V, 14), которые взаимно бывают «братьями» между собою, не исключая Апостолов (VI, 3. XI, 1, 29. XII, 17. XV, 7, 13, 32, 33, 36. XVII, 10, 14. XVIII, 27. XXI, 7, 17, 20. XXVIII, 14, 15), крайне редко слышим об учителях (XIII, 1), как и о друзьях (XXVII, 3), зато постоянно встречаем собрание учеников (I, 15 – 16. VI, 1, 2. IX, 26. XI, 26, 29. XV, 10. XVI, 1. XVIII, 27. XIX, 1, 9, 30. XX, 1, 7. XXI, 4, 16), которые во

всех церковных делах активны не менее пресвитеров (XI, 30. XV, 2, 4, 6. XXII, 23). Это – органически сплоченное и неразрывное братство, служащее не просто фоном или механическим орудием для руководителей, а их основой и опорой. В этой перспективе, Петр и Павел являются лишь *primi inter pares*, ибо не имеют своей собственной силы или благочестия (III, 12), но одинаково получают все из общего источника в Боге. Поэтому, выступая вперед по своему ответственному подвигу, они ничуть не занимают всей картины и рисуются на ней среди равно святых по благодати (IX, 13, 32). И фактически мы повсюду находим их в свите единоголосных и активных помощников на ниве Христовой. Тут – характерно иллюстрирующие типы, тем самым удостоверяющие наличность во всем церковном организме господствующего неизменного правила. В них наиболее рельефно отражается основной принцип апостольского созидания, соприсущий всем, – и вполне естественно, что их творческими подвигами св. Лука освещает свое коренное, догматическое воззрение, не требовавшее ни множества деталей, ни фотографической пунктуальности в воспроизведении каждой мелочи. И для сего были у него все фактические данные, поскольку в самом ходе событий выдвигались зиждительными вождями Апостолы Петр и Павел. Через них Деятели показывают нам первохристианскую историю именно потому, что сама она реально сияла в них по своему чисто апостольскому строению в духе священных заветов и истинных начал Христовых, если все это особенно воплотилось в этих двух столпах, заставляя предполагать подобное и во всех остальных в качестве главнейшего свойства достойного христианина. Опять получается строгое совпадение цели и осуществления, причем историографический объективизм обязательно должен способствовать увещательным намерениям насчет утверждения через Феофила всех христиан в божественном учении.

В результате выходит, что христианство обрисовано у св. Луки с принципиальной и фактической всесторонности. Будучи силою божественною, – оно и возрастает божественною мощью; поскольку же последняя спасительна и непреодолима, – ей

покоряется вся вселенная в своих основах. В двухлетнем Римском проповедании св. Павла, без сомнения, точно оправдались его надежды, что – вопреки упорству иудеев – язычники услышат. Значит, теперь обнаруживалось здесь историческое торжество Евангелия и обеспечивалось непреходящее процветание благодати Христовой на земле. Достигнув этого предельного пункта, Дееписатель исчерпал свою догматическую задачу и немедленно прерывает свой рассказ в самый удобный момент. По внутреннему смыслу взятой темы ему не зачем было идти дальше, и его труд оказывается совершенно законченными. В этом принципиальном наблюдении мы приобретаем прочную опору для беспристрастного суждения о предполагаемых литературных планах автора. Издавна высказывалась догадка, будто по образцу греческих историков св. Лука думал дать своим читателям повествовательную трилогию, и только неизвестные нам обстоятельства помешали задуманному ее окончанию³¹⁰. В новое время эту гипотезу особенно старался аргументировать и сделать научной аксиомой проф. W. M. Ramsay³¹¹ не без успеха³¹². Он обращает внимание на термин (в Деян. I, 1) τὸν πρῶτον (λόγον), имея в соображении следующие особенности. По филологическим наблюдениям, санкционированным высоким авторитетом компетентного эллиниста Фридриха Бласса, в Κοινή и в новозаветном греческом языке почти совсем сгладилось различие сравнительной и превосходной степеней, почему первая стала выражаться положительной формой, и – значит – πρῶτος употреблялось вместо и с энергией πρότερος. При таком понимании Деяния будут просто позднейшей книгой по сравнению с предшествующей в Евангелии, как раннейшем труде св. Луки, и своим арифметическим счетом вовсе не требуют продолжения. В этом случае триадологическая идея падает сама собою. Но мы должны согласиться с Рэмсеем, что констатированное филологическое обобщение далеко не абсолютно и допускает значительные ограничения, а тогда и стиль Иоанна Богослова нельзя прямо применять к Дееписателю. Верно, что в речи Стефана τῶτον (VII, 12)

равняется прότερον и по-славянски передано чрез «первее», однако это могло быть взято *vertatim* из евраистического источника. Наряду с этим не менее несомненно, что Апостол Павел, многократно пользующийся положительную степенью употребляет прότερίν (2Кор. I, 15.) Евр. IV. 6. VII, 27), τό прότερον (Гал. IV, 13. 1Тим. I, 13), τήν протέραν ἀναστροφήν (Еф. IV, 22). τὰς прότερον ἡμέρας (Евр. X, 32), и его спутник утилизирует порядковое прῶτος в обычном смысле как в Деяниях (см. особенно XII, 10 διελθόντες δέ πρώτην φοιакήν καί δεοτέρα), так и в Евангелии (II, 2. XI, 26. XIII, 33. XIV, 18. XVI, 5. XIX, 16. XX, 29). Тогда ничто не препятствует видеть в τὸν прῶτον λόγον «первое слово», которое по своему названию было бы непонятно, если бы не предполагало своего продолжения. Но последнее арифметически могло быть безграничным, а это в отношении литературной человеческой работы было бы совершенным абсурдом и фактически невысказуемо. Посему необходимо признать общепринятую для подобных произведений продолжительность, и такой для исторических трудов была трилогия. В этом случае Деяния оказываются второю книгой, которая следует за первой и отсылает к третьей, согласно историографической практике и норме. Все это правильно теоретически, но ничуть не принудительно для Луки³¹³, поскольку не было абсолютным, для каждого неизменным законом. По этой причине мы должны уступить, что филологически совсем не утверждается, будто автором сразу задумано было третье слово в качестве обязательной части. Τὸν прῶτον (λόγον) всецело смотрит назад, а не вперед, и делает единственно вероятным, что историческое повествование Луки было надписано Ὁ δεῦτερος λόγος. Несомненно, что рассказ Деяний прерывается для нас неожиданно, и мы ждем и страстно желали бы дальнейших сообщений о судьбе св. Павла. Должно прибавить к сему, что это лишь наше субъективное влечение естественной любознательности, но ею мы не вправе соизмерять богодухновенную новозаветную письменность. В этом отношении, она представляет чрезвычайно характерные особенности, устраняющие все наши нетерпеливые запросы.

Настоящей биографии мы не имеем ни об одном из Апостолов, и отрывочные сведения передаются сухо и мимоходом по разным случайным поводам. Кроме Иакова Зеведеева – нет хотя бы беглой заметки о кончине их во всех новозаветных памятниках, и даже об Иоанне Богослове не сказано, где, когда и как он «прославил Бога» тою смертью, какая была предвозвещена ему самим Господом. Глухое и – часто – темное и противоречивое предание: – вот наш главнейший, почти исключительный источник в данной области. По всему видно, что в апостольскую эпоху мало интересовались личными событиями в жизни благовестников, так что и рано возникшая пытливость по этому предмету (напр., у Папия и Игизиппа) уже была не в состоянии восполнить громаднейших пробелов на этот счет определенными штрихами. В общем, традиция всегда опирается на новозаветные намеки и только развивает и разукрашивает их. В решительный контраст сему апокрифическая литература изобилует биографически-легендарными подробностями и иногда всецело исчерпывается ими. Ясный знак, что биографическая детальность совсем не интересовала священных писателей. И не трудно, кажется, угадать существенную и благословную причину. Новозаветные авторы изображают основание, распространение и утверждение на земле царства Божия. И фактически и по своей идее – последнее было всецелым делом Божиим, где всякое человеческое участие являлось вторичным, посредствующим и способствующим, творящим повеленное, но ничего не производящим своими силами и заслугами. Индивидуальный элемент необходимо и неизбежно стушевывался чуть не до полного устранения, чтобы тем ярче выступала во всем воля Божия, совершающаяся в немощи человеческой. Последняя служит только агентом силы Божией и захватывается лишь по связи с нею, а никак не более и не далее. С этой точки зрения, продолжение рассказа о великом Апостоле языков было и излишне и не нужно для благовестнического дела. Сколько мы знаем по Пастырским посланиям, – последующее служение его было посвящено охранению и расширению прежнего, которое раскрылось вполне и заложило прочные и незыблемые основы

для нормального развития жизни церковной по заветам Христовым. В таком случае этот период носил больше личный характер и прямо подпадал формуле св. Иоанна Златоуста: εἰ καὶ Παῦλος ἦν, ἀλλ' ἄνθρωπος ἦν.

Понятно теперь, что своею богодухновенной мыслью Дееписатель всего менее располагался к изданию воображенной третьей книги, – и ее, вероятно, не существовало даже в проекте³¹⁴. Тогда будет несомненною и законченность Деяний. Они имеют целью изобразить повсюдное распространение божественного спасения по плану божественному и в совершенстве достигают этого результата чрез объективное воспроизведение апостольской проповеди до мирового центра в Риме, Господу поспешствующу, и слово утверждающе последующими знамении (Мрк. XVI, 20).

Это гармоническое совпадение идеи и осуществления лучше всего удостоверяет

Единство автора книги Деяний с устранением гипотез о механической компилятивности писания из разных источников³¹⁵.

Самая мысль о последних не должна казаться странною или произвольной. Свящ. автор не раз оттеняет свое непосредственное участие в событиях чрез форму «мы»³¹⁶, и тут невозможно усматривать (вместе с Baur, Zeller, Overbeck и др.) простой литературный прием в виду живости этих повествований и бесспорной добросовестности составителя. Этим, как будто, выделяется его личное знакомство от вторичного, приобретенного чрез разные пособия. Да и само по себе недопустимо, чтобы повествователь присутствовал при всех обзриваемых актах, почему вопрос о соответствующих поручителях возникает с необходимостью. Затем и в обработке материала легко усмотреть различную его группировку около нескольких выдающихся личностей, откуда произвольно рождается догадка об отдельных биографических опытах, своеобразно скомбинированных компилятором. Легко понять, что это было чрезвычайно удобным орудием для критики в ее тенденциозных построениях первохристианскую эпохи, и она поспешила воспользоваться столь благодарным средством с

таким усердием, что ее история в отношении книги Деяний кажется страшной историей страданий³¹⁷. Приведем главнейшее, чтобы обрисовались основные линии и существенные течения.

Уже Königsman n (в Pott's Sylloge commentt. III: De fontibus commentarium sacrorum, qui Lucae nomen praeferunt etc. 1798) – по аналогии с первой частью старался расчлени ть и вторую, а J. C. Riehm (De fontibus Actuum apostolorum, Trajecti 1821), усваяя последнюю Луке, находил в той многочисленны е источники. Наука вступала чрез это на соблазнительно скользкий путь гипотез и мечтаний когда Schleiermacher (см. у Prof. T h. Z a h n, Einleitung in das N. T. II, S.²441:1) под «мы» предположил Тимофея, не совпадающего с редактором, который сводил воедино разные известия, о

чем он догадывался по пропускам в рассказах, по недостаточности связи и некоторым противоречиям, отражающим дисгармонирующие пособия. E. Th. Mayerhoff (Hist. – krit. Einleitung in die Petrinischen Schriften I, Hamburg 1835) распространил авторство Тимофея на все писание и тем открыл простор для отыскивания материалов при работе этого позднейшего спутника Павлова. Нечто подобное видим у E. A. Schwanbeck'a (Ueber die Quellen der Schriften des Lukas 1, Darmstadt 1847): «мы» он отождествил с Силой и окончательному издателю усваял биографию Петра, риторическое сказание о Стефане и заметки о Варнаве (IV, 36 сл.; IX. 1 – 30 и XII, 25 – XV, 4). Fr. Bleek (в «Studien

und Kritiken» 1836), Ulrich (ibid. 1837, 1840) и W. M. L. De Wetle (Kurze Erklärung der Apostelgeschfichte, 1841) возвратились к идее Шлейермахера и прокладывали дорогу для Тюбингенских реконструкций с отнесением книги Деяний ко II-му веку. Даже непричастный к этому разрушительному направлению Heinrich Ewald принимал «иудео – христианские источники» в виде истории Петра (I -V. VIII, 5 – 40. IX, 32 -XI, 32) и истории Стефана-Савла (VI, 1 – VIII, 4. IX, 1– 31). Первое признал и Bernhard Weiss, который производил частнейшие расчленения и выделения на основании критерия вероятности и достоверности (см. Einleitung in das N. T.). H. H. Wendt (в Kritisch exegetisches-

Handbuch – zur Apostelgeschichte – von H. A. W. Meyer, 7-te Aufl.) засчитывает за «мы» или Лукою все содержание с XIII-й главы и XI, 19 – 21. 27 – 28 и в раннейшем допускает письменный материал только для эпизода о св. Стефане. В общем, двойственность источников сначала проектировала и Голландская школа в лице, напр., W. E. van Manen'a (Paulus, I: De handelingen der apostelen, Leiden 1890), который утверждал, что долгое время особо ходили "Деяния Петра» (Ad. Hilgenfeld) и выросшие из путевого дневника «Деяния Павла», пока они не были слиты в компактное целое около 150 года. Martin Sorof (Die Entstehung der Apostelgeschichte, Berlin 1890) решился ближе характеризовать разумеемые пособия: один-древнейший эллино-христианский, обязанный Луке и из первой части обнимающий I, 1 сл., рефераты о Стефане, о возникновении Антиохийской церкви, о южно малоазийских путешествиях и восполнения к отрывкам с «мы», которые принадлежат уже Тимофею и носят иудео – христианскую окраску, отразившуюся и на всей композиции книги. Такое свойство «Деяний» Paul Feine (в «Jahrbücher für protestantische Theologie» 1890, I; Eine vorkanonische Ueberlieferung des Lukas in Evangelium und Apostelgeschichte, Gotha 1890) объясняет вторжением посвященного Петру иудео – христианского Иерусалимского сказания в цепь эллино – христианской повести, которая вполне не нарушается лишь с XIII-й главы. Однако и теперь оставалось неопределенным точное взаимоотношение обоих течений. Эту задачу взял на себя Friedrich Soitta (Die Apostelgeschichte ihre Quellen und ihr geschichtlicher Wert, Halle 1891). По его мнению, почти две трети всего состава падают на А, отличающийся живостью и правдоподобием и не без права почитаемый произведением Луки. Но он сильно пострадал от внесения иудео – христианских элементов из В с его пристрастием к чудесному и легендарному и стремлением приравнять Петра к Апостолу языков. Эта стихия преобладает в первой части (I, 4 – 14, 18 – 19. II, 1 – 3, 5 – 6, 9 сл.. 43. IV, 35 сл. V, 1 – 11, 17 сл., 21 сл. VI, 8b – 15. VII, 1, 55 сл., 58b – 60. VIII, 1–3. IX, 3–31. VIII, 5 – 40, 36 – 43. X, 1 – 43. XI, 1 – 18, 22 – 26. XII, 1 – 24), но довольно заметна и во второй (XIII, 6 – 12, 44 – 49. XIV, 3, 8–20. XV, 1 – 4,

13 – 33. XVI, 20 сл.. 24–34. XVII, 6–9. XIX, 1b – 7, 11 – 19, 24 – 41. XXI, 10 сл., 20b – 26. XXII, 30 – XXIII, 10. XXVIII, 17 – 23). Такое переплетение обязано R = Redactor'у произведшему свою работу не без искусства, пожалуй, еще до конца 1-го века. Эта попытка только яснее показала, что с литературно критической точки зрения двух источников для нынешней композиции Деяний совсем мало, ибо позднейший редактор со своими привнесениями оказывается без руководств и материалов. Carl Clemen (*Chronologie der paulinischen Briefe*, Halle 1893, S. 58 – 161) изобретает уже целых четыре пособия: 1) Н. Н. = *Historia Hellenistarum* с известиями о Стефане (VI, 9 -VIII, 1b, не чуждыми позднейших интерполяций) и об основании Антиохийской церкви (XI, 19 – 21, 24а, 26); 2) Н. Рe = *Historia Petri*, обнимающая главы I – V. вводные в Н. Н. замечания (VI, 7 – 8, 11 – 15. VII, 37, 60. VIII, 2), сведения о Симоне маге (VIII, 4–13, 18 – 24) и обращении эфиопского евнуха (VIII, 24 – 40); 3) Н. Ра = *Historia Pauli* с XIII-й главы, (впрочем, с редакторскими прибавками), опирающаяся, главным образом, на 4) I. Ра – *Itinerarium Pauli*, выступающий (в XVI, 10 сл. XX, 5. сл. XXVII, 1 сл.) под формулой «мы». Из этой реконструкции необходимо вытекает, что отдельные законченные повествования не могли сплотиться сразу в теперешнюю книгу, а должны были испытать много операций со стороны трех редакторов: а) первый R вставил в «истории Павла» фрагменты с «мы» и по местам приукрасил ее эпизодами чудесного характера (XIV, 8 – 18. XVI, 23b – 34. XVII, 19 – 33. XVIII. 12–17. XIX, 11 – 1, 15–41. XX, 17 сл.); б) второй R) (Redactor judaicus) – между 93 и 117 годами – приложил немало старания в иудаистическом перекрашивании бывшего текста и довольно данных присоединил к нему в этом смысле (IX, 32–43. X, 1 -XI, 18, XV, 1 – 4, 13 – 18, 20 – 22. XVI 1–3. XXI. 20b – 22. XXII, 1–16, 19 – 21. XXIII, 1–10. XXIV. 10–21. XXVIII, 16 – 24); в) на долю третьего R (Redactor anti judaicus), подвизавшегося при Адриане (117 – 138 г. г.), выпало ослабить козни своего предшественника уравнивающими вставками (к ним относятся IX, 1 – 31; XII 1–25; нечто в главах XIII и XIV-й; XV, 5–12, 19, 23 – 33, 41; XIX, 4, 6, 14. XX, 19b, 25 – 35, 33a. XXIII, 25 – 30). Крайняя запутанность этой «чудовищной

гипотезы»³¹⁸ необходимо побуждала к упрощению, чтобы спасти, по крайней мере, основную критическую тенденцию, – и вот Johann jüngst (*Quellen der Apostelgeschichte*, Gotha 1895) снова берется за построение двух источников – Павлинистического А и эвионитского В, которые при Траяне – Адриане, в промежуток времени с 110 по 125 г., были обработаны неизвестным R в смысле «иудаизации Павла». Тем не менее и в этой игре с тремя иксами было слишком много искусственности, почему Ad. Hilgenfeld (в „*Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie*» 1895, I, S. 65–115; II, S. 186 – 217; II, S. 384–447 и далее) продолжал – в существенном настаивать лишь на Петринистическом пособии первой части, Johann Weiss (в «*Studien und Kritiken*» 1893, S. 480 – 540; 189, S. 252 –296) зло разносит Клеменовскую систему разных редакторов, из которых один поправляет и искажает другого. Н. J. Holzmann (в *Handkommentar zum N. T.*, 2-te Aufl., I, S. 311 – 312; *Jahresbericht* 1893, S. 129 – 131; «*D. Lit. – Zeitung*» 1895, Nz. 18) прямо называл неудачными все эти опыты, филолог А. Gercke («*Hermes*» III, S. 373 – 392; «*Göttingische Gelehrte Anzeigen*» 1894, S. 77 ff.) считает их «покоящимися на песке», хотя сам приурочивает книгу Деяний к моменту не ранее 100-го года и ценит ее очень низко.

Поэтому конспективно сжато изложению видно, насколько затемнен и осложнен вопрос об источниках Деяний. Не менее ясно и то, что все пробы на этом поприще были безуспешны и остаются эфемерными доселе. Входить в подробный их разбор было бы совершенно напрасным трудом, так как конкуренты в истязаниях книги Деяний поедают сами себя, поскольку, напр., Юнгст называет «сверх искусственной» систему Клемента, а последний объявляет построение своего критика «истинно сверх искусственным». В конце концов, получается разве тот результат, что все отмеченные эксперименты фантастичны по самому замыслу и в своем исполнении лишены наиважнейших свойств исторического вероятия, почему нам нет надобности беспокоиться насчет их участи. Голландская ультра-критическая школа с ее произвольными микроскопическими выделениями и

расчленениями новозаветных текстов есть живая обличающая совесть подобного направления, раз его буйные наскоки сопровождаются чудовищными уродствами.

Для нас важна лишь одна принципиальная идея критического натиска по литературному достоинству. В ее оценке обязательно устранить все субъективные желания и симпатии с наклоном к предзанятому отрицанию предания вообще и сохранившегося текстуального типа в частности;

– напротив, должно брать все писание в его подлинном объеме и действительном значении. Тогда мы найдем, что главнейшею опорой всех критических реконструкций служат, якобы, отсутствие единства и связности в целой композиции, случайность в расположении частей, механическое нагромождение фрагментов неоднородных и разнохарактерных. Если это справедливо, – нам пришлось бы заняться более упрощенным анализом, коль скоро мы не согласны со своими предшественниками. Но этой принудительности пока совсем не усматривается. Здесь чрезвычайно характерно то наблюдение, что все критики безизъятно допускают, будто у Дееписателя Павлинистический источник переплетается с Петринистическим, и оба окрашиваются смешанным колоритом. В таком случае является неизбежным вывод, что – в существе своем – они одинаковы по тону и совпадают между собой по настроению. А ведь это будет уже единством материи и освещения и скорее требует единства составителя, исключая множество авторов с диспаратными и, пожалуй, диаметральными тенденциями, поскольку наличные дисгармонии легко объясняются различием описываемых предметов и бывших под руками данных. В этом пункте критический скептицизм побивает сам себя, своим собственным крушением и косвенно подтверждает традиционную теорию. В его распоряжении остается теперь лишь факт группировки событий около личностей Петра и Павла и разности в их индивидуально-благовестнической обрисовке. Но последнее совсем несогласно с критическою догмой о нивелировке обоих Апостолов и свидетельствует о внутренней противоречивости всего направления. Вообще же отмеченный момент литературно – фактической двойственности неоспорим,

и его никто не отвергает. Вопрос весь в том, почему именно следует отсюда – по крайней мере – двойство источников, идущих от двух авторов и выражающих два первохристианские течения? Нам говорят, что в начале преимущественно выдвигается фигура Петра, а это допустимо лишь в специальной его биографии. Тоже свидетельствуется и о второй части в отношении Павла. Но пусть это будет искусственным литературным приемом:- мы знаем, что, будучи тогда общепринятым научно, он вполне объясняется и оправдывается господствующей идеей книги, где раскрывается принцип неизменного и повсюдного апостольского верховенства при распространении христианства в иудействе и в язычестве. В этих интересах сам писатель мог таким образом расположить свой материал, потому что это было нужно ему по существу задачи. Что касается искусственности, то и она будет совершенно сомнительным предубеждением до тех пор, пока не аргументируют с неотразимостью, что Апостол Петр не был главным двигателем первохристианской общины и что эллинская миссия не обязана подвигам св. Павла, потрудившегося здесь больше всех собратьев. Критика и тут обличает свою неправоту, резко оттеняя контраст между этими благовестническими столпами и тем удостоверяя, что – каждый на своем поприще – они действительно были впереди всех и в слове и в деле. По силе этого бесспорно, что явления изображаются у Луки исторически объективно, а это предполагает одного беспристрастного составителя, пользовавшегося надежными сведениями и собственными наблюдениями.

Вместе с этим подрываются все опоры для критической фантастики, неудачные построения которой только убеждают в единстве книги Деяний. Наглядное и неопровержимое тому доказательство представляет ее

Язык книги деяний

Язык специально рассмотренный со стороны отношения к третьему Евангелию у J. Friedrich'a³¹⁹ и филологически освещенный у проф. Фр. Бласса³²⁰. в Деяниях повсюду господствует у самого автора Κοινή) или Ἑλληνική δι'λεκτος, не совпадающий с аттическим древним и позднейшим, но и не безусловно чуждый им, а последний является даже главнейшим его

элементом³²¹. Эта эллинистическая речь знаменует собою немалое падение по сравнению с аттической. Все тонкие штрихи были утеряны, и детальная композиция не могла быть скрупулезно-художественной при отсутствии прежнего богатства всяких тонов для самых мельчайших переливов.

На этом фоне заметно выделяются большим совершенством третье Евангелие и книга Деяний и из них вторая – по суждению проф. Фр. Бласса (р. 18) – ἑλληνικώτερος, что аргументируется ad exempla ссылкой на изящную комбинацию частиц τέ καί δέ³²². В этом смысле филологически подтверждаются тождество обоих писателей и единство языка у священного историографа. Стараются ослабить последнее заключение указанием на различие слога в первой и во второй части, но это несомненное явление имеет свой корень в отличительных особенностях самых изображаемых вещей, поскольку вначале повествователь ближе держится чисто еврейской сферы, потом все больше удаляется и разобщается от нее. Естественно, что там значительнее евраистический элемент, здесь менее и слабее, поскольку не мог же писатель рассказывать о морских путешествиях и приключениях терминами и стилем Ветхого Завета и справедливо пишет (в Деян. XXVII, 41) ἐπέκειλαν τὴν ναῦν («увязиша корабль»=засадили корабль – на косу, на мель) вместо ожидаемого ἐπώκειλαν τὸ πλοῖον. Соответственно этому предметному раздвоению были у него, конечно, и неоднородные источники: для реферата об Иерусалимско-палестинской миссии и ее деятелях таковыми служили арамейские документы

или их евраистические перифразы по-гречески и непосредственные рассказы евраистических участников, при описании же трудов и подвигов Павловых Лука передавал собственные наблюдения и восприятия и самостоятельно перерабатывал сообщения других поручителей, более эллинистических, хотя бы, в силу миссионерской практики в эллинских областях. При этих условиях чрезвычайно знаменательно, что языковой тон, тембр речи в обоих отделах остается сходственным. Затем евраистические *termini technici*, в роде τὸ ἔθνος в смысле «язычник», были неизбежны в христианском изображении библейско-новозаветных фактов и актов и разбросаны на пространстве всей книги, где по необходимости варьируется и язык со сменой различных по содержанию и по окраске картин. Поэтому-то рассмотренные языковые стихи нехотят разграничивать по особым авторам, если, напр., эллинистический «пролог» третьего Евангелия сразу сопровождается густо-евраистическими отрывками. У Луки были разные сказания, и он лишь пользуется ими, применяя и передавая их применительно к исторической обстановке самых событий и лиц. Везде это – самобытный повествователь, для которого верным будет только то, что его язык – священно эллинистический и принудительно указывает в нем человека, живущего в атмосфере создающейся еврейско-греческой церкви, говорящего сходно с нею и однозвучно. Аттическое преимущество свидетельствует просто о его типической индивидуальности и устраняет все фантастические догадки о безличности предполагаемого темного компилятора. Они ниспровергаются и многими общими свойствами книги. Это заметно, прежде всего, на вокабуляре. Так, характерных слов имеется у Луки до 140, в числе коих встречается до 94 у Павла, из писаний которого он ближе сходится с посланиями к Колоссянам и Ефессянам³²³. Для бесспорно подлинных посланий Павловых оказывается общих с ними терминов – в третьем Евангелии 83³²⁴, в Деяниях исключительно свойственных им и этому писанию до 49³²⁵. Значит, тут словарь достаточно Павлинистический, но есть немало (по сравнению с другими новозаветными авторами) слов редких и даже ἄπαξ

εἰρημένα. В изложении проглядывает распространенность речи в ущерб ее сжатости: ὥς δέ τινες ἐσαληρύνον ο καί ἡπείδουν, κακολογοῦντες τήν δδὸν ἐνώπιον τοῦ πλήθους (Деян. XIX, 9), когда достаточно было бы более краткой редакции (в XVIII, 6) ἀντιπασσομένων δέ τινων καί βλασφη ούντων (ср. еще XIV, 3); διὰ τῶα χοιρῶν αὐτῶν (XIV, 3) вместо δι' αὐτῶν; излишнее ἀναστά; при ἐξηλθεν (X, 23) и т. п. В употреблении частиц историограф заметнее других избегает механического их нагромождения, внимательнее наблюдает хронологическую преемственность времен (participium aoristi ставя прежде perfecti verbi finiti или partkipii praesentis: I, 24), удачнее в применении причастий и в пользовании μέν и δέ. Впрочем, в последнем пункте не выдерживается везде строго антитетическое строение: в первой речи св. Петра один раз ἀλλά (II, 16) и нет соответствующего μέν, но во второй оно встречается трижды (III, 13, 21, 22) при отсутствии ἀλλά, которое четырежды употреблено в обращении пред Агриппой (XXVI, 16, 20, 25, 29) при двойном μέν (XXVI, 4, 9) без координирующего δέ.

Здесь как будто капризна и смена регулярности уклонениями от нее и игра в комбинировании частиц. Но в этих особенностях единство литературно-языковой основы приобретает своеобразный и неизгладимый отпечаток индивидуальной творческой мысли, всегда одинаково характерной; – в своем выражении она играет неуловимыми переливами на всем протяжении труда и везде выступает с резко отчетливостью своей самобытности, не допускающей ни многоличности, ни случайности. Это – типичность целостной и уравновешенной персональности, и лишь в ней находит свою мотивирующую и производящую причину отмеченная стилистически-языковая особенность.

С этой стороны филологически компетентные наблюдения точно совпадают с прежними заключениями о руководящей идее и внешнем строении Деяний и снова подтверждают литературное их единство. В свою очередь стремление к отысканию разных источников – скорее всего – свидетельствует о том, что рассматриваемая книга имеет всю

Историческую достоверность³²⁶,

убеждая в полной осведомленности писателя. С фактической стороны этот тезис, конечно, нуждается в детальных разъяснениях, но по существу он не оспаривается даже и теми, которые отодвигают анализируемую книгу в глубь II-го века, потому что утилизируемые пособия были древние. Но здесь встречается тревожное затруднение в сильном колебании текстуального предания, в раздвоении его течений³²⁷. Так, греко-латинский кодекс D или Bezae Cantabrigiensis sec. VI³²⁸ весьма уклоняется от обычного текстуального типа и содержит в себе важные отличия, для которых нет подходящих аналогий во всей массе новозаветных вариантов. И голос его не одинок. С ним немало совпадают E (cod. Laudianus Oxoniensis) от конца VI века, тоже греко-латинский, обнимающий только Деяния, и M от XI в. (манускрипте Амвросиевской библиотеки в Милане № 137); из латинских: f (cod. Floriacensis) века VII, находящийся ныне в Париже; p (Parisinus, n. 321) saec. XIII и W (Wernigerodensis) saec. XV. Затем сюда же присоединяются со своими особыми чтениями переводы сирийские (пешитта и филоксеновский) и коптско-саидский, а из патриотических авторитетов – Иринея, автор „ Апостольских Постановлений», Киприан, Августин и – частью – Тертуллиан³²⁹.

В своей совокупности все эти источники дают крайне своеобразный текст оригинального характера³³⁰. Существенные его черты можно классифицировать по следующим рубрикам.

I) В этой группе часто встречаются примеры распространенности в выражениях, III, 1 заметка о девятом часе предваряется в D внесением τό δειλινόν – «в послеобеденное время». IV, 1 τὰ ῥήματα ταῦτα. IV, 3 ἐράτησεν αὐτούς, IV, 24 καὶ ἐπιγινόντες τὴν τοῦ θεοῦ ἐνέργειαν, IV, 32 καὶ οὐκ ἦν ἐν αὐτοῖς διάκισις οὐδεμία. V 18 καὶ ἐπορεύθη εἰς ἕκαστος εἰς τὰ ἴδια, VI, 8 (после λαῶν διὰ τοῦ ὀνόματος Κυρίου). VII, 29 καὶ οὕτως ἐφυγάδευσεν Μωσῆν – все это добавления D. В рассказе о видении Савлу дается (в F) такая подробность (IX,8): sed ait ad eos: levate me de terra. Et cum levassent ilium, nihil videbat apertis oculis³³¹. He

менее новых деталей в известиях о деятельности Апостола Петра в Кесарии, а равно и по удалении оттуда, напр., о его проповедничестве по разным местам (διὰ τῶ χωρῶν διδάσκων αὐτούς), причем он наперед καί προσφωνήσας τοὺς ἀδελφοίους καί ἐπίστηρξας (αὐτούς) ἐξή ἴεν πολὺν λόγον ποιούμενος (XI, 2). О событии в Антиохии и Писидии за период первого путешествия св. Павла сообщается, что, несмотря на раздражение Иконийских иудеев, ὁ δὲ κύριος ἔδωκεν ταχύ εἰρήνην (XIV, 2) и что враги пришли оттуда в Листру еще в то время, когда благовестники (XIV, 19) «пребывали там и учили» (διατρίβ ντων δὲ αὐτῶν καὶ διδασκόντων)³³². XVI, 19 ὡς δὲ ἐζδαν οἱ κύρ οἱ τ ,ς παιδίσκης ὅτι ἀπεστερησθαι (ἀπεστέρηνται) τῆς ἐργασί ς αὐτῶν, ἥς ἐζχ ν δι' αὐτῆς и XXI, 39 ἐν Τάρσφ δὲ Κίλι κίας γεγεννημένος замечательны лишь по растянутости фразы для одинаковой мысли, которая в XXII, 26 усиливается повторением, что сотник услышал, ὅτι Ρωμαῖον ἑαυτὸν λέ γει. В XVII, 12 и 15 вера многих Верийцев противопоставляется неверию других и упоминается о прохождении через Фессалию с воспрепятствованием проповеди здесь от Духа.

Уже и в этих добавлениях обнаруживается несколько большая точность, но она еще отчетливее выступает

II) в хронологических указаниях. В I, 5 имеем ἕως τῆς πεντηκοστ ῆς, а в II, 1 καί ἐγενετο ἐν ταῖς ἡμέραις ἐκείναι; τοῦ συ ᾽πληροῦσθαι τὴν ἡμέραν τῆς πεντηκοστῆς, ὄντων αὐτῶν πάντων ἐπὶ τὸ αὐτὸ ..., так что собрание было пред днем пятидесятницы, излияние же Духа в самый праздник утром (ср. II, 15). В XV, 30 поясняется, что посланные с апостольским определением в Антиохию ἐν ἡμέραις ὀλίγαις κατῆλθον и, очевидно, спешили с радостной вестью, между тем путешествие в Иерусалим было далеко не быстрое (XV. 30, 33). XVI, 11 отмечает, что отправление из Троады было τῇ ἐπαύριον. XVII, 19 своим μετὰ δὲ τινάς ἡμέρας κτλ раскрывает, что Афиняне не сразу заинтересовались учением св. Павла и не тотчас пригласили его в Ареопаг. В XVIII, 19 подчеркивается, что Апостол вошел в Ефесскую синагогу τῷ ἐπιόντι σαββάτῳ, а в XIX 9 присовокупляется, что он проповедовал в школе тиранна ἀπὸ ὥρας πέμπτῃς ἕως δέκατης. XX,18 определяет его Ефесское

пребывание – согласно XX,31 – ὡς τριετίαν ἢ καί πλείον и отправление на суд в Рим назначает (в XXVII, 1) τῇ ἐπαύριον, как и все описание плавания гораздо обстоятельнее.

III) Та же тенденция проявляется и в точнейших отметках насчет топографии, разных фактических отношений и действующих лиц. В XI, 27 – 28 читается: ἦν δέ πολλή ἀγαλλίασις συνεστραμμένων δέ ἡμῶν ἔφη εἰς ἕξ αὐτῶν ὀνομάτι Ἀγαβος σημαίνων..., откуда следует, что Дееписатель был одним из участников этого Антиохийского собрания. Из XII, 1 сказано, что гонение Ирода сосредоточивалось ἐν τῇ Ἰο.δα α. XII, 10 восполняется в том смысле, что – по освобождении из темницы – Ангел и Петр сначала κατέβησαν τοῖς ἐπὶ σταθμοῖς. В XVI, 35 редакция ἡμέας δέ γενομένης, συνῆλθον οἱ στρ τηγοί ἐπὶ τό αὐτό εἰς τὴν ἀγοράν, καὶ ἀναμνησθέντες τὸν σεισμόν τὸν γεγονότα εφοβήθησαν καὶ ἀπέστειλαν τοὺς ῥαβδούχους κтл. раскрывает нам ближайший мотив в перемене политики Филиппийских военачальников. В XVIII, 18, 21 сл. и 27 имеются некоторые дополнительные сведения об Акиле, Прискилле и Аполлосе. В XIX, 4 сл. количество сынов Скевы низводится до двух (XIX, 16 ἀμφοτέρων). В XX, 15 упоминается о Трогиллии (как еще в слав. пер. согласно text, rec) и в XXI, 1-о Мирах после Патары. О пути из Кесарии в Иерусалим говорится (XXI, 10): οὗτοι δέ (провожавшие Апостола) ἢ αὐτὸν ἡμᾶς πρὸς οὓς ξενισθῶμεν, καὶ παραγενόμενοι εἰς τινὰ κώμην ἐγενόμεθα παρὰ Μνάσωνι Κυπρίῳ, который в этой рецензии считается жителем не Иерусалимским. XXIV, 27 объясняет, что Феликс задерживал Павла в узах не без влияния своей жены Друзиллы (διὰ Δρούσιλλαν). В XXVIII, 16 и 19 пространнее и раздельнее сообщается: δ' εκατονταρχὴς παρέδωκεν τοὺς δέσμιοις τῷ στρατοπεδάρχῃ, τῷ δέ Παύλῳ ἐπετράπη μένειν καθ' εαυτὸν ἐξω τῆς παρεμβολῆς..., καὶ ἐπ' ἐκράζοντων (τῷ Ἰουδαίῳ). Αἶρε τὸν ἐχθρὸν ἡμῶν..., ἀλλ' ἵνα λυτρώσωμαι τὴν ψυχὴν σου ἐκ θανάτου.

Все эти конкретные иллюстрации достаточно убеждают, насколько глубокие и существенные различия заключает в себе эта своеобразная редакция, между прочим послужившая основой для гипотезы о «западной» рецензии новозаветного текста, которая возникла на Востоке (и, всего вероятнее, в

Малой Азии), но была в распространены и имеет больше представителей на Западе. Значит, самый факт этой безпримерно-индивидуальной типичности вполне неоспорим, и дальше все дело лишь в его научном истолковании. Здесь издавна и обычно старались свести все особенности D к простым вариантам, а их обилие объясняли либо произволом, якобы понятным для книги исторической, либо специальными тенденциями, напр., Иудаистическими (Credner; A. Resch). Не может быть сомнения, что все такие толкования по своей мотивировке принципиально ложны, ибо Деяния были для Церкви писанием не менее каноническим, а вообще остается непостижимым и не может быть объяснено удовлетворительно на самых вариантах, почему, зачем и для чего допускались все эти изменения и дополнения в чисто фактических данных. Последнее решительно говорит и против иудаистической тенденциозности, которую и провести и уловить в таких индифферентных подробностях совсем немыслимо без заранее принятой и упорной предзанятости, всецело опровергаемой нейтральной объективностью самого документа, как чисто исторического реферата. Наконец, важно и то, что D-вовсе не единственный авторитет и имеет немалую свиту солидарных свидетелей, конечно, не могшую возникнуть по случайному капризу неведомого и непостижимого глоссатора. F. H. Chase – при сочувствии J. Rendel Harris'a³³³ – думает объяснить все эти особенности влиянием сирийской интерпретации, но весьма неубедительно, поскольку 1) едва ли она могла захватить своим влиянием столь широкий район, какой удостоверен для рассматриваемой редакции, и 2) обнаруживает тесное сродство с D лишь в позднейшем филоксеновском переводе, где допустимо совсем обратное взаимоотношение. Проф. W. M. Ramsay³³⁴ видит в этих распространительных уклонениях хороший реальный комментарий от II века Малоазийского происхождения и пользуется его сведениями с доверием и усердием. Равно и проф. Ad. Harnack крайне не расположен к D³³⁵ и утверждает, что D – не единый текст, а «комплекс корректур и глосс, который принадлежит уже первой половине II го века»³³⁶. С. фактической стороны и эта гипотеза не

применима ко всей совокупности оригинальных текстуальных отличий, потому что они касаются совсем не только Малой Азии, простираются далеко не на одну топографию и хронологию и не ограничиваются лишь книгою Деяний, но – частью – захватывают и третье Евангелие. При подобном размахе компилятора, чувствовавшего за собою право на всякие корректуры, естественно было бы ожидать от него более существенных и систематических добавлений и изменений.

В результате находим, что D со своими союзниками представляет слишком резкое исключение, которое и в самой слабой степени не подкрепляется текстуально другими новозаветными писаниями. Очевидно, это есть явление совсем необычное, а потому и причина для него должна быть тоже особая. При этом все варианты имеют видимость исторически-фактического вероятия и тем самым невольно вызывают догадку об их возможной первоначальности, восходящей к самому автору. В этом смысле уже около 25 3 лет тому назад известный Голландский критик Johannes Clericus (Jean Leclerc, род. в Женеве 1657 г.) предполагал, что *Lucam bis edidisse Actus*³³⁷. Полное и точное обоснование этой идеи принадлежит новым временам и дано в трудах Галльского профессора филолога-эллиниста Фридриха Бласса³³⁸. Его энергии и компетентности мы обязаны законченной и прочно аргументированной теорией, которая обнимает все факты и рассчитана на все возможности. Посему она вполне заслуживает несколько более специального рассмотрения.

Установив группу родственных памятников класса D, Бласс анализирует их отклонения от обычного, преобладающего текста. При этом открывается, что все они вовсе не напоминают внешних и чуждых наслоений, а находятся в живой органической связи с целым и по языку совершенно отвечают стилю Деяния. Так, в рассказе о пребывании св. Петра в Кесарии поясняется, что Корнилий мог встретить Апостола при вхождении в город потому, что был предупрежден о его приближении посланным навстречу рабом (X, 25 и ср. ст. 8), а употребленные тут (в стт. 24 и 25) глаголы *τερμένειν* (ср. Деян. I, 4) и *ἐκπηδᾶν* (ср. Деян. XIV, 14) свойственны именно нашей

книге. Слух Иерусалимских братьев о принятии язычниками слова Божия имеет свое фактическое основание в том, что св. Петр проповедовал не краткое время (διὰ ἱκανοῦ χρόνου = per tempus non modicum), образовал немалую общину и по пути благовествовал по окрестным странам (διὰ χωρῶν); терминология и здесь опять Дееписательская, сходная в тонких оттенках и сообразная со всеми обстоятельствами (для κατήντησεν ср. Деян. XVIII, 19 и др.). В этом же роде и большинство всех существенных отличий того текстуального типа, который – во избежание недоразумений – обозначается у Бласса через β.

Раз все отмеченное верно, – мы научно вынуждаемся принять, что все данные особенности запечатлены характером подлинной первичности и, следовательно, принадлежат самому «автору» или составителю книги Деяний. Ничто иное недопустимо и немыслимо, ибо подобный подлог был бы феноменальным исключением, – почти чудом, а его нельзя допускать без неустранимой необходимости, которой в нашем случае совсем не усматривается.

При указанных предпосылках вся текстуальная история рисуется -примерно-в таком виде. «Второе слово» было предназначено для вельможного сановника Феофила, и естественно, что писатель постарался представить ему экземпляр исправный и лучший даже по внешности, как это всегда и везде бывает при аналогичных условиях. Но с другой стороны трудно предположить, чтобы автор сразу мог достичь желанного совершенства во всех от. ношениях и должен был изготовить предварительную редакцию. Посему вероятно, что – по условиям тогдашнего книжного дела³³⁹ – Деяния были написаны первоначально на дешевом папирусе (в роде хранящихся в Лондоне Аристотелевских фрагментов) и были испещрены вносками, поправками, ремарками и т. п. Уже из этого чернового корригированного текста могли образоваться разные «изводы» по невнимательности или вольности копиистов, о чем говорят свидетельства древности, напр. Галена (XVII, 1). Мало того: – из показаний Катулла (XXII) о поэте Суффене мы знаем, что последний не раз переписывал

свои стихи и окончательно выпускал их на *charta regia*³⁴⁰; тоже вероятно и для открытого в новое время сочинения (псевдо-) Аристотеля *Περὶ πολιτείας Ἀθηναίων*. Но тогда справедливо возникает Цицероновский вопрос (*epist. ad fam. VII. 8:2*): *quis solet eodem exemplo plures (epistulas) dare qui sua manu scribit?* А Лука, скорее всего, был человек небогатый и, не имея при себе *servus et area*, должен был переписывать «набело» сам и при этом опять дозволил себе достаточно всяких корректур, как это и доселе бывает с каждым из нас, дающим при переписке несколько вариаций разнообразного свойства. Отсюда естественно получились две формы одного произведения и неизбежно пошли два текстуальных течения. Явление это не включает в себе ничего необычного или странного даже по новейшей литературной практике, а из древнейшей уместно напомнить об особой редакции третьей Демосфеновской филиппики. Но вот и более близкие – предметно – иллюстрации³⁴¹. По блаж. Иерониму, – Акила выпустил свой греческий перевод В. 3. в двух изданиях. По собственному признанию Тертуллиана, его *Adversus Marcionem* испытало три переработки, а книга «Против иудеев» дошла в двух изводах – *Adv. Judaeos* и в *Adv. Marc. III, 7–24*. *Institutiones* Лактанция распространялись и в первоначальной форме и в «императорской» – с посвящением и обращением Константину (*Constantine imperator!*) при соответствующих текстуальных изменениях. Сочинение *Περὶ τῶν ἐν Παλαιστίνῃ μαρτυρησάντων* Евсевий написал около 311 – 314 г. г. кратко, присоединив к VIII-й книге «Церковной Истории», но между 319–324 г. г. изложил более пространно в отдельном самостоятельном труде. Сходное принимается и для речи Иоанна Мавропода (около 1050 г.) в похвалу Василию В., Григорию Б. и Иоанну Златоусту. Пасхазий Радберт составил свой трактат *De corpore et sanguine Christi* еще в 831 году, но через 13 лет приспособил его для царственного адресата, Карла Лысого. Проф. Фр. Бласс упоминает еще о двух изданиях Аполлодоровых *χρονικῶν*, а Свида сообщает об *Ἀττικῶν ονομάτων ἐλδῶσεις δύο*. Для позднейшей эпохи достаточно указать на пять редакционных вариаций английской поэмы *Piers the Plowman*³⁴², из коих три

обязаны самому автору. А сколько подобных примеров в славянской письменности?

Ясно теперь, что разбираемая гипотеза вероятна теоретически и правдоподобна исторически. Неудивительно, что в ученом мире она большинством была встречена с сочувствием³⁴³, причем некоторые провозгласили ее открытием (Eb. Nestle) почти прямо гениальным (O. Zockler). Разумеется, нет недостатка и в оппонентах, не менее решительных в своих суждениях³⁴⁴. Сила их возражений должна служить к определению действительной ценности отмеченной теории. Ее стараются подорвать и в общих основаниях и в частных приложениях. Обыкновенно ссылаются, что проектируемая рецензия в своих текстуальных поручителях часто совпадает с господствующею, сливается с нею даже в самых характерных особенностях и потому исчезает в своей типичности, оказывается несуществующею отдельно. Это, разумеется, справедливо в значительной степени, но и за всеми подобными изъятиями получается немалый остаток, который нельзя свести к простым вариантам, а все прочее говорить лишь о том, что обе теперешние разновидности идут от общего прототипа³⁴⁵, откуда вполне естественно, что в историческом течении эти рецензии взаимно переплетались и перемешивались текстуально, и ни один список не представляет их в оригинальной неприкосновенности³⁴⁶. Не менее верно, что β не во всех своих отличиях выдержана до конца и, будучи более пространною, иногда передает дело сокращеннее. Это затруднение сохраняет всю свою силу и для оппонентов Бласса. Весь вопрос в том, где и кем оно устраняется легче, проще и рациональнее? А приведенное наблюдение прямо показывает, что тут видна опытная и властная рука, распоряжающаяся свободно и – на посторонний взгляд – даже капризно, между тем позднейший комментарий механически давал бы сплошные *addenda et corrigenda*. Авторские исправления никогда не бывают только сокращениями или расширениями, всегда допуская то и другое. Посему контракции вполне возможны и в литературных работах Луки, и вся задача науки заключается в том, чтобы угадать ближайшие побуждения

и объяснить конкретные случаи сжатого воспроизведем (напр., в IX, 12. XV, 20, 29 [ср. XXI, 23]. XVII, 18 и 31. XX, 6. XXVII, 11 – 13), наличие коих совершенно возможна, как и резонное их истолкование.

Из фактических данных Prof. W. M. Ramsay подвергает разбору два важнейших примера³⁴⁷. О возвращении Павла – после третьего благовестнического путешествия сказано (XXI, 16 –17): «С нами шли и некоторые ученики из Кесарии, провожая нас к некоему давнему ученику, Мнасону Кипрянину, у которого можно было бы нам пожить. По прибытии нашем в Иерусалим, братия радушно приняли нас». Непосредственный смысл фраз как будто такой, что Мнасон находился во святом городе и устроил там путников по рекомендации проводников, но тогда будет крайне странным, что Апостол со своею свитой не имел в Иерусалиме надежного пристанища и нуждался для сего в двойственном посредничестве. Разгадку находим в D, откуда видно, что речь идет о промежуточном селении, а присутствие в нем Киприота ничуть неудивительно после ранних известий о благовестнических хождениях по окрестным странам Кипрян и Киринейцев (XI, 20). Такое понимание необходимо и фактически. Расстояние от Кесарии до Иерусалима достигало 86 millia passuum, по 639 русских сажень каждая, или всего около 110 наших верст, 115 километров. Это пространство трудно совершить в один дневной переход, и в D полагается на весь путь два дня с ночлегом у Мнасона. Такое представление дела настолько естественно и разумно, что проф. W. M. Ramsay (- вместе с J. Rendel Harris'ом -) влагает его и в обычную редакцию, которой оно чуждо и может усвоиться лишь при пособии D, почему этот текст и является более первоначальным. И если в нем аорист ἦναι (ἦν) выражает достижение цели, то последней была именно промежуточная остановка, а вовсе не предшествующая ей, как утверждает W. M. Ramsay, напрасно ссылающийся на невероятность столь долгого путешествия. Правда, в D речь оказывается не вполне стройной, но ведь она и была потом исправлена, а это вполне согласно с Блассовой теорией.

В XXI, 1 в морском маршруте из Ефеса после Патар называются еще Миры (κάκειθεν εἰς Πάταρα καί Μύρα), и перед нами оказывается новый географический пункт, который после был автором устранен. По W. M. Ramsay'ю подобная фраза совершенно немыслима в устах Луки, потому что выходило бы, что путники нашли корабль в Мирах, а остается неизвестным, как они попали туда чрез Патары. Выводится это заключение по аналогии с упоминанием о Тимофее (XVI, 1), которого prof. Ramsay считает Листрийцем; однако, тут грамматическое строение иное – εἰς Δέρβην καί εἰς Λύστραν – и явно отмечает, что города мыслятся раздельно и последовательно. В виду сего естественнее заметку о некоем ученике связывать со вторым, как ближайшим к ней, хотя нельзя забывать, что это вовсе не несомненно, и, напр., Бласс признает Тимофея Дервийцем. Если же и здесь возможны разногласия, то тем менее справедливо усвоить безусловную категоричность слишком общей редакции εἰς Πάταρα καί Μύρα, где нет топографически-хронологической отчетливости и дается лишь суммарное описание, как и дальше (XXI, 2) сказано неопределенно: καί εὐρόντες πλοῖον διαπερῶν εἰς Φοινίκην, ἐπιβάντ' αὐτὸν ἀνήχθημεν, без указания самого места. Значит, D ничуть не отрицает, что корабль был найден в Патарах, а позднейшее внесение Мир было бы совсем непонятно, так как с ними ровно ничего особого не связывается. Поэтому и законно было потом опустить их во избежание недоразумений и по ненужности для повествовательного изображения. Миры были важным портом, о котором все знали без всяких пояснений, что попутные суда в него обязательно заходили, чтобы запастись всем необходимым для дальнейшего плавания уже в открытом море и для снискания небесного благоволения принесением жертв «морскому богу»; роль последнего перешла в христианстве на св. Николая Мир Ликийского, и отсюда позднейший культ Николы Морского или Мокрого, покровителя флота и мореплавания. Все изложенное достаточно разъясняет, почему Миры были названы в первой редакции и изъяты из второй, делая обратный процесс неправдоподобным.

Разбор возражений дает, по нашему мнению, прочный результат, благоприятный для гипотезы Бласса, а сама она весьма удачно и всесторонне раскрывает все редакционные разности Дееписательского текста. Равным образом и фактическое взаимоотношение обеих рецензий с достаточной убедительностью говорит в ее пользу. По бесспорному голосу традиции, первое Евангелие сначала написано было «по-еврейски», но скоро подлинник был заменен греческим переводом, который, как более пригодный для употребления, и вытеснил свой оригинал совершенно. Подобно сему и окончательная литературная форма Деяний получила преимущественное значение, преобладающее влияние и почти исключительное распространение, а первоначальная сохранилась у немногих и может служить лишь руководящим пособием для конкретного истолкования господствующего, сокращенного типа. Аналогия эта, конечно, весьма неполная, но она будет чрезвычайно внушительна, если мы прибавим и взвесим, что «еврейский» подлинник был крайне неудобен для широкой публики, скоро скомпрометирован сектантскими искажениями и необходимо устранялся жизненными интересами всемирной христианской миссии, между тем этих затруднений в отношении книги Деяний не существовало, и не было необходимости в совершенном вытеснении первичного, пространного изложения.

Мы исчерпали все важнейшее в текстуальном предании Дееписательского рассказа и можем теперь констатировать, что последний и с этой стороны не возбуждает сомнений в своем содержании. Вместе с этим открывается путь к признанию

Фактическая достоверности книги Деяний Апостольских

по самому источнику сообщаемых в ней сведений.

По этому предмету имеются безусловно убедительные основания в самых особенностях повествовательной речи. Она ведется в форме объективного реферата, который не раз прерывается субъективно-индивидуальными вторжениями со стороны автора. В рассказе о событиях в Троаде во время второго апостольского путешествия св. Павла употребляется фраза (XVI, 10): «мы положили отправиться в Македонию», и ее нельзя понять иначе, как в том смысле, что в благовестнической свите был и сам писатель. Он же является в такой форме в известиях по прекращению Ефесского мятежа, когда читается, что вышедшие вперед «ожидали нас в Троаде» (XX, 5). Это «мы» опять встречается в речи об отплытии из Кесарии в Рим (XXVII, 1: «когда решено было плыть нам в Италию») и отчетливо выступает в заметке о прибытии в вечный город (XXVIII, 16: «когда же пришли мы в Рим»).

Все подобные указания случайны и не дают твердой опоры для выяснения ближайших подробностей сопровождения историографом великого миссионера. Естественно, что на этот счет возможны большие колебания и немалые споры. Несомненно однако, что если даже рассказ в третьем лице не исключает непременно таинственного спутника из числа бывших при тех или иных эпизодах, то «мы» прямо требуем его присутствия. А такие пассажи составляют около $\frac{1}{10}$ части книги Деяний (97 на 1007 стихов)³⁴⁸. Посему чрезвычайно важно для нас, что очень большое количество знаменательных событий истории Павловой и происходило на глазах писателя, наблюдалось им непосредственно. Пусть это не был Лука, но ведь и критика соглашается, что тут заметки очевидца, хотя бы и внесенные в целостный труд позднее из безыменного дневника, а для оценки достоверности сообщений ничего больше и не требуется. Здесь констатируется тесная близость к св. Павлу самого Дееписателя, или его неведомого поручителя.

Этим мы необходимо вынуждаемся думать, что Апостол языков сам передавал своему доверенному спутнику о выдающихся фактах и актах своих миссионерских подвигов. По примеру Тимофея мы хорошо знаем, с какою осмотрительностью выбирал он своих сотрудников, а по обострению принципиального вопроса об эллинском благовестничестве из-за Тита в Галатии (Гал. II, 3) видно его ближайшее, чисто апостольское взаимное соотношение с помощниками. Понятно, что при подобных интимно-внутренних связях и натуральна, и обязательна точная осведомленность в апостольской работе всех ее призванных участников, поскольку они совершали ее с личной апостольской ответственностью.

Отсюда получаем, что значительная часть книги Деяний является почти рефератом очевидца – прямо или косвенно. Но тут вызывает сильное удивление столь неожиданное и ничем не мотивированное применение формы «мы», причем это лицо появляется в роде *Deus ex machine*, ничуть не будучи необходимым для развязки запутанной коллизии, поскольку таковой не было ни в одном из разумеемых случаев. Фактически этого не было, ибо не могло быть таких внезапных и отрывочных сближений. Тимофей – не образец и не оправдание для более решительного повторения, потому что там и рекомендацией братьев и потребностями миссии удовлетворительно раскрывается, почему и зачем он *ex abrupto* был взят на великое служение. Здесь нигде не отмечается и не предполагается ничего подобного, а потому для разумного понимания мы должны допустить раннейшие соприкосновения между благовестником и учеником. И D свидетельствует, что пророк Агав в Антиохии предрек предстоящей голод, *συνεστραμμένων δὲ ἡμῶν* (XI, 27 – 28), между коими будет и пишущий, как член данного собрания. Тогда Антиохийские события оказываются происходившими пред его взором, а через других Антиохийцев он получает надежный доступ к основательному осведомлению с разными движениями в этой важнейшей первохристианской церкви.

Едва ли нужно аргументировать специально, что такое двойственное посредство – Антиохийской общины и Апостола

Павла – открывало широкую и верную возможность собрать хороший и обильный материал касательно исторических судеб возрастающего христианства. Так, насчет обращения Савла заимствовано, конечно, из уст его самого, а это величайшее событие было тесно связано с деятельностью Стефана, речь которого должна была глубоко запечатлеться в душе молодого фарисея и иногда тенденциозно считается первоосновой богословия Павлова, но, несомненно, слышится известными созвучиями в апостольских посланиях. Следовательно, и по этому предмету источник ясен и безупречен. В остальном проследить его труднее, хотя и там достаточно опорных пунктов. Отмечается, что вместе с Павлом референт был в Кесарии у Филиппа (XXI, 8), и этот последний, активно участвовавший в первохристианских движениях (VI, 5.VII,5 сл.), – разумеется, – не замедлил посвятить во все тайники славного прошлого касательно провозглашения имени Распятого³⁴⁹. Не маловажно, что в это время приходил сюда и Иерусалимский пророк Агав (XXI, 10), имевший прочную и обширную информацию о первенствующем христианстве. За сим достойно внимания, что огорчивший некогда св. Павла Иоанн Марк снова снискал его отеческое благоволение и был с ним в Риме (Кол. IV, 10; Филим. 24 и ср. 2Тим. IV, 11), где находился и Дееписатель. Такая встреча и содружество гарантировали многое. Племянник Варнавы (Кол. IV, 10) был сыном Марии, владевшей в Иерусалиме собственным домом, который, видимо, был давним и обычным, общепринятым прибежищем для верующих (Деян. XII, 12). Само собою понятно, что в этой благочестивой семье тщательно собирались и заботливо сохранялись дорогие христианские предания и светлые воспоминания. Их известность Марку бесспорна, но не менее несомненно, что он в точности сообщил о них своему сотоварищу, если мы видим, что последний с наглядной пунктуальностью и яркою живостью говорит об избавлении св. Петра, не забывая даже «отроковицы» Роды, с ее опасениями, радостями и пр. Наконец, имя Марка встречается в первом Петровом послании (V, 13), и все древние авторитетные данные удостоверяют его теснейшую связь с этим Апостолом, почему

он был носителем и «истолкователем» традиций Петровых, т. е. древних, полных и бесспорных. Возможно еще участие Аристарха, Гаия³⁵⁰ и Силы³⁵¹.

Если мы сообразим все изложенное, то получится, что почти все содержание рассматриваемого творения сводится к свидетельствам участников и очевидцев и не требует иных, темных источников и пособий, какие столь напрасно отыскивает критика другими рискованными способами. Для первой части бесспорны и письменные³⁵² и устные материалы³⁵³, для второй – это сам Лука³⁵⁴. Затруднения и вопросы разрешаются простым фактом, обеспеченным самою книгой, что

Дееписатель был спутник св. Павла

и чрез него и с ним находился в близком общении, с кругом апостольским и с теми, кто изначально подвизался на поприще созидания христианской церкви. Истинность этого тезиса стоит весьма твердо и не поддается критическим атакам, так как непосредственность описаний отчетливо сказывается даже в посторонних, технических подробностях³⁵⁵. Не будем говорить о суетности тенденциозных гаданий, будто «мы» есть только искусственный литературный прием и, будучи чистейшей фикцией, не предполагает никакой конкретной личности, кроме фальсификатора. Это решительно опровергается самим характером соответствующих рассказов с их пластической наглядностью и пунктуальной отчетливостью. Равным образом подобное самозванство было бы чудесною необычайности во всей новозаветной литературе, где нельзя указать ничего аналогичного для такого темного употребления формы «мы», – тем более что этот подлог был бы совершенно бесцельным, ибо данный оборот применяется довольно редко и не связывается с какими-либо особыми интересами, а самая личность остается в неизвестной тени. Древние литературные фальсификаторы умели действовать смелее и прямее.

Гораздо серьезнее возражение, якобы книга Деяний противоречит посланиям св. Павла, а в его спутнике это совсем немыслимо. Мы навсегда были бы разбиты на голову, если бы столь убийственное утверждение оказалось справедливым хотя в самой малой степени. Но должно наперед заметить, что критика исходит здесь из субъективно-тенденциозного понимания личности эллинского благовестника и искажает подлинный апостольский образ, как он представлен в собственных писаниях Павловых и в Деяниях. Рисуют Апостола свирепым антиномистом и фанатичным врагом еврейства. Понятно, что такой монструозный тип не мирится с исторической реальностью и отрицает ее, доказывая тем, что в ней он просто невозможен и – значит – никогда не существовал фактически. В своих посланиях св. Павел выступает в качестве осаждаемого

полемиста, сосредоточенного исключительно на догматически-отвлеченной защите штурмуемых основных позиций, и – следовательно – открывается односторонне. Поэтому и в католической церкви он сохранялся больше в Деесписательском изображении, чем в эпистолярном³⁵⁶, ибо второе было узко теоретическим и лишь первое явилось жизненно-целостным, хотя бы и не столь выдержанным, как реально многосложное. Правда, «протестантское сознание» не желает знать ничего о таком Павле³⁵⁷, но тут лишь застарелое предубеждение, лишенное научной солидности. Беспристрастный в этом вопросе проф. Ад. Гарнак даже о ритуализме апостольском свидетельствует, что Павел, будучи природным евреем, мог исполнять с чистой совестью обрядовые и подобные акты по влиянию момента, но делал это добровольно и с искренним благочестием везде, где не мешали сему миссионерские интересы в отношении иудеев. Павел не просто «становился» евреем для евреев, а фактически был и оставался также и иудеем. Ничто в его посланиях не говорит против того, что, бывая во святом городе, он участвовал в храмовом культе наряду со своими Иерусалимскими братьями. По посланиям к Римлянам и Галатам, это как будто невозможно, однако данное толкование вовсе не обязательно. Не менее допустимо расширенное понимание благовестнической личности Павловой, и сопоставление с другим убеждает в его прочности³⁵⁸. Тут самый критический базис оказывается зыбким, и естественно, что согласно сему принимаются лишь соответственные по содержанию аргументы, которые почитаются сильными именно своей слабостью.

Об этом говорят и все приводимые примеры. По словам Деесписателя (IX, 8 сл.), по видимому, выходит, что – после своего обращения – Савл все время пребывал в Дамаске и оттуда – по козням иудеев – удалился в Иерусалим, где был рекомендован Варнавою «учеником», а в послании к Галатам эти моменты разделяются тремя годами – с путешествием в Дравию, после чего новопросвещенный отправился во святой город прямо для «согляданья» Петра и – кроме него – видел там только Иакова, брата Господня (Гал. 1, 15–19). Разница в

этих рефератах несомненна, но они ничуть не исключаются взаимно. Их вариации и особенности понятны и неизбежны, поскольку цели тут не тождественные: один следит за внешним ходом событий и отмечает внешнюю смену главнейших стадий, – другой проникает во внутренний мир корифеев и обнаруживает сокровенные движущие причины явлений. Натурально, что совпадения в деталях нет, – и там говорится о покушении иудеев, здесь определяется, по каким побуждениям и для чего Савл направился именно в Иерусалим. Сообразно своим намерениям св. Павел передает лишь о преднамеченном свидании, а Дееписатель упоминает о внешних условиях Иерусалимского пребывания, причем его неопределенное «Апостолы» (Деян. IX, 27) нимало не противоречит двойству таковых в лице Петра и Иакова. Что до Аравийского эпизода, то хронологические термины Деяний (IX, 19, 23) – «дни некие» и «дни доволни» – по свойству библейского языка совершенно допускают применение к целому трехлетию, хотя сами по себе и не предполагали бы его. На промежуточное удаление не имеется прямого намека, и все-таки места для него достаточно. Мы думаем так. Сначала христианская проповедь Савла была почти совсем бесплодна и вызывала неблагоприятное удивление, но затем он более и более укрепляется и приводит иудеев в замешательство самую христианской аргументацией (Деян. IX, 21–22). Едва ли тут допустима теснейшая хронологическая преемственность, которая маловероятна и психологически и фактически. По нашему мнению, в этом случае обязателен связывающий оба момента перерыв, каковым исторически и было Аравийское уединение Павлово. Значит, соглашение по этому пункту-далеко не невозможно, и безупречность Дееписателя защитима удовлетворительно³⁵⁹. Это справедливо и для другого примера. По сообщению Павла (в I Фесс. 1, 2, 6), он восхотел остаться в Афинах один и – для утешения Фессалоникийцев – послал к ним Тимофея, с которым встретился потом уже в Коринфе. По отчету Деяний (XII, 14 – 15. XVIII, 5), – Сила и Тимофей остались в Верии, когда Апостол отправился в Афины, распорядившись о скорейшем прибытии их, хотя фактически они пришли к нему даже не в начале его

Коринфской жизни. Из самых этих сопоставлений ясно, что заповеданная поспешность была относительная и фактически могла ограничиваться непредвиденными условиями, а потому совместима и с путешествием Тимофея в Фассалонику. Нам не сказано, где и откуда именно было повелено и устроено данное отправление, и здесь допустимы разные вероятные комбинации. Вполне мыслимо, что – рассчитывавший прежде на Афинское сотрудничество названных лиц – св. Павел на месте, сообразуясь со всей обстановкой, нашел его не столь необходимым и предпочел отправить их в Фессалонику в виду рьяной и ожесточенной агитации членов Фассалоникийской синагоги (Деян. XVII. 13), о чем и дал наказ бывшим в Верии помощникам через сопровождавших его до Афин Верийцев. Эта гипотеза удовлетворяет всем запросам объективной научной пытливости и кажется самою правдоподобной, ибо Дееписатель упоминает об ожидании Апостолом в Афинах Силы и Тимофея (XVII, 16) и их краткий приход, конечно, отметил бы с пунктуальностью. Вся неясность создается лишь сжатостью Павловой фразы, но иногда тоже вызывается и Лукой, который отличается строгой экономностью языка³⁶⁰. Сюда относится третий случай сдержанности Дееписателя (XVI, 6. XVIII, 23) в известиях о Галатийской церкви, где, судя по посланию к ней, благовестник трудился не кратко и немало. Но ведь всегда об одном событии можно передавать и сжато и пространно, ничуть не искажая истины и даже служа ей с равным усердием. Требуется только, чтобы для сего были оправдательные мотивы, резонно объясняющие подобные уклонения. Для Апостола они понятны и заключаются в том, что он адресуется к самим Галатийцам и, естественно, воспроизводит с полнотой сцены своего пребывания у них – не в качестве объективной справки, а по непосредственной реминисценции. При изображении малоазийского периода второго апостольского благовестия Павлова историограф следит преимущественно за осуществлением велений Духа и потому не останавливается долго на Галатии, которая не входила в предначертанный благовестнический план, как и действительно св. Павел сначала задержался там чуть ли не прямо по болезни (Галл. IV, 13). Но

что и по Деяниям первое посещение данной области было не мимолетным, – об этом мы должны догадываться по решительной заметке (Деян. XVIII, 23), что при вторичном визите Галатии Апостол «утверждал там всех учеников» (ἐπι-στηρίζων πάντας τοὺς μαθητάς), а это предполагает далеко не мгновенную раннейшую его деятельность миссионерски – просветительного характера.

Не будем входить в излишние подробности по данному, симфонистическому вопросу. Для конкретного суждения довольно и приведенных иллюстраций. Охотно и открыто констатируем, что соглашение Деяний с Павловыми посланиями не совсем легко и часто покоится на гипотетических предпосылках. Однако все это возможно без всякого пожертвования научными приемами³⁶¹ и с несомненными приобретениями для научного познания. Тогда нам нет надобности ни смущаться, ни утруждаться тенденциозными возражениями, будто Дееписательский тип Апостола Павла не совпадает с его самоизображением. Мы спокойно можем ограничиться встречным требованием, чтобы критика сначала исчерпала все научные средства к воссозданию целостной биографии на основании данных этих двух классов и с неотразимостью раскрыла абсолютную неосуществимость подобной задачи по коренному взаимному противоречию между ними. Такова обязательная критическая норма в отношении всех аналогичных литературных памятников. Раз в нашем случае она не выполнена, – мы получаем неоспоримое научное право принимать наиболее вероятное, что Дееписатель был близким спутником Павловым³⁶². Отсюда в дальнейшем вытекает с необходимостью, что «второе слово» к Феофилу произошло от того же лица, что и первое, а это последнее – по твердому преданию – составлено св. Лукой. Поэтому должно думать, что

Дееписатель – это Евангелист Лука

Кто со скептицизмом упорного отрицания отвергает эту формулу, – тот, прежде всего, обязан убедить, что св. Лука не включается в «мы» и не был разумеемым тут спутником Павловым. В этом смысле высказано было несколько предположений, и разбор их должен служить к косвенному освещению подлинного предмета.

Со времен Шлейермахера многие (De Wette, Ulrich, Davidson, Bleek, Meyerhoff, Sorof) пробовали убедить, что это был Тимофей. С теоретической точки зрения в этой догадке нет ничего несообразного, но фактически она устраняется прямыми словами книги (Деян. XX, 4–5), что при возвращении Апостола из Еллады в Македонию его сопровождали до Азии Сосипатр Пирров, Вериянин, и из Фессалоникийцев Аристарх и Секунд, и Гайй Дервянин и Тимофей, и Асийцы Тихик и Трофим, причем «они, пошедши вперед, ожидали нас в Троаде». Здесь Тимофей со всей ясностью отличается от «мы», и критика вынуждается считать двинувшимися заранее лишь Тихика и Трофима, но δέ (Ἀσιανοί δέ, Τυχικός καί Τρόφιμος) отмечает распределение упоминаемых лиц по местным группам и заставляет относить οὗτοι ко всей их совокупности со включением Тимофея, который и при другом толковании ничуть не предполагается в числе «нас». Догадка (Scwanbeck'a) насчет Силы (Силуана) устраняется не менее легко и бесповоротно, поскольку форма «мы» исчезает именно там, где он оказывался один с Павлом, отличаясь от «нас», бывших специально при Апостоле (XVI, 17: αὐτῇ κατακολουθοῦ(ήσα)σα τῷ Παύλῳ καί ἡμῖν. 19; ἐπυλαβόμενοι τόν Παύλον καί τόν Σίλαν), и во всяком случае не покрывающихся особо названным лицом Силы. Мысль Тите зародилась в критических кружках (Horst, Kneucker, Krenkel, Jacobsen) вследствие неудовлетворительности всех других и – по существу своему – поддерживается только этой искусственной комбинацией. Опровергать ее столь же трудно, как доказывать, потому что совсем не имеется реальных данных для этой гипотезы. Тем не менее, беспочвенность ее несомненна, что

понятно хотя бы по единичному соображению. Из послания к Галатам (II, 1 сл.) ясно, что во время «вторичного» посещения Иерусалима св. Павлом при нем был Тит, как его доверенный личный представитель, присутствие которого вызвало напряженные осложнения и грозило крайне опасными, почти роковыми затруднениями. Для нас здесь абсолютно безразлично, какой собственно визит разумеется у Апостола: был ли он по причине голода (Деян. XI, 30. XII, 25), на Апостольский собор (XV, 2 сл.), или по завершении второго миссионерского путешествия, – это все равно и нашего вопроса не касается. Важно и существенно лишь то, что нигде тут не встречается характерное «мы», а это невероятно, если бы Дееписателем был Тит, потому что автор в своем историческом реферате опустил бы самый выдающийся момент своего участия в благовестнической работе учителя и подчеркивал бы свое имя при тех эпизодах, где не играл особенной роли. Вот это действительно недопустимое *contradictio in adjecto*, освобождающее нас от всяких дальнейших споров!...

Теперь достаточно сопоставить два ряда, чтобы получился прочный итог. Нам предлагают разных лиц, которые не называются преданием, а одно определенное прямо указывается первым и вполне согласно со вторым: – можно ли здесь колебаться в убежденном выборе? Значит, не имеется ни малейших побуждений и достаточных извинений к тому, чтобы считать Дееписателем, спутником Апостола Павла, не Луку, а какого либо неведомого и невероятного литературного икса. В равной мере нельзя различать его и от третьего Евангелиста, о чем столь много хлопочут безнадежные и неисправимые критики.

Мы не будем говорить о «филологическом» сходстве обеих книг, ибо близкое совпадение их по языку достаточно раскрыто и почти общепринято. Мы остановимся на том существенном свойстве всякого исторического труда, что для него обязательна хронологическая пунктуальность. Ею не блещет в изобилии и трети синоптик, однако для начала проповеди Иоанновой, тесно связанной с открытием общественная служения Христова, даются многочисленные и точные хронологические указания

синхронистического свойства (Лк. III, 1–2; ср. ст. 23). Ничего подобного не усматривается в книге Деяний, и отсюда рождаются сомнения и возражения. На первый взгляд отмеченное явление, действительно, кажется неожиданным и непостижимым в специально историческом труде, но прежде всяких изумлений и отрицаний нужно вдуматься в самый предмет и тщательно взвесить все данные. Тогда мы поймем, что в первоапостольской истории не встречается и отдаленно равного события, напоминающего фактическое наступление спасительного избавления Христова. В нем был поворотный момент всего мирового течения и источник христианской жизни, из него возникающей и с ним безусловно обеспеченной в своем существовании. Посему в последнем допустимо лишь непрерывное развитие при внутренней преемственности всех стадий, из коих все – принципиально – одинаковы, поскольку равно держатся на общей для них божественной первооснове. С этой точки зрения было бы субъективным произволом намеренно выдвигать те или иные отдельные пункты, которые в этом случае потребовали бы в большинстве своем хронологической датировки, а эта погодная летописность совсем не соответствовала задачам священной историографии с доминирующими в ней сотериологически практическими интересами. Этим вполне удовлетворительно объясняется отсутствие в Деяниях синхронистических сближений, хотя нельзя не напомнить, что Иерусалимский голод называется бывшим ἐπὶ Κλαυδίου (IX, 28).

Затем несомненно, что во «втором слове» к Феофилу хронологических терминов все-таки больше. Не все они отчетливы для нас, но первейшая причина сему в том, что наши сведения в этой области недостаточны, и мы не знаем всех фактических отношений и действительного положения вещей, где все должно разрешаться с бесспорностью в ту или другую сторону. За этими ограничениями и изъятиями, у нас остается достаточно опорных пунктов для вероятных хронологических вычислений. Важнейшим для общей хронологии надо признать прямое свидетельство Деяписателя (XXV, 12. XXVI, 32), что св. Павел был отправлен в Рим при игемоне Порции Фесте. О его

предшественнике Феликсе говорится, что – по своем отозвании – он был обвинен иудеями пред Нероном (13 октябри 54 г. – 9 июня 63 г.) весьма серьезно и спасся от жестокой кары только по заступничеству своего брата Палланта (Jos. Flavii Antiqu. XX, 89), который был отравлен этим императором в 62 году (Tacit. Annal. XIV, 65), почему смена «правителей» Иудеи должна быть раньше этой даты. Солидарно и другое указание, что Иосиф Флавий, родившийся в первый год Кая (Калигулы: 16 марта 37 г. – 24 января 41 г.), или в 37–33 году по р. Хр., рассказывает, что в двадцатилетнем возрасте он ездил в Рим хлопотать за осужденных Феликсом родственников-священников (Vita 3, 1), а это приводит к 60-м годам. Трудно допустить, чтобы иудейский историк слишком замедлил со своею защитительною миссией, открывавшийся лишь с увольнением Феликса, а в таком случае имеется достаточно времени до 62 года. Посему не без основания принимается для назначения Феста 61-й год³⁶³. Вычитая отсюда двухлетнее Кесарийское заключение (Деян. XXIV, 27), – для ареста Павлова будем иметь 59 й год. Это точно согласуется с историческими сведениями о Феликсе. По словам Тацита (Annal. XII, 54), он – в качестве правителя Самарийского – и Куман Галилейский были вызваны к Сирийскому наместнику Квадрату в 52 году, но первый оправдался и, по-видимому, вскоре получил власть над Иудеей³⁶⁴. Неудивительно теперь, если в 60 году Апостол говорит Феликсу (Деян. XXIV, 10): ἐκ πολλῶν ἐτῶν ὄντα σε κριτήν ἰῶ ἔθνει τοῦτο ἐπιτύχμενος . Все эти сопоставления и совпадения позволяют думать, что св. Павел был арестован в 59 году, пробыл в заключении до 62 года и находился в Риме под надзором до 64 года.

Эта хронология, конечно, лишь приблизительная и не гармонирует с древними определениями (Евсевия в Chron. по ed. Л. Schone II. 148 sqq.; блаж. Иеронима De viris illust. VII; ср. Евфэлия у Zacagnius, Monum. vet., p. 529, и Cramer'a в Caten. ad Ret. Rpost.), которые назначают иные термины: Феликс послан в Иудею в 10–11 й год Клавдия (в январе 50/1 или 51/2 г. по р. Хр.), Фест – во второй год Нерона (в октябре 55/6 г.), Альбин – в 7-й (61 й) г. Эту схему разделяют и некоторые современные авторитеты³⁶⁵, и – сама по себе – она не колеблет

компетентности Дееписателя, а только сомнительна безотносительно и совсем напрасно создает коллизии между историческими показаниями документов, для чего нет ни поводов, ни оправданий. Евсевий почерпает свои сведения из Юлия Африканского³⁶⁶, который примыкает здесь к Иосифу Флавию, но именно за обсуждаемый период последний недостаточно информирован и пунктуален³⁶⁷ и далеко не всегда подтверждает церковного историка, как это ясно по ближайшему к нашей речи примеру: по Иосифу

Фл. выходит, что Египтянин-возмутитель, пред днями ареста Павлова увлекший в пустыню четыре тысячи разбойников (Деян. XXI, 33), действовал при Феликсе (Antiqu. XX, 8:6) в царствование Нерона – и это согласно с Дееписательскими данными и спроектированной выше хронологией, между тем по Евсевиевой системе св. Павел пришел в Иерусалим при Клавдии (24 января 41 г. – 13 октября 54 г.). Значит, все эти разногласия вовсе не подрывают хронологической осведомленности Дееписателя, а если его упоминания, сделанные случайно и неопределенно, вызывают разные толкования, то это не противоречит авторской личности третьего Евангелиста, потому что ведь и более специальная заметка последнего о Квириниевой переписи продолжает плодить много споров и гипотез. В этом пункте скорее подтверждается их литературная солидарность, вполне понятная при персональном тождестве.

Это заключение оправдывается и другим свидетельством Дееписателя (XII, 19 – 23) о смерти царя Ирода Агриппы I (37, 40, 41–44 г. г. по р. Хр.), который – по Иосифу Флавию (Antiqu. XIX, 8:2) – скончался в Кесарии в четвертый год Клавдия, или в 44 году³⁶⁸, а по книге Деяний (XII, 25) это было около времени пребывания Варнавы и Савла в Иерусалиме в качестве Антиохийских посланников туда для помощи по случаю голода (XI, 27-30). Вот тут и высказываются³⁶⁹, что последнее событие рисуется невероятными чертами, как бывшее «по всей вселенной» (XI, 23), почему и весь реферат о благотворительной миссии из Антиохии является фальшивым. Но Дееписатель не говорит, что все это происходило со

строжайшей одновременностью³⁷⁰, а лишь «в то время» (XII, 1), обнимавшее несколько эпизодов и ничуть не покрывавшееся только фактом голодовки. Тогда нельзя никоим образом утверждать, что последняя мыслится ставшей «вселенским» несчастьем в один год позорной смерти Иродовой. Это есть совершенно произвольное перетолкование, якобы бедствие разом и в краткий срок охватило orbem Romanam, ибо рассказ допускает понимание в смысле разновременности поражения по различным местам империи. А в этом смысле имеется достаточно исторических оправданий. Светоний (Claud. 18) констатирует assiduae slerilitates в правление Клавдия, другие свидетели упоминают о голоде в Риме в начале его (Dio Cass. LX. 11. flurel. Victor. Caes. 4), в 9 –10 м или 11 м году (Euseb. Chron. ed. Schoene II, 152–153, по армянскому тексту и по блаж. Иерониму; Oros. VII, 6, 17; Tacit. Annal. XII, 43), а в 8–9 м и в Греции (Euseb. Chron. 1. cit.), затруднения же столицы решительно убеждают в хлебном оскудении богатых поставщиц зерна по Средиземному морю. Таков прежде всего Египет, но нет препятствий относить сюда и Иудею. Именно при Клавдии (около 45 г.) иудейская прозелитка Елена, мать Адиабенского царя Изата, помогала жизненными продуктами страждущим Иерусалимлянам, закупая в Египте хлеб и на Кипре фиги (Jos. Flav. flntiqu. XX. 5: 2). Разве это не соответствует Дееписательской фразе по ее разумному значению, что голодание захватывало разные местности Римской империи? И мог ли кто-нибудь говорить и понимать ее иначе, если всякому была очевидна явная абсурдность подобной интерпретации, обрекавшей на вымирание целое богатое государство? Но о многократных голодовках в отдельных его провинциях по свойственной древним преувеличенности вполне дозвоительно было говорить, как о «вселенском» голоде. В отношении Иудеи (и Иерусалима) мыслится, конечно, бывший при Елене Адиабенской голод около 45 г. Если мы даже допустим, что Варнава и Савл во все продолжение его оставались во святом городе, – и тогда возвращение их в Антиохию упадет на 45 г., поскольку двухгодичная длительность голодания едва ли возможна.

В результате находим, что Дееписательская дата вполне приемлема фактически и представляет достаточную опору для приблизительных вычислений, а разве это дисгармонирует с историографической манерой третьего Евангелиста? Не правильнее ли будет совсем противное? С обратным приходом Антиохийских посланцев связывается наиважнейшее решение Антиохийской церкви о специальном развитии и расширении христианской евангелизации (Деян, XII, 1 сл.). Этот момент был разделяющей гранью для новой, всемирной миссии и хронологически квалифицируется вполне резонно, как поворотный пункт в движении апостольской истории, т. е. в духе св. Луки. Равным образом и после хронологические отметки приводятся весьма удачно, потому что арест Апостола сопровождался распространением до центра всей Римской державы самого благовестия Христова согласно эссенциальному его требованию и божественному предназначению (Деян. XIX, 21. XXIII, 11. XXVII, 24). Частные хронологические расчисления – соответственно постепенному ходу Дееписательского рассказа – сопряжены с большими трудностями и подлежат особому изучению, но для нашей ближайшей цели этого здесь не требуется. Заслуживает внимания только общее заключение, что – не щедрый чрезмерно на хронологические справки, – историограф пользуется ими умело и применяет, кстати, в самых удобных случаях. Это характерный метод третьего синоптика, и-по несомненному сходству с ним вданном отношении-Дееписатель естественно отождествляется с Евангелистом.

Такое научное наблюдение снова удостоверяет истинность изначального предания, что апостольский век обрисован опытной рукой св. Луки. Древнее общепринятое мнение³⁷¹ – помимо его исконности и повсюдности – обладает всеми свойствами фактической авторитетности. Оно называет его Антиохийцем, и кодекс D прямо причисляет Луку к членам Антиохийского братства. Свящ. летописец был спутником эллинского благовестника, не редко соучаствуя в известных исторических событиях и образуя с ним объединенное «мы», – и по посланиям апостольским Бесспорно, что Лука находился при

Павле в Риме и в первые (Кол. IV, 14. Филип. 23) и во вторые (2Тим. IV, 10) узы. Ясно по этому, что он действительно сопровождал Апостола языков и находился в тесных и длительных связях, был для него «возлюбленным» «споспешником», сохранившим сомоотверженную верность своему учителю в тяжкие времена измены других. Этот Лука был по образованию и по профессии врач и, конечно, обладал сравнительно высокой научной просвещенностью, а это опять же совпадает с несомненными литературными достоинствами третьего Евангелия и книги Деяний. Не менее понятно, что муж человеколюбивейшей специальности был привлечен к спасительному врачеванию изболевшего языческого мира и присоединился к великому миссионеру именно в тот момент, когда он решил перешагнуть на почву Греции.

Со всех сторон и при всяких точках зрения блестяще оправдывается древнехристианское и непрерывное убеждение, как будто имеющее слабые отголоски и в текстуальных вариациях³⁷², что Дееписателем был св. Евангелист Лука. В таком случае не видится ни оснований, ни побуждений отвергать

Подлинность книги Деяний

Подлинность книги Деяний, засвидетельствованной весьма прочно и отчетливо. Уже в Климентовом послании цитируются (1 Сог. 2) слова Господа «приятнее давать, чем принимать», а они встречаются лишь у Деяписателя (XX, 35), труд коего явно предполагается у Варнавы (epist. 19) и в Διδαχή (4), в посланиях (Smyrn. 3 и Деян. X, 41; Magnes. 5 и Деян. 1, 26) и в мученических актах св. Игнатия Богоносца (5 и Деян. XXVIII, 13–14), у Поликарпа Смирнского (Phil. I, 2 и Деян. II, 24. X, 42), в письме (усвояемом J. Quarr в «Hermathena» XXII, p. 318–357 Ипполиту Римскому) к Диогнету (3 и Деян. XVII, 24 сл.) и у Иустина Мученика (Apol. I, 50 и Cohort. ad Graec 10 ср. Деян. VII. 22; Dial. с. Tryph. 36 и Деян. XXVI, 22). У Тертуллиана (adv. Marc. V, 2) прямо упоминается книга Деяний, которая была в обращении у эвонионов (Epiphan. haer. XXX, 16), севериан (Euseb. h. e. IV, 29), манихеев (August. de utilit. credent. 7; contra Adamant. XVII, 5; contra Faust. XIX, 31) и у Феодога (Epiphan. haer. LIV, 5), известна компилятору апокрифа «Заветы XII ти патриархов» (Test. Beniam. 9, 11) равно язычнику Лукиану и – в качестве писания священного – изъясняется у И. Златоуста. Свидетелями западной традиции служат Мураториев фрагмент, послание Лионских и Вьеннских христиан и Иринея, из Африканцев имеем Тертуллиана и от Александрийцев – Климента и Оригена. Не удивительно, что у Евсевия (h. e. III, 25) Деяния причисляются к τὰ ὁμολογούμενα, и его утверждение гласит, что это благоприятное суждение покоилось на всеобщем согласном признании всех по причине непрерывности христианского предания, или по его исконности.

С этой точки зрения не особенно важны и критические сомнения насчет подлинности и древности соответствующих патристических памятников, потому что они – принципиально – ничуть не ослабляют их истинной свидетельской силы. Дело в том, что там не просто констатируется голый факт наличия той или другой новозаветной книги, но каждая принимается в достоинстве апостольской и рекомендуется по обязательной

для всех священности, а это указывает на ее раннейшее существование и церковное санкционирование. Фальсификат недавний, конечно, не мог сразу приобрести подобного исключительного авторитета, и одна повсюдность последнего несовместима с мыслью о подлоге. Разумеется само собою, что для появления литературных контрафакций должен быть основательный мотив в настойчивых запросах жизни, чтобы они не возникали *ex abrupto* и казались не чудесными, а натуральными продуктами для удовлетворения фактических потребностей. Обыкновенно думают и рекламируют, что в данном случае этим возбудителем было примирительное стремление, желавшее сгладить крайности петринизма и павлинизма и сблизить оба эти направления, почему образ эллинского миссионера приспосабливается к Апостолу обрезания, который в свою очередь подгоняется к стилизированной личности Павловой, чтобы получилось нечто среднее, усвоенное и увековеченное «кафолическою» церковью. Едва ли такие тенденции соответствовали настроениям той эпохи, когда, напр., из Климентин нам слишком известно, что теперь приходилось не Павла уравнивать с Петром, а – напротив – Петра наделять речами и актами Павловыми. Всякое иное понимание и построение будет не историческим и, следовательно, не реальным, или фальшивым.

Наконец, должно отметить и то, что книга Деяний усвояется не какому-нибудь христианскому светилу апостольских времен, а скромному спутнику Павловому с именем совсем не громким. Эта черта является наилучшим удостоверением фактической истинности традиции, которая иначе-подобно всем апокрифически-апокалиптическим современным произведениям – сумела бы украсить себя более блистательным ореолом. Критика же должна с научною солидностью раскрыть, почему Деяния приписаны невидному апостольскому мужу Луке, и не может объяснить этого с приблизительной убедительностью, почему наиболее трезвые представители ее не усматривают иного исхода, как согласиться, что он фактически сопровождал эллинского миссионера и ему принадлежат отделы с «мы» и все связанные с ними части в виде целой историографической

книги, которая и будет его авторскою литературною собственностью.

Но если пред нами подлинное творение спутника Павлова Луки, то и

Время издания книги Деяний

нельзя отодвигать за границы апостольского века³⁷³, хотя точнейшую дату отыскать нелегко. Дееписательский рассказ прерывается на упоминании о двухлетнем пребывании Апостола Павла в Риме, и отсюда многие – еще со времен Евфалия – утверждали, что тогда именно и было составлено это Павлинистическое творение, в наибольшей части посвященное жизнеописанию эллинского миссионера. Но это мнение опирается на шатком предположении об одновременности событий с их письменным изображением что всячески и всегда несправедливо принципиально и фактически. У новейших ученых присоединяется еще вспомогательный аргумент, будто – иначе – Лука не умолчал бы о дальнейшей судьбе своего учителя. Такое гадание создается на фальшивом понимании книги Деяний в качестве чисто исторического труда, между тем она преследует совершенно идейные интересы и выдвигает отдельные личности лишь в меру соответствия им, почему индивидуальные подробности были для нее не нужны во всех реалистических чертах. Деяния – вовсе не биография двух первохристианских корифеев³⁷⁴ и ничуть не возвышает ни того, ни другого³⁷⁵, а рисует историческое осуществление спасительного божественного плана, – и когда последний оказывается исполненным – писатель немедленно кончает по благочестивому убеждению, проникавшему всю работу: soli Deo gloria!³⁷⁶. Более точную дату находят, у Иринея (Contra haer. III. 1у М. gr. VII, 244, и Eusab. h. e. V 8:3) в словах о Петре и Павле, что μετὰ δὲ τὴν τοῦ τῶν ἑξοδονопубликовали свои Евангелия Марк и Лука, а ἑξοδοςобычно означает exitum vel excessum e vita (ср, Лк IX, 31. 2Петр. I. 15)³⁷⁷. Однако подобное толкование этого конкретного выражения встречает некоторые затруднения и не является безусловно несомненным и повсюдно обязательным (см. Евр. XI, 22: περί τῆς ἑξόδου τῶν υἱῶν Ἰσραήλ из Египта). Напротив, в латинском фрагменте этого ересеолога читается, что после известного промежутка Апостолы exierunt in fines terrae (М. gr VII, 844) для благовестнической проповеди

согласно Маркову свидетельству о них (XVI, 20), что ἐκεῖνοι δὲ ξελθόν ἐς ἐκήρυξαν πανταχοῦ. По этим соображениям термин ἐξοδος в нашем случае может отмечать «уход» учеников Господних из Палестины в разные страны для миссионерского служения. Но если даже понимать его в общепринятом смысле, – это не решает бесповоротно нашего вопроса, поскольку не без права догадываются (Prof. Fr. Blass), что рассматриваемое свидетельство явилось ex conjecture в виду фразы 2Петр. I, 15, где благовестник говорит: σπουδάσω δὲ καὶ ἐκάστοτε ἔχει ὑμᾶς μετὰ τὴν ἐμὴ ἔξοδον, τὴν τοῦτων μνήην ποιεῖσθαι, и не имеет независимой фактически-исторической ценности.

Гораздо важнее другое обстоятельство, ближайшее к предмету нашей речи и достаточно несомненное научно. Не без основания полагают, что книга Деяний была задумана вместе с третьим Евангелием³⁷⁸. Допускается хоть то, что при заключении Евангельской историографии у автора был готов план и апостольской³⁷⁹. Поэтому расстояние между ними по времени происхождения могло быть лишь небольшое. А о первой формулировано, что она издана до разрушения Иерусалима³⁸⁰. На стороне сего вся научная вероятность. Деесписатель изображает всемирное распространение христианства и его царственное утверждение в языческой Римской империи. При этом он не скрывает, что такое расширение благовестнической миссии было связано фактически с немалыми осложнениями и затруднениями для самой безупречной совести исповедников Распятого, придерживавшихся форм и норм иудейского богопочтения. Крушение Иерусалимских святынь развязывало этот запутанный историко догматический узел и прямо освобождало всех от иудейско-религиозных привязанностей и соподчинений. Едва ли мыслимо, чтобы св. Лука не отметил этот кардинальный момент, столь существенный для его принципиальных целей, если он продолжает ограждать права и практику эллинского благовестия систематическими ссылками на косность и противление Израиля. Посему законно утверждать, что писания Луки вышли раньше падения Иерусалима³⁸¹.

Задолго ли до этой роковой катастрофы? – мы не можем определить даже по конкретным указаниям третьего Евангелиста, в которых как будто слышатся военные громы со всеми их ужасами. Но вся атмосфера тогда была насыщена ясными предвестиями и всеобщими предчувствиями неминуемой беды, отчетливой во всех своих главнейших очертаниях, а христиане знали о ней со всею точностью по прямым предречениям Христа, отметившего многое с конкретной детальностью (Мф. XXIII, 32 сл. XXIV, 1 сл. и паралл.). При подобных условиях наглядность Луки ничуть не удивительна и вовсе не требует непосредственного наблюдения, если мы знаем по надежным примерам, что по особому прозрению иногда ясно предусматривались вперед даже мелкие исторические факты³⁸².

Мы скорее приблизимся к искомой грани по соображению с тем, постулируют ли писания Луки к смерти Павловой? И в этом пункте возможны и имеются разногласия, но мы лично вполне отрицаем эту предпосылку. Для нас абсолютно непостижимо и недопустимо, чтобы благовестнически преданный ученик ограничился констатированием, что Апостол проповедовал в Риме царство Божие и учил о Господе Иисусе Христе со всяким дерзновением невозбранно (Деян. XXVIII, 31), когда ему было известно, что уста Павловы были скованы смертными узами в Римской столице именно за миссионерскую дерзновенность, и всякая проповедническая учительность смолкла навсегда³⁸³. Это психологически немыслимо и невероятно в виду бодрого тона Дееписательской речи, которая явно внушает, что двухлетие закончилось благополучно, открывая более отрадные перспективы полного освобождения.

По этим резонам мы принимаем, что книга Деяний издана до смерти Павлова³⁸⁴ в начале 60-х годов³⁸⁵ – около 65 года.

Такая датировка оправдывается и некоторыми общими соображениями касательно новозаветной письменности, которая в своем достоинстве обеспечивалась лишь апостольским происхождением, потому что только апостольство уполномочивало на благовестничество³⁸⁶. Христианское предание прекрасно понимало то принципиальное неудобство,

что некоторые произведения составлены не «самовидцами», и посему старалось оградить их санкционирующим одобрением последних, когда второе Евангелие утверждало согласием Петра, третье – соизволением Павла, а труды всех трех синоптиков – благословением Иоанна Богослова. Эта аппробирующая надобность, без сомнения, еще яснее сознавалась и живее чувствовалась во время издания новозаветных писаний – среди ожесточенных волнений еще не сформировавшихся христианских общин. Недаром же св. Павел, несмотря на неисчислимые миссионерские тяготы, тщательно устранил своих помощников от активного участия в его литературных сношениях и всегда действовал здесь от своего личного имени. Поэтому уместно и законно допустить, что и «второе слово» к Феофилу было обработано под надзором великого Апостола языков. Он безошибочно предвидел свое отшествие ко Господу и, конечно, передал эту грустную весть не одному Тимофею (2Тим. IV, 6 сл.), и единственный его «соузник» Лука (IV, 10) знал об этом в точности. Приближение этой тяжелой катастрофы естественно вызывает неотложную потребность оглянуться назад и воспроизвести все подвиги доброго течения апостольского, сохранить их для потомства в назидание и побуждение к соответствующему подражанию. С этой точки зрения книга Деяний, удовлетворявшая данным запросам, в совершенстве совпадает с известной нам благовестнически-пастырской попечительностью св. Павла о христианских братьях и приобретает авторитет последнего апостольского завета.

Вопрос о месте издания книги Деяний

При такой хронологии и решается в пользу Рима, на который указывал блаж. Иероним (*De viris illustr.* VII). Другие древние известия приурочивают апостольскую деятельность Луки – больше всего – к Ахайи, но они относятся к позднему периоду его самостоятельного благовестничества и не колеблют нашей догадки, неизбежной по фактическому сцеплению исторических событий. А то обстоятельство, что Дееписатель не определяет самых незначительных Итальянских местечек, в роде «Аппиевой площади» и «трех гостиниц», может косвенно говорить, что работа совершалась при непосредственном их наблюдении и в отдалении от сцен Палестинских, как и первоначальные читатели были детально знакомы с Итальянской топографией, т. е. были Римскими христианами. Тверже предание текстуальное, и оно служит хорошим свидетелем по рассматриваемому вопросу. Его серьезные колебания раскрываются гипотезой двух рецензий, из коих частная возводится к первоначальной копии, написанной в Риме, здесь оставшейся и отсюда распространявшейся, почему – при β – она называется еще «Римской» в отличие от исправленной, которая именуется «Антиохийской». И все достоверные факты точно согласуются с данной мыслью, поскольку поручители пространного текстуального типа – почти исключительно – западного происхождения, применения и употребления. Ясно, что первоисточник их находится в центре Запада, каковым был Рим, где, очевидно, он получил свое реальное бытие в первичной редакции Дееписательского труда. Наконец, сформулированное мнение освещает и условия образования литературной двойственности книги Деяний, если мы примем, что первые записи своего ученика просмотрел Апостол Павел и сделал свои замечания насчет изменений и исправлений, которые и совершены Лукой после (в Антиохии) в связи со всеми дачными. Естественно, что ревизованный текст получил особенный авторитет, а первичный сохранил за собою частный интерес детальных показаний соучастника.

Совокупность всех изложенных оснований и соображений невольно склоняет в пользу Рима, как места написания, и самую книгу Деяний приводит под контроль, и благословение великого благовестника.

Этим принципиально гарантируется

Достоверность сообщаемых в ней речей

1) Речи Апостола Павла ³⁸⁷

Вопрос этот отличается литературно критической сложностью и не может быть решен теоретически. Причины сему следующие.

Все согласны, что Лука имеет большие историографические достоинства, как исторический повествователь, как мастер слова, тонкий стилист³⁸⁸ с литературным искусством эллина³⁸⁹ почти несравнимым³⁹⁰, с великим даром стилистической подражательности самым разнообразным лицам и компликициям³⁹¹. Но именно отсюда и возникают законные сомнения и подозрения. Языковое мастерство отличается чисто эллинскими особенностями и связывается с писательской небрежностью в отношении историко-фактической, реальной точности³⁹². Мы знаем, что св. Лука умеет глубоко и интимно входить в существо действующих лиц и чрезвычайно удачно по содержанию и форме усваивает им те или иные речи. Естественно спрашивается теперь, не были ли эти последние ловким изобретением самого писателя и не ретушированы ли им по своему, даже вопреки разумеемому оратору, хотя бы и на основании некоторых документальных материалов? В случае утвердительного ответа весь дидактический материал третьего Евангелия и Деяний утрачивает всякую объективно-историческую ценность, а об изображаемых персонажах мы должны будем думать, что они рисуются по субъективному авторскому шаблону – с известной тенденциозностью и индивидуальным пристрастием.

Подобные предположения тем допустимее, что все такое было свойственно древней историографии, которая вовсе не культивировала реализма, любила творить типы и наделять их желательными речами и манерами. Это мы видим уже у раннейшего из специальных историков, Геродота, когда он, говоря о междоусобице в Персии (III, 80–82), вывод сновидений с рассуждениями о преимуществах демократии, олигархии – в духе греческих софистов и с явным расчетом оправдать

защитника последней Дария. Тут не столько историческое повествование, сколько прозаическая драма, где вместо живых фигур – характеры, вместо исторического действия – сценические представления. Нам даются как бы «небылицы в лицах». У Фукидида прямо преобладает риторика – в длинных и обработанных речах, которые отражают более специально-политические взгляды писателя, чем подлинную историю. Саллюстий в рассказе о заговоре Катилины сам присочинил фразистые орации римских сенаторов, хотя был при данных событиях и мог непосредственно слышать и пунктуально воспроизвести все, что там говорилось в то время. Одинаковые особенности наблюдаются у других классических историков (напр., Диона Кассия и Тацита) и этим самым удостоверяются в своей общепринятой нормативности.

Необходимо ожидаются аналогичные приемы и у Луки, который по своим дидактическим частям стоит в середине между Геродотом и Тацитом, с их этически – драматическими тенденциями, и между сторонниками риторических интересов, Фукидидом и Саллюстием. Всюду у него господствует идея над фактами, к которым он довольно невнимателен и, не соблюдая точности, часто впадает в дисгармонии. Медицинская тренировка, признаваемая за Лукой, не спасала его от указанных дефектов, ибо не имела современной пунктуальности, за отсутствием физиологически анатомического фундамента, и не полагала строгого различия собственно медицины и всяких вероисцелений. И нельзя отрицать, что Луке не чужд был этот взгляд на христианство, как чудотворную врачебную силу³⁹³, для которой лица служили только объектами применения. Все убеждает, что у Луки царит дух греческой историографии, небрежной в отношении фактической детальности, но пристрастной к типологическому методу, причем люди и события просто олицетворяют известные истины своими словами и поступками. А Лука находится под обаянием своих великих идей, которые были для него реальнее самых фактов. Эта духовная склонность должна была особенно обнаруживаться в сообщаемых речах, – и в книге Деяний они, яко бы, носят такие черты, что ими явно лишь иллюстрируются

разные стороны и направления первенствующего христианства в его развитии ко всемирному распространению и всецелому возобладанию. Фактические случаи всегда слишком тонко подходят к дидактическому содержанию, а оно вполне оправдывается ими, но это сплошное и гармоническое соответствие выглядит крайне искусственным.

В итоге констатируется, что у Луки художественный литературный мастер, как будто, поглощает и топит реалистически-точного историка, много отнимая у его трудов объективной значимости. Так достоинства разрешаются недостатками, а мы существенно ограничиваемся в драгоценных материалах для первохристианской эпохи. С такими печальными результатами нельзя примириться без самой тщательной проверки, которую и произведем сначала по отношению к речам Павловым в книге Деяний.

1) Речь в Антиохии Писидийской (Деян. XIII, 16–41) является первым сохранившимся опытом специального миссионерского опыта св. Павла, и по ней тем резоннее судить об исторической точности Луки, что там он не присутствовал, а значит, если эта речь исторически приемлема, – это еще более бесспорно для других, где Деяписатель был сам; если она сомнительна, – тогда дозволителен скептицизм и касательно всех остальных, раз он не постеснялся допустить измышления в самом невыгодном для него случае.

И нам энергически подчеркивают сходство с речами Петра и Стефана, которые своей общностью могут внушать, что тут мы имеем авторские *loci topici*, а вовсе не слова живых лиц. Но теории о принципиальных догматических различиях между Павлом и «предними» и о радикальном перевороте, произведенном проповедью Стефана в сторону подготовленного им павлинизма, суть лишь критические фикции, и мы не менее законно можем выводиться из отмеченной общности, что у Апостолов была независимая, объективная основа в одном и обязательном для всех предании.

Для подрыва Антиохийской речи требуются точные конкретные данные, а таких нет. Речь эта носит ветхозаветно-библейский колорит и, изложив кратко судьбу богоизбранного

Израиля, констатирует совершившееся смертью Христовой спасение, к которому и призывает «детей рода Авраамова» и боящихся Бога. Библейский колорит вполне понятен для «слова наставления» в синагоге после чтения закона и пророков при обращении к иудеям и прозелитам. Библейские места цитируются и комментируются Павлинистическим способом. Не совсем ожидаемое упоминание Иоанна Крестителя объясняется тем, что его ученики встречались и, очевидно, имели влияние в Малой Азии и по эллинистическому миру (Деян. XVIII, 25, XIX, 3). Содержание и характер речи – достаточно Павлинистические и соответствуют ее цели. Желая привлечь доверчивое внимание слушателей, св. Павел, как иудей к иудеям, говорит о дорогой для всех их национальной истории, затем от рассмотрения Ветхого Завета переходит к обетованному в нем Избавителю, свидетельствует о Его смерти и небесном превознесении и оканчивает увещательными предостережениями: – разве все это не было самым натуральным в разумеемых исторических условиях? Конечно, тут не находится специально Павлинистических доктрин, но последние в своей острой исключительности изобретены критикой, а с другой стороны, мы не видим их, напр., в посланиях к Фессалоникийцам, ибо св. Павел знал и умел сообщать и умалчивать важнейшие догматические пункты своевременно и уместно по своим миссионерским интересам.

Следовательно, для Ангиохийской речи вполне понятно Павлинистическое ее происхождение по материалу и по способу обработки.

2) Труднее для подобной оценки речь Апостола Павла в Афинах (Деян. XVII, 22–31), потому что она специально приспособлена не к язычникам вообще, а лишь к определенной Афинской публике, для которой могла быть вполне удачной заметка о «неведомом Боге». Правда, для нас она связана с некоторыми неясностями, но в ораторско-миссионерском отношении конструирование речи на тезисе о неведомом Боге, который не должен быть превращаем в неведомых божеств, есть мастерской прием, и проф. Ап. Гарнак справедливо не видит оснований, почему бы его надо непременно усвоить Луке,

а не самому Павлу³⁹⁴. Ведь по существу задачи, проповедник для своего успеха должен был в самой скептической аудитории найти убедительную для слушателей точку опоры. Для иудейства служила такой ветхозаветная почва, а в язычестве ее представляло лишь чувство неудовлетворенности при искании «неведомого» и – следовательно – с готовностью принять открываемого и познаваемого. Ясно, что пункт отправления взят правильно, но тогда прямо предначертывался и дальнейший путь – решительного обличения идолства и неизбежной ответственности за приверженность к нему пред судом Предопределенного Мужа, по воскресении Его. Все развитие мыслей и натурально и логично, как и фактические материи безусловно вероятны, ибо образованные греки, – даже при теоретическом отрицании народного культа, – готовы были оправдывать последний посредством аллегоризации и слишком мало ценили эсхатологию, в крайнем случае допуская разве поглощение человеческого бытия на лоне природы. Посему была существенная необходимость напомнить об этой важнейшей религиозной истине, а она показалась слушателям больше курьезной, чем серьезной. Все это должно было внушить, что в этой среде пока нельзя было рассчитывать на сколько-нибудь солидный успех, почему единственная плодотворная задача могла теперь заключаться лишь в том, чтобы разбудить дремлющие души от духовной спячки, зародить в них сомнение насчет своего квиетизма, расшевелить и оживить высшие влечения. Это вызвало некоторую общность содержания, сходную по характеру с аналогичным обращением Павла к язычникам в Листрах (Деян. XIV. 15–18). В силу этого понятно, что в Афинской речи нет Павлинистической доктринальной отчетливости, и проповедник не касается человеческих обособлений, уничтожаемых только во Христе, но выразительно говорит о его натуральном единстве, чтобы обеспечить влияние для благодатного примирения, а последнее утвердить на природных взаимных связях всех людей и на врожденных стремлениях их к Богу.

Эти концепции, не воплощая всецело павлинизма, вполне согласны с ним. Общность материй не давала удобства для

детального построения, и отсюда не удивительно, что Афинская речь не отличается картинной экспрессией, но этим удостоверяется и ее фактическая историчность и совершенная пунктуальность Луки. Дееписатель, конечно, был способен «сочинить» более блестящий образец, однако предпочел умеренность по вниманию к документальным известиям о том, где он, по-видимому, не был. На то же указывает и объективная заметка о малом успехе Афинского проповедничества³⁹⁵, ибо зачем было изобретать целые эпизоды и украшать их ораторскими цветами вопреки основным тенденциям о победоносном распространении христианства, когда оно здесь рисуется потерпевшим чуть не фиаско? Между тем тут приложено немалое стилистическое усердие, так как по своей эллинской форме Афинская речь является классической и одна она способна создать самую высокую литературную репутацию³⁹⁶. В ее подлинности убеждает и вся дикция – очень своеобразная, но не специфически Лукина, поскольку имеется лишь одно слово, свойственное Луке (καθότι), при 19 нелуканистических. По формальной обработке ее нельзя назвать и прямо Павлинистической ввиду наличности 14-ти непавлинистических терминов, но все-же бесспорно, что в ней одно слово – специально Павлово (σέβας а) и два характерных для Павлова вокабуляра (εὐκαρτεῖν и ἀνθρώπινος) нелуканистических слова. Во введении к речи (Деян. XVII, 16 – 21) – совсем иная пропорция: 9 нелуканистических речений при трех явно луканистических: διαλέγεσθαι, εἰς τὰς ἀκοάς, σταθεῖς. Все эти особенности требуют согласиться, что у Луки был документальный отчет, в котором он немного редактировал вступление, а реферат речи оставил в возможной неприкосновенности. И если еще дозволительны какие-либо сомнения, то, простираясь исключительно на качества источника, они тем сильнее оттеняют историческую объективность Луки. Отсюда и общий вывод формулируется у проф. Ад. Гарнака так: «что касается речи в Афинах с ее прелюдией в XIV, 15 слл., то, – если критика когда-нибудь снова найдет глазомер и вкус, – никто больше не станет отвергать, что здесь гениальность в подборе мыслей столь же велика, сколько

и историческая верность, хотя бы она в немногих словах обобщала то, что Павел, вероятно, предлагал язычникам в основоположительных миссионерских проповедях»³⁹⁷.

3) Речь св. Апостола Павла в Милете к Ефесским пресвитерам (Деян. XX, 18–33), будучи весьма знаменательной по обстановке и по случаю произнесения, должна была твердо запечатлеться в душе присутствовавшего там Луки и имеет все данные в пользу своей исторической подлинности³⁹⁸, будучи обобщением подлинных слов Павловых³⁹⁹. К этому заключению принудительно наклоняет сильное созвучие ее с Павловыми посланиями, почему она иногда (Schulze в „Studien und Kritiken» 1900. S. 123) считается прямо скопированной из 1 Фесс., как другие (напр., W. Soltan в «Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft» 1903, S. 123 – 154) применяют это наблюдение в подрыв достоверности всех Павловых речей в книге Деяний. Но это есть уже одностороннее и тенденциозное толкование, а бесспорен собственно факт частых и характерных совпадений.

а) Деян. XX, 19: «... работая Господу (δῖλεῦων τῷ Κυρίῳ) со всяким

смирением и многими слезами».

Ср.

Рим. I, 1: «Павел – раб (δοῦλος) Иисуса Христа».

1 Кор. II, 3: «и был я у вас в немощи и в страхе и в великом трепете».

2 Кор. X, 1: «я же лично между вами скромн»

б) Деян. XX, 20: «я не пропустил ничего полезного, о чем вам не проповедовал бы».

Ср.

1 Кор. X, 33: «и я угождаю всем во всем, ища не своей пользы, но пользы многих».

с) Деян. XX, 24: «...разве еже скончати течение мое (τοῦ ῥόμου μου) с радостью».

Ср.

Гал. II, 2: «да не како вотще теку, или текох» (τὸ ἐχὼ ἢ ἔδραμον).

д) Деян. XX, 32: «и ныне предаю вас Богу, могущему дать вам наследие со всеми

освященными».

Ср.

Кол. I, 12: «благодаря Бога и Отца, призавшего нас к участию в наследии святых во свете».

е) Деян, XX, 33 – 34: «Ни серебра, ни золота, ни одежды я ни от кого не пожелал. Сами знаете, что нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии».

Ср.

1Фесс. II, 9: «вы помните, братия, труд наш и изнурение: ночью и днем работая, чтобы не отяготить кого из вас, мы проповедывали».

1Кор. IV, 12: «и трудимся, работая своими руками».

2Кор. XI, 9: «...да и во всем я старался и постараюсь не быть вам в тягость».

ф) Деян. XX, 35: «так трудясь, надобно поддерживать слабых».

Ср.

Рим. XV, 1: «мы, сильные, должны сносить немощи безсильных».

Этими сопоставлениями вполне подтверждается давно известная истина, что «никакой другой отрывок в книге Деяний не соприкасается с Павловыми посланиями ближе, чем именно эта (Милетская) речь», причем важно, что «и самые темы ее не встречаются больше во всей книге»⁴⁰⁰ и, следовательно, являются действительно вызванными описанными историческими условиями, к которым точно подходят.

Приведенные параллели, склоняющие в пользу Милетской речи, находят подкрепление и в некоторых ее особенностях. К ним относится, напр., не вполне выдержанная обработка ее, неестественная в литературной компиляции, и совершенно понятная в устном изложении: так, на стихе 32-м все развитие, достигнув логического завершения, должно бы прерваться, между тем дальше следуют еще мелкие указания. Возражают, что стих 28-й постулирует к епископальному устройству в форме неизвестной св. Павлу, но этот предмет – крайне темный и не

может служить решительным аргументом в какую либо сторону уже потому, что в данном пункте никакого противоречия с апостольскими воззрениями не усматривается и не отыскивается. А затруднительность в стихе 28-м сочетания, по которому искупительная кровь провозглашается Божией, хотя разумеется Христова, скорее говорит о пунктуальности воспроизведения, ибо фальсификатор не допустил бы подобной неловкости. Едва ли серьезна ссылка и на стих 29-й, поскольку Апостол Павел по опытам своей жизни должен был предвидеть опасности для своих общин от проникавших туда лютых волков, о чем слишком мучительно свидетельствовали, напр., Коринф и Галатия. Самый язык носит чисто Павлинистическую типичность, ибо мы имеем специально Павловы речения πλήν ὅτι, καί νῦν ἰδοὺ, δεσμός καί θλίψεις, νοθετεῖν, или характерно Павлинистические, но чуждые Луке: μή φεῖδεσαι, ταπεινοφροσύνη, ὑποστέλλεσθαι, νυκτά καί ἡμέραν, ὁ συμφέρον. Глагол περιποιεῖς αἱ свойствен Павлу (1Тим. III, 13) и Луке (Еванг. XVII, 33), однако употребляется у них в разных смыслах, а в Милетской речи (Деян. XX, 28) имеет строго Павлинистическое применение.

4) Речь пред прокуратором Феликсом (Дян. XXIV, 10 – 21) служит образцом судебно-юридической апологии и с этой стороны является единственной в своем роде, драгоценнейшей для нас и потому, что дает нам некоторое понятие о защите Апостола в Риме пред судом Кесаря, а в посланиях св. Павлу не приходилось становиться на такую юридическую точку зрения. Посему ее можно оценивать лишь по внутренним признакам. Здесь прежде всего примечательно строгое соответствие содержания с целью и положением вещей. Пред языческим правителем, формально смотревшим на все "дело Павлово", было совсем бесполезно дебатировать догматические вопросы, но требовалось только доказать отсутствие «состава преступления» в гражданско-юридическом государственном смысле. К этому именно направляется вся аргументация, которою Апостол старается убедить, что он совершенно неповинен в происшедших беспорядках, к чему не имелось повода у фарисеев и догматически, ибо оратор был и

остается солидарен с ними касательно воскресения мертвых. Во всем этом получается впечатление непосредственного воспроизведения, которое обеспечивается и (вероятной) наличием Луки при данной речи. Достаточное искусство юридического построения согласно с известным нам образом Павла – миссионера, умевшего прекрасно приспособляться ко всякой обстановке (ср., напр., 1Кор. IX, 18 слл.) и здесь – в качестве римского гражданина пред римским сановником – судьей – удачно и уместно пользующегося приемом *captatio benevolentiae*. но последнее не было простой лицемерной ловкостью льстивого говоруна, а миссионерски мудрым и фактически обоснованным склонением слушателей в пользу великих и спасительных истин: это верно для речей настоящей, Афинской (Деян. XVII. 21), пред синедрионом (XXIII, 6) и пред Феликсом (XXIV.10)⁴⁰¹. И едва ли приемлемо для чистой науки и убедительно для кого-либо голое предположение, что анализируемую речь скорее мог составить Лука, когда мы видим, что она вполне натуральна и в устах св. Павла. И если эксплуатируют (Prof. Н. Н. Wendt), что недостойно Апостола выдвигать единственный пункт сходства своего с фарисеями, умалчивая о множестве различий, то как же иначе он и мог действовать в интересах создания благоприятной атмосферы для обсуждения? А о принципиальных разногласиях фарисеи хорошо были осведомлены и св. Павел нимало не скрывал этого пред ними, теперь же (Деян. XXIV, 21) просто применяет бывший случай при рассмотрении в синедрионе данного дела (XXIII. 6 сл.), в котором доктрина воскресения мертвых вообще привлекала большое внимание (XXIV, 15). Заявление о приходе Павлом в Иерусалим для доставления милостыни народу своему оспаривают тенденциозно, поскольку это вероятно и фактически и по исторической Важности. Идея всеобщего воскресения – праведных и неправедных – напрасно считается непавлинистической, и потому на нее нельзя с неотразимостью опираться в полемике против подлинности обозреваемой речи. Если в литературной шлифовке и усматривают следы Лукиной ретуширующей руки, то нельзя все-же забывать несвойственных

для нее, но характеристичных для Павла речений ἀπρόσκοπος, συνε δησις, δι' τῶν при вероятности для него ἅπαξ λεγὸ ἐνὼν вроде εὐθύμως и ἀσκεῖν.

5–6). Речи в Иерусалиме при аресте (Деян. XXII, 1–21) и в Кесарии пред Агриппой (Деян. XXVI, 2–29) имеют много общего, и это оправдывается общностью положения Павла, который в обоих случаях говорил перед иудейской аудиторией и должен был апеллировать к иудейскому религиозному сознанию. Не менее естественно и законно, что в этих речах преобладают автобиографические детали. Апостол стоял перед лицом непосредственной опасности, когда требовалось только устранить роковой взрыв и было бы совсем некстати входить в отвлеченные догматические словопрения. Нужно было просто успокоить взволнованные страсти, и воспаленные предубеждения оскорбленного религиозного чувства, а для сего важно было лишь доказать, что он – не изменник, не предатель и не богохульник. Разумеется, тут ссылки на очевидные для всех факты жизни были самыми уместными и убедительными. Правда, пред Агриппою II-м св. Павел касается мессианских чаяний и доктрины воскресения мертвых, но столь коренные истины веры, конечно, не чужды были уму этого развращенного царя и напоминание о них могло служить к пробуждению его национально – религиозной совести в пользу обвиняемого носителя национальных еврейских идеалов. С этих сторон все в обеих речах натурально.

Верное, в общем, – это суждение однако подвергается большим подозрением в частностях, ибо в фактических сообщениях встречается немало дисгармоний в самой книге Деяний и в посланиях Павловых. Это имеем по отношению к важнейшим моментам – истории Павла – о его обращении (Деян XXII, 6. XXVI, 12 и ср. IX, 3; 1Кор. XV, 8) и о поручении ему благовествования в языческом мире (Деян. XXII, 14. XXVI, 15 и ср. IX, 13; Гал. I, 11, 15). Бесспорно, что по этим пунктам есть некоторые диссонансы, но неужели их совсем не замечал Дееписатель? А если, «да», то зачем ему было «сочинять» три, даже четыре (включая Римскую в главе XXVIII-й) речи и самому вносить в них заведомые несогласованности? Не вернее ли

научно принять, что он имел надежные, авторитетные и обязательные для него источники, которые и воспроизводит с полной объективностью⁴⁰²? Засим, несомненно и то, что разумеемые несоответствия вовсе не столь существенны в рассматриваемом вопросе. Характерно уже то, что дисгармония с самосвидетельствами Павловыми весьма слабая и потому ничуть не исключает подлинности анализируемых речей. Наоборот, гораздо больше расхождений с другими указаниями самой книги Деяний, но это скорее говорит о добросовестности Луки, неприкосновенно цитирующего свои источники без искусственного взаимного приспособления их. При известном литературном мастерстве, ему, конечно, легко было избежать всяких контрастов между собственными композициями. И нельзя здесь ссылаться на его эллинистическую невнимательность к реалистическим деталям, ибо вопрос шел о наиважнейших фактах, с которыми Лука связывает все свои построения до того, что последние на них держатся и с ними падают. Тут авторская небрежность прямо немыслима, а точность тем более допустима, что несогласованность усматривается нами лишь потому, что самые события недоступны нам в подробностях, которые могли вполне примиряться *realiter*. Вообще, содержание не представляется невероятным в устах Павла, а древне-греческая пословица «жестокости есть противу рожна прати» (Деян. XXVI. 14), употребляемая у Эсхила (Agam. 1624) и Пиндара (Pyth II, 173) с небольшими изменениями, для него не менее правдоподобна, чем присловие «несть во угле сотворено сие» (XXVI, 23), поскольку они были распространенными и могли ходить в Палестине по-арамейски.

В языке обеих речей находятся особенности, которые объясняются их свойствами. Апология пред иудеями есть перевод с «еврейского» и потому удерживает арамаизмы в XXII, 19–20 и, вероятно, в XXII, 16. Естественно, что этот перевод принадлежит Луке и отражает его языковые качества (а не Павлинистические) – σύνειμι, εὐλαβίς, ἐξαίφνης (еще у Мрк. XIII, 35), ὑτῇ τῇ ὥρα ἐπιτύχας. Вопреки сему, в речи пред Агриппой при 8 явно Луканистических речениях встречается не менее 12-ти,

которые свойственны лишь Павлу, а не Луке. В двух терминах, общих обоим, сохраняется исключительно Павлинистический смысл: ἡμεῖς θάποчитать себя (XXVI, 3) – 10 раз (кроме Евр.) в таком значении у Апостола языков (2Кор. IX, 5. Филипп. II, 3, 6, 25. III, 7, 8². 1 Фесс. V, 13, 2 Фесс. III, 15. 1Тим. 1, 12. VI, 1) и ни однажды у Луки; καταντᾶν метафорически (XXVI, 7) лишь у первого (1Кор. X, 11. XIV, 36. Еф. IV, 13. Филипп. III, 11), между тем у второго всегда буквально (Деян. XVI 11. XVIII, 19, 24. XX, 15. XXI, 7. XXV, 13. XXVII, 12. XXVIII, 13). Употребляется (XXVI, 4) аттическая форма ἵστασι (-вместо οἶδασι -), но она применяется именно у эллинского благовестника в Ефес. V, 5.

Обзор Павловых речей в книге Деяний дает благоприятный результат в пользу возможной исторической точности Луки. Это заключение подтверждают и

II) речи Апостола Петра

Относительно их⁴⁰³ высказывается то общее убеждение, что они слишком сглаживают и смягчают характерную типичность образа Петрова и приближают его к столь же стилизованному портрету эллинского благовестника, а это свидетельствует об активном творческом участии примирительных тенденций, которые принадлежат позднему периоду созидания «кафолической церкви». Понятно, что вместе с последними и соответственные речи Петровы переносятся из апостольской эпохи и оказываются совсем измышленными или совершенно извращенными при литературной обработке их в компиляции книги Деяний.

Это принципиальное суждение далеко не столь категорически подтверждается частными замечаниями и постоянно требует экзегетических натяжек и текстуальных насилий. Значит, в самой основе тут есть нечто искусственное, которое легко разоблачается самыми простыми соображениями. Для устойчивости сформулированного заключения необходимо, чтобы оно оправдывало себя во всех своих предпосылках и успешно достигало своей научной цели. Но мы видели, что речи св. Павла чужды всякой нереальности и – напротив – отличаются достаточной исторической подлинностью. В таком

случае по параллелизму с ними должны быть признаны не менее автентичными и речи Петровы, ибо те и другие будут одинаково соответствующими запросам и настроениям века Павлова, т. е. апостольского, когда жили и действовали оба эти великие благовестники. В этом убеждают и бесспорные фактические аналогии. В древнехристианских литературных памятниках мы имеем немало фальсификаций предполагаемого критиками свойства, и все они проникнуты духом решительной прямолинейности, не допускающей иринической постепенности и идейных компромиссов. Ограничимся ссылкой на близкие к нашей теме «Климентины», где Апостол Петр рисуется с некоторыми Павлинистическими налетами, но за то от св. Павла, как такового, не остается ничего индивидуального кроме еретического злочестия. Там один вытесняет и поглощает другого, а в Деяниях находим совсем иное, что «Лука не предпочитает ни которого из них»⁴⁰⁴ и, следовательно, чужд самонадеянности интересов намеренной аккомодации между ними, как и сама критика постоянно трубит о резком различии Петринистических и Павлинистических стихий у Деянописателя. Очевидно, во взаимном прилаживании не было надобности, поскольку именно таковы были подлинные исторические факты, вполне объяснявшие себя и поддерживавшие. В этом пункте критическая реконструкция терпит самое жестокое внутреннее поражение. По своим задачам она стремится к просветлению исторической примрачности, которая создается скудостью документальных свидетельств. От нее обязательно требовалось по самой цели, чтобы критика устранила наличную туманность и по возможности восполнила существующую недостаточность, а взамен этого предлагается безжалостно пожертвовать драгоценными материалами в виде Петровых посланий, которые отвергаются в качестве неподлинных. Получается ли что-либо особо полезное для веры и знания после такого героического самоотречения? Ведь тогда мы остаемся без всяких почти источников, а всем известно, что в безвоздушной пустоте свет не светит и ничего не освещает. . . Тоже неизбежно и в историческом познании, для обеспечения которого мы должны взять всю совокупность дошедших материалов в книге

Деяний и в Петровых посланиях, не насилуя их заранее теоретическими предубеждениями.

Взглянем теперь на сохранившиеся «речи» Апостола Петра (Деян. I, 15 – 26. II, 14 – 36, 38 – 40. III, 4 – 6, 12 – 26. IV, 8–12, 19, 20; 24 – 30. V, 3–9. V, 29 – 32. VIII, 20 – 23. IX, 34; 40; X, 26; XI, 18. XV, 7 – 11) при этих предположениях, которые ограждаются имеющимися документальными данными и должны быть проверены вытекающими применениями. А они в существе своем таковы.

Детальный анализ наглядно показывает, что по своему специальному содержанию Дееписательские речи Апостола Петра строго совпадают с его посланиями⁴⁰⁵ и могут служить к ограждению или провалу последних. Во всяком случае взаимоотношение таково, что подозрения против посланий нельзя прямо переносить на речи, а признаки их вполне законно и справедливо распространять на первые, потому что апостольские речи сообщаются во всей их доскональной исторической обстановке и – следовательно – допускают конкретную проверку своей подлинности.

Тщательное сличение с изображаемыми Дееписателем условиями наглядно убеждает, что речи Петровы точно отвечают им по содержанию и тону, а – значит – и не должны возбуждать объективных сомнений в своей историчности. Иначе мы вынуждены будем отбросить и историческую часть Деяний и тем самым совершить научное самоистребление ради школьных теоретических фантазмагорий.

Можно ли понять и оправдать подобный сокрушительный разгром в полученном по законному наследству богатом достоянии? Пожалуй, это было бы несколько извинительно, если бы последнее оказалось фальшивым и фиктивным, ложно присвоившим неподобающую ценность. В этом смысле и говорят, что Дееписатель дает искусственно подделанный образ Петра, как иудаиста, но стилизованного по типу Павла, которому он был идейно противоположен и практически враждебен. Но что мы должны с необходимостью ожидать от Петра исторически? Он был еврей по роду и иудей по воззрениям, а принятие им христианства совершилось без тяжелых катастроф,

предварявших обращение Савла. Справедливо заключать отсюда, что Петр усмотрел во Христе совершенную реализацию ветхозаветных иудейских чаяний и потому Господа Спасителя почитал окончательным их истолкователем, обязательным для всего Израиля по искупительному достоинству и по догматическому авторитету. Для него вполне натуральна апостольская миссия благовестника у обрезания, а в этой миссии не было ли самым естественным, что проповедник будет отправляться от священных иудейских традиций и разъяснять их в духе христианства, как божественного завершения всего спасительного промысла? С этими нормами, безусловно, гармонируют все Дееписательские речи Петра, являясь исторически совершенно уместными в его устах. Нет ни малейших уклонений в принципиальном отношении ради крайнего павлинизма, изобретенного и защищаемого критической тенденциозностью. Все подобные случаи освещаются неверно и пристрастно. Если сам Христос и Евангелие – эссенциально божественны, то Его лицо и дело тоже божественны и не могут быть скованы временными приспособительными рамками. Искупление и благовестие – универсальны и, безусловно, требуют соподчинения прежних аккомодативных методов, санкционированных, но преходящих и практически приспособленных к определенной национальной среде. И разве речи Петровы не подтверждают этого или дают нечто большее и неприемлемое идейно? Не скорее ли нужно сказать совсем обратное по документальным свидетельствам? В них весьма замечательно, что Петр мотивирует допущение язычников в Церковь Христову фактическими знамениями благодатного призвания и по причине их считает традиционные ограничения такими, которые теперь не могут препятствовать велениям божественного Духа (Деян. X, 47. XI, 17). Эту позицию фактического оправдания для универсального применения благовестия Христова св. Петр решительно держал и на Апостольском соборе (Деян. XV, 7 сл.), выражая свое исконное и принципиальное воззрение, что Евангелие в силу божественности своей необъятно по предназначению, но реально расширяется по прямым указаниям свыше. Есть ли это

специфический «павлинизм», или обязательный «евангелизм», неотразимый для всякого при сознательном восприятии веры Христовой? И противоречат ли сему хоть сколько-нибудь данные Павловых посланий? В отчете о наиболее ярком эпизоде Антиохийского столкновения св. Павел раскрывает всецелое единство с Петром в принципиальном исповедании абсолютного господства спасительной веры, но решительно отмечает, что его великий собрат не сделал сразу и фактически не делал всех практических выводов, сообразуя их с повелительным голосом миссионерского опыта (Гал. II, 14 сл.). Не таковы ли по своей идейной стороне и все речи Петровы в книге Деяний и не ограждается ли их историческая реальность живым голосом Апостола Павла?

Дальше возможен разговор лишь о литературной обработке. А в этом отношении бесспорна Петринистическая оригинальность при несомненной Луканистической типичности⁴⁰⁶, но это сочетание наиболее вероятно исторически, ибо св. Петр говорил, конечно, по – арамейски, а. Лука хорошо знал этот язык и умел переводить на греческий удачно⁴⁰⁷, т. е. своим стилем, но с сохранением отличительных особенностей оригинала.

Внимательное рассмотрение убеждает в исторической подлинности речей Петровых и в точности воспроизведения их Дееписателем⁴⁰⁸. То же заключение оправдывает и

III) речь архидиакона Стефана⁴⁰⁹

О ней говорится, что она была предвосхищением и первоисточником павлинизма и потому фактически невозможна в столь раннюю первохристианскую пору, или исторически нереальна и литературно измыслена. При такой формулировке все решение вопроса сводится к выяснению действительного соотношения проповеди Стефановой с начертанной Дееписателем перспективой. Существует ли между ними взаимно гарантирующая симфония, или односторонне уничтожающий диссонанс?

Содержание Стефановой речи (Деян. VII, 2 – 53) излагается в следующем резюме⁴¹⁰: «Бог изначала сообщил истории

Израиля развитие, которое вело к осуществлению данных Аврааму обетований таким, именно, образом, как это осуществилось чрез Иисуса Назарянина, и которое закончится упразднением храмового культа и изменением закона Моисеева, но Израиль... свое постоянное и упорное противление Духу Святому выразил отвержением Христа. Однако, как раньше Бог, не смотря на противление Израиля, всегда осуществлял в его истории свою волю, так и теперь Иисус Христос исполнит все, что пришел совершить для спасения человека, и неверующий Израиль, подобно своим отцам, за непослушание Богу и Христу подлежит отвержению, но уже – полному, так как во Христе-исполнение всех обетований Божиих Израилю».

Значит, основными пунктами проповеди Стефана служили те положения, что 1) христианство было увенчанием закона, заканчивающим и поглощающим его, а потому 2) принятие христианства легалистически обязательно и мессиански спасительно, отвержение же номистически греховно и индивидуалистически губительно.

При каких условиях и по какому поводу развивались эти мысли?

Стефан был в тогдашнем Иерусалиме наиболее вдохновенный и энергичный благовестник словом и делом пламенного активного темперамента с большим наступательным характером в отношении своих прежних единоверцев. Естественно, что эта нападательная стремительность приводит к неизбежным столкновениям и жарким спорам, а ее сокрушительность побудила противников ликвидировать грозу в самом корне и навсегда. Стефан был арестован и предан суду по обвинению в богохульстве.

В этом ему и предстояло теперь защищаться, но был ли реально этот юридически вменяемый факт? Св. Стефан нигде не отрицает его категорически, почему необходимо предполагается неправильное перетолкование речей Стефановых против закона и культа, поскольку тут усматривалось хула на Бога (Деян. VI, 11). Отсюда ясно, что Стефан отвергал номизм в его истории и богочтении не

безусловно, но лишь в качестве божественного и потому вечного учреждения в спасительном промыслении Божиим. Однако подобные мысли, будучи для иудеев равно отвратительными в устах язычников, не были со стороны их богохульными и становились таковыми лишь у номистов, делавшихся чрез это ренегатами и изменниками. Для совершенного оправдания в своей совести пред судьями Стефану нужно было доказать, что он не отступник и не предатель закона, а это возможно было лишь при том единственном условии, что он строго подчиняется последнему и в своей противоиудейской христианской полемике. Потребности личной апологии необходимо обращали оратора к объективному освещению номизма в историческом озарении.

Значит, историко – фактическая постановка защиты вызывалась конкретным положением дела и вполне вероятна. В самой речи требовалось обосновать, что переход в христианство и христианское комментирование законничества ничуть не были богохульными по существу. Для сего обязательно было раскрыть, что номизм всецело находится на стороне обвиняемого, а потому осуждает самих обвинителей. Поскольку же он – христианин, этим утверждается с неизбежностью, что закон по своей природе, цели и действию в истории был мессианским и завершается христианским исполнением, в котором и растворяется совершенно со всеми своими специальными институтами. Тут христианское обращение необходимо в силу самого законничества и доставляет все его спасительные блага, благодатно почерпаемые лишь в христианстве. По прямой пропорциональности, противление последнему будет не случайным актом, создавшимся недоразумениями насчет дела Христова и проповедью апостольской, а является неизбежным итогом непонимания самой души номизма с соответственным нарушением его во всей истории, которая разрешается безбожным и непоправимым убийством предвозвещенного Праведника, Христа-Спасителя. Категорический вывод теперь тот, что Стефан легалистически прав своим христианством, а

его враги номистически преступны и легально неизвинительны в своем буйном антихристианском упорстве.

Задача речи оказывается достигнутой: – Стефан принципиально и фактически доказал свою номистическую правоту, обязательную и для всех слушателей. Можно сказать, что для интересов индивидуальной апологетики вся трактация представляется слишком длинной, между тем легко было закончить все короче, энергичнее и без напрасного раздражения аудитории резко обличительными пассажами. Но не надо забывать, что Стефан выступал в качестве христианского благовестника, защищающего не столько свое лицо, сколько пропагандируемое им дело, а последнее – по его пререкаемости для иудеев (Деян. VI, 9) – требовало убеждающего номистического оправдания, которое – в силу самой противоположности сталкивающихся взглядов – необходимо получало укоризненную формулировку.

Посему мы должны согласиться, что речь Стефана, являясь вполне оригинальной⁴¹¹, предполагает специальный источник⁴¹² и персонально и принципиально вполне обеспечивается в своей исторической реальности всей фактической обстановкой. Тут, отвержение первой неминуемо повлечет и отрицание второй. Но ... «чего ради гибель сия»? Для спасения разумной постепенности и прагматической связности христианского развития в апостольскую эпоху? А нарушается эта закономерность якобы тем, что речь Стефана проникнута позднейшим павлинизмом, невозможным в указываемое для нее время. Однако все в этом смысле ограничивается проповедью, что Евангелие завершает собою закон и христианство нормально сменяет номизм, будучи божественно неограниченным его исполнением. Но разве это было последующим приобретением теоретической мысли Павловой, и не служит эссенциальным выражением самого христианского факта? И разве всякий сознательный обращенец из иудейства не понимал этого в силу самого христианского исповедания, как божественно легализованного и универсального? В таком случае устранение фактических выводов, не потребует ли кассирования исторических христианских явлений? Нечто

подобное и принимают некоторые со всею тенденциозной дерзостью, отрицая бытие и Христа и Апостолов – со включением Павла, но что же это за наука, которая – вопреки своему смыслу – ничего не созидает, а все разрушает и опустошает, оставляя после себя лишь теоретические миражи и субъективные фантомы?

И речь архидиакона Стефана, имеющая всю историческую вероятность, и все другие дидактически – репродуктивные части книги Деяний ничуть не ведут к столь печальным и страшным результатам. Беспристрастный анализ Павлинистических отрывков решительно убеждает проф. Ад. Гарнака, что «из свободы, какую усвоили себе древние историки вставлять в подходящих местах целые речи (- будут ли это рефераты о действительно сказанном, или собственные проекции –), Лука сделал широкое, но счастливое употребление. Как в Евангелии сменяются дела и слова Христовы (Деян. I, 1), так точно оба эти элемента должны располагаться и во второй книге. Речи преобладают в первой и последней четвертях ее, во второй же и третьей пространственно отступают, но тем они значительнее здесь. По нашему восприятию и, может быть, равно и первых читателей, высшими пунктами являются речи в 15-й, 17-й и 20-й главах; однако начальные, как и речи Христовы, суть истинно основоположительные, а заключительные уверяют читателей, что их великий миссионер Павел был призванным от Бога посредником мессии и великим свидетелем за Христа пред правителями и царями»⁴¹³. А изучение речей Петровых «утверждает, что Дееписатель пишет не как поэт ихудожник, а как точный историк, и в форме чужих слов, даже в отрывочных фразах передает не собственные мысли, а только то, что действительно когда-нибудь было сказано упоминаемыми у него лицами»⁴¹⁴.

В конце концов, дидактическая стихия в Дееписательских повествованиях оказывается вполне гарантированной в своей исторической правдивости и литературной подлинности. Но тогда тем несомненнее

Фактическая достоверность книги Деяний

Писатель ее был апостольский муж живых традиций и изображает многое, где был прямым участником, двигавшим события и пережившим во всех перипетиях, почему для своей историографии он в значительной степени является и actor и auctor. В тоже время св. Лука был в тесных связях с самыми выдающимися личностями апостольской эпохи и через них имел надежный доступ к обстоятельному и точному осведомлению. Значит, его материал – фактически реальный и исторически бесспорный⁴¹⁵. И это впечатление возможной достоверности столь неотразимо, что категорически рекомендуется «в отношении такого исторического труда, как книга Деяний, критическая сдержанность даже для тех частей, которые представляют нечто поразительное», ибо «лучшее познание известных источников и открытие новых изобличило несправедливость поспешных суждений о первохристианском предании»⁴¹⁶. А если подойти к Деяниям с новейшими хронологическими требованиями, то они удовлетворяют даже высшим притязаниям насчет хронологических дат и в решающих пунктах, – насколько мы можем контролировать их, – оказываются прочными, хотя и прискорбно отсутствие непрерывности в хронологической нити⁴¹⁷ и можно утверждать, что и касательно хронологических неопределенностей эта работа является почтенным историческим трудом, а в целом – признание достоверности данной книги возвышается и детальным изучением хронографического метода автора во всем, где он говорит и где умалчивает; в общем, это есть подлинно историческое литературное произведение⁴¹⁸, способное выдержать конкуренцию с аналогичными современниками и, напр., по хронологическим указаниям Лука иногда более надежен, чем Филон⁴¹⁹. Не нужно забывать и то, что историографическая точность древних писателей была весьма условная, и тут сопоставление с ними новозаветных авторов прекрасно иллюстрирует их достоинства. «Если мы, – говорит проф. W. M. Ramsay – сравним новозаветные писания с

наилучшими образцами классической литературы, то будем поражены гораздо более многочисленными затруднениями в последних, чем в первых» (ср. 144). Для конкретной наглядности достаточен один красочный пример. В 51 году до р. Хр. Цицерон путешествовал по Малой Азии, о чем имеется много его писем за данное время и за 2 – 3 дальнейших месяца. Несмотря на обилие и детальность сообщений и статистических отметок, – там масса неясностей, вызывающих разногласия и споры при истолковании. По О. Е. Schmidt'у, 126 миль (не менее 155 километров!) от Филомемия до Иконии Цицерон совершил в три дня т. е. по 42 мили (около 52 километров) ежедневно, но для человека сидячей городской жизни в 55 лет это невероятно, почему и сам Schmidt считает обычный дневной переход Цицерона в 30 миль, а W. M. Ramsay понижает до 25 ти. Однажды Цицерон говорит, что на своем пути он останавливался 2 дня в Леодикии, 5 – в Алами, 3 – в Синнаде, 3 – в Филомелие (epist. ad Atticum V, 20), в другом месте называет цифры 2, 4, 3, 3 (ep. ad Fam. XV, 4), в третьем – 3, 3, 3 (ep. ad Att. V, 16): – и такие разноречия встречаются в письмах на расстоянии лишь нескольких дней! Та же неустойчивость у Цицерона и в датах насчет планов будущего. За недолгое пребывание в Лаодикии он дважды писал своему другу Аттику, что оправится в Килилию около или после 15 мая (ep. ad Att. V, 21. VI, 1), другому приятелю тогда же назначал для сего время около 1 мая (ep. ad Fam. XIII. 57), еще в двух письмах указывал 7-е мая (ep. ad Att. VI, 2; ad Fam. II, 13)⁴²⁰.

Этот параллелизм, характеризующий основные свойства сравниваемых величин, позволяет нам резюмировать окончательный итог в том смысле, что Деяния содержат материал богатый и возможно достоверный как в дидактических, так и в повествовательных частях.

Пусть все это бесспорно, но ведь обработка даже документальных данных бывает весьма различная по качеству и формам, а – следовательно – и по достоинству. Значит, теперь необходимо рассмотрение дела именно с этой стороны, чтобы определить, сколь велика

Историко – литературная ценность книги Деяний

Тут, прежде всего, важно, что св. Лука не перегружает своего труда излишним материалом и не нагромождает его механически и беспорядочно, а – напротив – принимает со строгим разбором, применяет с разумной экономией и располагает по идейно выдержанному плану. Он проникает своим духовным взором во внутренне тайники разрозненных фактов и – в целом- созерцает в них предначертанную издревле величественную картину неудержимого возрастания христианского благовестия от славы Иерусалимской в силу Палестинскую ко свету во откровение всех языков. У него настоящее покоится на прошлом и предвещает будущее, как это свойственно истинным гениям, всегда витающим во всех трех направлениях и сферах⁴²¹. Здесь история естественно бывает стройным пульсирующим организмом. Посему и у Дееписателя все детали оживотворяются и живут, как била животворным ключем самая апостольская жизнь. И если нет наибольшего поругания и тягчайшего посрамления для историка, что он мертвит в школьных схемах и схоластически убивает своей механической корректностью наличную действительность, то и для св. Луки наилучшей литературной рекомендацией служит простое объективное констатирование, что у него оживотворяются все фактические явления животворящим их зиждительным духом.

Это свойство одинаково применимо и к широкой группировке исторических данных, которые концентрируются вокруг личностей Петра и Павла. Такова была господствующая манера наивысшей и образцовой древней историографии, а у Дееписателя она разворачивается во всем своем блеске, потому что особенно способствует рельефному оттенению и точнейшему уразумению исторического движения, которое вполне выражает и раскрывает. Понять это не трудно и доказать легко. Св. Петр наиболее выступает на первых страницах книги Деяний, и тут каждая строка проникнута его влиянием, прямо и косвенно сводится к нему. Но разве это не естественно, а

искусственно? Ведь именно здесь рисуется нам созидание христианства на иудейской почве и в соприкосновенности со священными заветами Израиля, а св. Петр был Апостолом обрезания (Гал. II, 7, 9) и типическим выразителем принципа Израильского благовестия. Посему историк с ним связывает все нити произвольно, ибо они фактически сходились в Петре. Он был заправляющим, регулирующим и объединяющим центром, – и Дееписатель вполне законно смотрит отсюда по всем перифериям данного круга на апостольском небосводе. Однако, этот центр неизбежно должен был переместиться в согласии с предначертанным ходом Евангелия, вышедшего за границы иудейства и чрез эллинизм простершегося на весь мир. Натурально, что при столь необъятном горизонте изменяется вся перспектива, и на ней выделяются новые доминирующие фигуры. Пред нами теперь обширный простор языческой вселенной, покрытой вековым мраком со слабыми проблесками «светящего во тьме света». Их нужно было раздуть в живой пламень неугасимого огня, не мерцающего в своем блеске, всюду органически проникающего и все согревающего энергией возрождения. Само собою понятно, что совершивший этот исторический подвиг и должен был всего отчетливее сиять на озаренном фоне orbis Romani, а таковым был св. Павел. Неудивительно, что отселе почти безызъятно выдвигается его великая миссионерская личность, поскольку в ней был и источник и фокус всемирной евангелизации, как и de facto он был Апостолом необрезания и служителем благовестия у язычников.

Во всех этих отношениях частнейшая, персоналистическая группировка совпадает с подлинным христианским прогрессом, раскрывая его со стороны внутренних мотивов и во внешнем конкретном обнаружении. И подобная гармония идейного с действительным, общего с индивидуальным есть прекраснейшее качество объективно-исторического изображения, если оно не хочет забывать, что жизни не бывает без принципиальных основ и что она успешно создается ее лучшими носителями, которые покоряют косные массы и возбуждают их к активности. При такой композиции всего

произведения – и частные эпизоды входят в целое, усиливая художественное впечатление, как тоны и полутоны на картине истинного мастера.

Все сказанное достаточно определяет научно-литературные достоинства историографии Деяний и вызывает справедливые похвалы компетентных авторитетов. Здесь наиболее отчетлив и внушителен голос проф. Ад. Гарнака, всесторонне и критически изучившего рассматриваемую книгу. Общая тема ее заключалась в том, чтобы исторически представить силу духа Христова в Апостолах⁴²², поскольку Лука справедливо считает только их полномощными для христианской миссии⁴²³. Но для сего требовалось проникновенное постижение самой сущности Евангелия Христова во всех его неисчислимых и многообразных проявлениях, почему самая мысль целостного и точного воспроизведения событий именно в этом освещении была сколько простой, столько же и гениальной⁴²⁴. Но первохристианство было слишком густо окрашено иудаистическим колоритом, и нужно было непосредственное соприкосновение с ним и близкое знакомство⁴²⁵, чтобы верно угадать и раскрыть его истинную природу. С этой стороны самое предприятие описать дело в таком тоне являлось необыкновенным мужеством⁴²⁶, а плодом его было то, что Лука оказался первым историком Церкви, который в своем первоклассном по композиции и по стилю труде дал нечто совершенно исключительное и непреходящее⁴²⁷. Тут мы имеем правильно развивающийся исторический образ, где апостольско-церковная история органически связывается с евангельской, и обе получают прочную устойчивость взаимной и собственной преемственности; в этом отношении

Дееписатель оказывается создателем апостольской традиции наряду с евангельской⁴²⁸, а его произведение есть не только действительный исторический труд в своей совокупности, но и надежный во множестве своих деталей⁴²⁹, удачно дополняющий Павловы послания⁴³⁰. Бесспорный специалист в области древне-классической греческой литературы, покойный профессор Фридрих Блясс категорически свидетельствует о Деяниях, что «эта книга не просто выделяется

по своему прекрасному строению, но и обнаруживает такое искусство, которое было бы ничуть не недостойно писателя греческого или римского»⁴³¹. Другой авторитетный светский профессор (of Humanity) W. M. Ramsay в своих многочисленных статьях и специальных исследованиях выражает искреннее удивление и глубокое почтение пред историографическим трудом св. Луки и ставит его чуть ли не выше всех однородных произведений, как по общей концепции, так и по литературной обработке деталей.

Присоединяясь вполне к этим заслуженным отзывам, мы со своей стороны должны прибавить, что высокое художество Дееписателя состоит собственно в строгой верности и вдохновенной яркости воспроизведения спасительных дел божественного Художника, мастерски собирая в литературной концентрации, живительно сияющие лучи солнца правды во Христе Иисусе. Этим и мотивируется и гарантируется в новозаветном каноне

Священно-догматическое значение книги Деяний

Священно-догматическое значение книги Деяний, что она точно и неотразимо показывает божественное строение Церкви Христовой на земле для искупительного обновления человечества во все роды века. Будучи сверхъестественным плодом бесконечной любви Божией, христианство обязательно требует божественного совершителя, независимого от космически стихийных ограничений, но преобразующего их верховной силой. Только в этом случае оно будет прочным по своему основанию и благодатным в своем влиянии. Само собою понятно, что этот элемент истинной божественности одинаково необходим и в дальнейшем развитии, поскольку тут даже малейшее отклонение от этой нормы грозит превращением царственно властвующего начала в рабски приспособительное. Посему обязательно, что божественное на Голгофе должно быть таковым и в истории по всей вселенной.

Книга Деяний объективным повествовательным путем убеждает до осязательности, что это существенное требование соблюдалось в историческом процессе всегда и с неизменностью. Земная миссия Господа кончилась, и Он возносится к Отцу Своему. Тем не менее ученики не остаются сырыми и получают обетование об Утешителе, который пребудет с ними во век. Это – Дух Святой, равночестный и равносущный, имеющий и могущий продолжать дело Христово с адекватной божественностью. Отныне Он является главнейшим движущим фактором христианства, его возвращающей и сохраняющей силой. В этом отношении христианское процветание принципиально было вполне обеспечено и не могло колебаться фактически. И мы знаем, что Апостолы оставались в уединенном безмолвии до тех пор, пока не были озарены свыше, – и лишь теперь открывается их проповедническое благовестничество. Последнее чрез Духа было Христовым и свою божественную внемирность ярко обнаруживало сопутствующими знамениями и чудесами (ср. Мр. XVI, 20) во все важнейшие моменты исторической первохристианской жизни. Из

этого уже прямо вытекало, что божественная энергия располагала орудиями и способными и достойными для воплощения ее планов. И это несомненно до непоколебимости, раз всюду являются на страницах Деяний Апостолы Христовы, носители обетований Господа и истинные преемники Его земного служения. Поэтому и подвиг их не менее незыблем и содержит в себе все ручательства божественной спасительности. Вся важность здесь сосредоточивается именно в принципе апостольского строительства Церкви Христовой, – и он совершенно бесспорен для нее по верховенству св. Петра в первый период и по доминирующей активности богоизбранного Павла во второй. О всех частностях говорить не было надобности, потому что их солидарность предполагается самой стройностью движения. При таких условиях было невозможно, чтобы цель оказалась невыполненной или пострадала в своей чистоте при фактической реализации. И тут всячески непреложно, что заповедь Христова – об апостольском свидетельстве, силою Духа, в Иерусалиме и во всей Иуде и Самарии и даже до края земли (Деян. I, 8) – была определяющей нормой христианского благовествования, всецело проникала и неуклонно руководила им на всех стадиях поступательного шествования Евангелия Христова. Вот почему христианский рост идет с последовательной постепенностью, чуждой и вынужденного коснения и человеческой торопливости, ибо он нерасторжим от внутреннего самообладания и уверен в своем торжестве. Неудивительно, что христианство достигает полного успеха и в гражданском центре государственного господства приобретает владычество над вселенной (Кол. II, 23). Это совпадение божественного осуществления божественными средствами соответственно божественному предначертанию было величайшей гарантией будущего, его вечной несокрушимости и неисчерпаемой жизненности. Церковь – Христова в своем основании и Основателе – была Христовою чрез своих провозвестников и в самом распространении, почему останется Христовой и во все течение земного миробытия: – вот незыблемый итог Деяпостольской историографии в увенчании евангельского обоснования апостольским строительством и в

божественном обеспечении его будущего абсолютного торжества, когда будет Бог всяческая во всех (1Кор. XV, 28).

София (Болгария). 1930, V, 12 (IV, 29) – понедельник.

Примечания

¹ - Ср. и J. Friedrich, *Das Lucasevangelium und die Apostelgeschichte Werke desselben Verfassers*, Halle a. S. 1880, где основной тезис аргументируется вполне убедительно, хотя статистика разных сближений не всегда исправна. Сомнения по сему предмету патентованных критиков (напр., J. H. Scholten'a) отвергает и Prof. Ad. J ü l i c h e r (*Einleitung in das N. T.*, Freiburg i. Br. und Leipzig 1894, S. 261).

² - Лишь по предзанятому пристрастию Prof. Ad. Jülicher категорически утверждает (*Einleitung*, S. 1262), что автор книги Деяний – не ученик и не спутник Апостола Павла. Наоборот, Sir. John Hawkins свидетельствует (*Horae Synopticae*, Oxford 1899, p. 154), что писатель отделов «мы» тождествен с «главным автором» третьего Евангелия и книги Деяний.

³ - Лукиан Самосатский (II в. по р. Хр.) сообщает (*Quomodo historia sit scribenda*, 16), что врач Каллиморф в предисловии к истории Парфян решительно утверждает: οἰκεῖον εἶναι ἱατρῷ ἴστορίαν συγγραφεῖν.

⁴ - Christ. Frid. Matthaei, *Evangelium secundum Lucam graece et latine*, Rigae 1786, p. 4–5. Архим. Владимир , Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (патриаршей) библиотеки, ч. I (Москва 1894), стр. 15–16, № 14, что есть греческое Четвероевангелие X века.

⁵ - См. A. Critical and Exegetical Commentary on the Gospel according S. Luke by the Rev. Alfred Plummer, Edinburgh 1896, p. XLV.

⁶ - См. таблицы у Rev. A. Plummer, p. LIV-LIX.

⁷ - См. и Prof. Ad. Harnack, *Die Apostelgeschichte Untersuchungen* (Leipzig 1908), S. 205.

⁸ - Ср. еще Rev. A. Plummer, p. 56,322. Prof. Paul S c h a n z, *Commentar über das Evangelium des heiligen Lucas* (Tübingen 1883), S. 22–23. Rud. Cornely S. J., *Introductio specialis in singulos N.T. libros*, p. 130–131.

⁹ - См. о сем и Prof. T h. Zahn, Einleitung in das N. T., Bd.II3, S. 363 ff. 382. Prof. Ernst von Dobschütz в «Studien und Kritiken» 1905, I, S. 15.

¹⁰ - См. H o w a r d Heber E и a n s, St. Paul the ftu thor of flcts of the Apostles and of the Third Gospel, London 1884.

¹¹ - Rev. fl. Plummer, p. XX.

¹² - Theodor Vogel, Zur Charakteristik des Lukas nach Sprache und Stil, 1. fluflage, Leipzig 1897, S. 15, 17.

¹³ - см. H i e r o n. ad Damas.epist.XX,4: M.lat. XXII,378. Euseb.Quaest. ad Marin.4: M.gr.XXIV,951.

¹⁴ - la Isa. VI, 7: M. lat XXIV, 98.

¹⁵ - см. о сем T h. V o g e l, Zur Charakteristik .., Leipzig 1897; 2 te ftufl. ibid. 1889. Rev. A. Plummer, p. XLVIII- LXVII. Prof. Fr. Blass в «Fieue Kirchliche Zeitschrift» IX (1893), 7, S. 513–527.

¹⁶ - см. Prof. Eduare Norden, Die antike Kunstprosa 11 (Leipzig 1898), S. 485 ff. Cp. и Fr. Blas s, ftcta apostolorum (Gottingen 1895), p. 14 sqq.

¹⁷ - Prof.Filbert Thumb, Die griechische Sprache im Zeitalter des Hellenismus (Strassburg 1901), S. 184.

¹⁸ - См. Prof. C. F. G. Нцsgen в «Studien und Kritiken» 1877, S. 468 ff., но точнее эти соотношения раскрываются у T h. V o g e l'я (по второму изданию) в таком виде: общих с греческим Ветхим Заветом (и неканоническими книгами) – до 450 слов, а с писателями от Гомера до II-III в. по Р. Хр. – до 230 (из коих большинство раньше Филона и Иосифа Флавия: S. 12–13, 56–57),– при близком соприкосновении с прозаиками (ср. S. 19) в роде Поливия, Диоскорида, Иосифа Флавия, хотя прямое знакомство с ними не доказано (S. 13); наряду с этим имеется до 50-ти слов, совсем. неизвестных ранее (в других памятниках) и встречающихся уже у позднейших авторов (S. 12, 55). Отсюда и богатство и классический колорит вокабуляра Луки.

¹⁹ - Примеры см. в сопоставлениях у Rev. A. Plummer, p. LXVI-LXVII.

²⁰ - См. и у Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt der Verfasser des dritten Evangeliums und der Aposte geschichte (Leipzig 1906), S. 10, 80, 102, 146 («feiner Stilist Lukas»).

²¹ - Ср. и Prof. F r. G o d e t, Commentar zu dem Evangelium des Lucas, zw. Aufl., Hannover 1890, S. 2.

²² - Th. Vogel, Zur Charakteristik . . . , S. 28 – 9.

²³ - Th. Vogel, S. 221, 22, 27.

²⁴ - Th. Vogel, S. 225, 31.

²⁵ - The Medical Language of Sf. Luka и Proof from Internal Evidence, that the Gospel according to St. Luke and the Ackts of the Apostles were written by the same Person, and that the Wrighter was a Medical Man, Dublin 1882.

²⁶ - Prof. T h. Z a h n, Einleitung in das N. T., II1 , S. 427– 428; II3 (Leipzig 1907), S. 433–434, 442–444. Rev. A. Plummer в „The Critical Review» XII, 6 (November, 1902), p. 490–492, и в A Commentary, p. LXIII sqq. Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 122 – 137. Prof. James Mof- fatt, An Introduction to the Literature of the New Testament (Oxford 1927), p. 298–300.

²⁷ - Такую отрицательную позицию занимает, напр., Н. J. Cadbury, The Style and Literary Method of Luka в „Harward Theological Studies» (Cambridge 1920, Harward University Press).

²⁸ - По W. K. Hobart'y, p. 60 sq., у Галена τοῦ κατὰ τὴν βελόνην τρήματος или τοῦ δια ρήματος τῆς βελόνης нужно понимать, так, что βελόνη есть игла для хирургических целей, а τρήμα – просверленная врачом дыра, между тем ῥαφίς обозначает обыкновенную иголку.

²⁹ - Ср. Prof. James Moffatt, An Introduction, p. 263–264.

³⁰ - См. Th. Vogel. S. 117 и ср. во втором издании S. 8, 13.

³¹ - См. у Rev. A. Plummer, p. 5–6,

³² - См. о сем у Prof. Alb. Thumb, Die griechische Sprache im Zeitalter des Hellenismus, S. 225–226.

³³ - Ср. и Th. Vogel, S. 27–8, 9

³⁴ - Конечно, не в счет заметка св. Иоанна Златоуста и Фотия о разногласиях касательно автора книги Деяний (по одним-Климент Р., по другим – Варнава или Лука), о чем будет сказано при обозрении последней.

³⁵ - См. Вр. J. B. Lightfoot, Essays on the Work Entitled «Supernatural Religion», p. 186, 200, и ср. Rev. A. Plummer в «The

Critical Review» XII, 6 (November, 1902), p. 487.

³⁶ - Les Evangiles (Paris 1877), p. 252; Les Apotres, p.XVII.

³⁷ - Cp. и Rev. A.Plummer в «The Critical Review» 6 (November, 1902), p. 498.

³⁸ - Prof. fld. Н а р п а с к, Lukas der Arzt, S.9.

³⁹ - Согласно сему Hugo Grotius считал Луку вольноотпущенником из дома Луцилиев, предполагая, что в Риме он научился врачебному искусству, а после вернулся к себе на родину – в Антиохию.

⁴⁰ - См. Prof.A.Tho1ück, Glaubwürdigkeit der evangelischen Geschichte, S.129. Prof. Fr.Godet,Commentar, S. XV40;VI.

⁴¹ - Prof. Ad. Harnack,Lukas der Arzt,S.2,3

⁴² - Prof. Ad. Harnack,Die Apostelgeschichte,S.34.

⁴³ - Th. Vogel, S. 27, 8, 9, 13, 19, 34, 35, 36.

⁴⁴ - Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. I, S. 1318: 4. 3 321: 4; II, S. '335:2. 3338:2. Prof. Paul Ewald в Realen- cýklopädie XI3 (Leipzig 1901), S. 690.

⁴⁵ - Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 84, 3 . Prof-James Moffatt, An Introduction, p.267.

⁴⁶ - Prof. Ad. Harnack, Lucas der Arzt, S. 9,2.

⁴⁷ - Cm. Rev. A. Plummer, p. XIX.

⁴⁸ - См., напр., Prof. Paul Ewald в Realencyklopädie XI3, S. 691, 693.

⁴⁹ - Prof. W. M. Ramsay, St. Paul the Traveller, p. 202.

⁵⁰ - Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 31,27,12.

⁵¹ - Prof. Ad. Harnack, Geschichte der altchristlichen Litteratur II, 1 (Leipzig 1897), S. 653.

⁵² - Prof. Ad. Harnack, Lucas der Artz, S. 15–17.

⁵³ - Prof. Ad. Harnack, Neue Untersuchungen zur Apostelgeschichte und zur Abfassungszeit der synoptischen Evangelien (Leipzig, 1911), S. 21: «Lukas stammte nach einer guten Tradition aus einer antiochenischen Familie».

⁵⁴ - Cp. Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S.84,1.

⁵⁵ - Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S 34.

⁵⁶ - См. Th. Vogel, Zur Charakteristik, S.43.

⁵⁷ - Rev. A. Plummer, p. XX-XXI.

⁵⁸ - Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 104.

⁵⁹ - См. о сем весьма преувеличенно у Prof. Ad. Harnack; Lukas der Arzt, S. 100; Die Apostelgeschichte, S. 111

⁶⁰ - Есть предположение, что Лука мог обладать искусством скорописания, приобрев его по связи с изучением медицины, о чем см. Prof. Fred. Henry Chase, The Credibility of the Book of the Acts of the Apostles (London 1902), p. 112 and note.

⁶¹ - Ср. еще и Prof. Paul Ewald в Realencyklopädie XI, S. 690

⁶² - Данное обстоятельство тоже не благоприятствует гипотезе (и у Prof. Paul Ewald в Realencyklopädie XIII, S. 691), якобы именно Лука разумеется в 2Кор. VIII, 18 под «братом, во всех церквях похваляемым за благовествование», если даже и не относить последнее к несуществовавшему тогда письменному третьему Евангелию, как иногда допускалось в древности (Orig in Luc. hom. 1: M. gr. XIII, 1804. J. Chrys. in Acta Apost. hom. I, 1: M. gr. LX, 15; cnf. in Matth. hom. IV, 1: M. gr. LVI, 40. Hier. De viris ill. VII, Pelag. у Ps. Hier in 2Cor. VIII: M. lat. XXX, 783; ср. в пространной редакции Игнатьевых посланий ad Ephes. 15: Funk II, 193); при суждении об этой догадке нужно взвесить еще и то, что едва ли столь влиятельный человек мог быть в соподчиненной роли при молодом Тите, служившем в качестве посредника при сношениях св. Павла с Коринфянами.

⁶³ - См. Prof. Paul Schanz, Commentar, S. 4.

⁶⁴ - См. у Prof. Th. Zahn, Grundriss der Geschichte des neutestamentlichen Kanons (Leipzig 1901), S. 77, 79.

⁶⁵ - Ср. конъектуру Bunsen'a ὡσάν φιλαπόδημον у Prot. Th. Zahn. Geschichte des neutestamentlichen Kanons 11, 5. 24 ff.

⁶⁶ - Также имеет силу и в отношении гипотезы E. Klostermann'a (Zum Muratorischen Fragment в „Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft“ 1922, S. 308–309) якобы нужно читать quasi melioris (altioris) studiosum.

⁶⁷ - Rud. Cornely, S. I., Introductio specialis in singulos libros Novi Testamenti, p. 126.

⁶⁸ - Fr.Herm Hesse, Das Muratorische Fragment (Giessen 1873), S. 75.

⁶⁹ - Einleitung in das Neue Testament, S. 95; „Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie» 1878, S. 29; 1881, S. 139, 2.

⁷⁰ - В греческой трагедии различались πρωταῦ ο νιστής, (actor primarum partium) – главный исполнитель роли, где особенно воплощалась мысль автора, – и δευτεραγωνιστής (actor secundarium partium), являвшийся контрастом первому, служивший для него ограничением и противовесом. См. G. Bernhard y, Grundriss der griechischen Litteratur, dritte Bearbeitung, II, 2 (Halle 1872), S.107.

⁷¹ - Cp. Prologus y Wordsworth-White, Novum Testamentum 1, p. 269, 271: nam neque umquam habens neque filios (houghtoginta) septuaginta et quattuor annorum obiit in Bithynia plenus spiritu sancto.

⁷² - Cp. Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 106 ff.: „Schwerlich ist er (Lucas) auch in Rom geblieben (auch das scheint durch die Apostelgeschichte zwar nicht geradezu ausgeschlossen, aber nicht wahrscheinlich). Also haben wir ihn wohl in Achaja (so die friiheste Tradition) oder in Asien zu suchen»... „In Ephesus oder irgendwo in Asien oder in Achaja hat er um Jahr 80 sein Geschichtswerk für den vornehmen Theophilus verfasst».

⁷³ - Hieron. De viris ill. VII (M. lat. XXI11, 619), но здесь слова de Achaia и vixit octoginta et quattuor annos, uxorem non habens считаются неподлинными (см. Rev. A. Р 1 u m m e r, p, XXI, not. 2), хотя и без особо убедительных оснований. Cp. Acta Sanctorum, October VIIII, p. 294 sqq.

⁷⁴ - См. y Prof. Paul Schanz, Commentar, S. 45.

⁷⁵ - Cp. ο πληροφορεόν y Rev. Prof. James Hope Moulton: Notes from tie Papyri в „The Expositor» 1903, II, p. 118 119; XII, p. 436; The Vocabulary of the Greek Testament, p. 519–520.

⁷⁶ - Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II 1, S. 366 – 368; II 3, S. 372–374.

⁷⁷ - См. ο сем и Rev. Д. Plummer в „The Critical Review» XII, 6 (November, 1902), p. 500; Prof. Paul Ewald в Real- encyklopädie XIII, S. 695.

⁷⁸ - Cp. Prof. Fr. H. Chase, The Credibility of the Boko of the Acts of the Apostles, p. 17, 1.

⁷⁹ - Во 1-х, это толкование (принимаемое и у Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II1, S. 362; II3, S. 368–369) гораздо естественнее, чем предположение контраста с язычниками, когда исключаются из речи события и апостольской истории (Prof. Joh. Evang. Belser, Einleitung in das Neue Testament, Freiburg im Breisgau 1905, S. 235–136), во 2-х, этим оправдывается отнесение Евангельского «пролога» И к книге Деяний, что отвергают (J. Belser ibid., S. 165) некоторые (Prof. Ad. Jülicher, Einleitung in das Neue Testament, S. 362. Prof. Ad. Harnack, Geschichte der altchristlichen Litteratur 11, 1, S. 250,3) не без того побуждения, чтобы не связать себя в своей оппозиции против апостольской историографии.

⁸⁰ - По этой связи моментов ясно, что хотя Лука мог понимать не только Апостолов в собственном смысле (Prof. Th. Zahn, Einleitung in das Neue Testament II1, S. 363; II3, S. 368–369), но во всяком случае обязательную авторитетность имели для него лишь первосвидетели событий (II1 S. 365; II3 S. 371).

⁸¹ - Cp. Prof. Th. Zahn, Einleitung in das Neue Testament II 1 S. 363; II3, S. 368–369.

⁸² - Rev. Prof. James Hope Moulton and Prof. George Milligan, The Vocabulary of the Greek Testament, p. 250–251.

⁸³ - Ориг. in Luc. hom. 1. Ebc. h. e. III, 25: 15. Златоуст. Епиф. haer. LI, 7. Иероним. Августин. Cp. в одном лат. praef. у Wordsworth-White I, p. „multi alii temere praesump- serunt narrare».

⁸⁴ - In Luc. hom. I: M. gr. XIII, 1802.

⁸⁵ - Cp. Prof. Paul Ewald в Realencyklopädie XI 3, S. 698..

⁸⁶ - Prof. Th. Zahn, Einleitung in das Neue Testament II V S. 361; II3, S. 370.

⁸⁷ - Cp. Деян. XXVI. 5. Вулг. ab initio. Амвросий a principio- Евфимий Зиг. ἀντί τοῦ ἀπ' ἀρχῆς αὐτῶν. Eus. h. e. I, 6: 2 ἄνωθεν ἐξ αὐτοῦ Μωϋσέως. Philon. Vit. Mos. 11, 9 ἥρ' αἰολί ὕγησεν ἄνωθεν ἀρξάμενος της τοῦ πάντος χενέσεως.

⁸⁸ - Для ἄνωθεν по равенству с ἀρχῆς см. Rev. Prof. James Hope Moulton в „The Expositor» 1903, II, 108

⁸⁹ - В этом именно смысле Rev. A. Plummer (p. XLII) толкует Тертуллиановский термин „illuminator» по сравнению с наименованием Марка „interepretor””ом Петровым.

⁹⁰ - Ср. Dr. Anton Beck, Des Prolog des Lukas – Evangeliums. Amberg 1900, S. 5 ff.

⁹¹ - В этом смысле некоторые понимают и свидетельство Мураториева фрагмента, читая там вместо quibus (tamen interfuit) – aliquibus или, еще лучше, относя quibus к упомянутым раньше colloquiis Petri Prof. Janus Moffatt, An introduction to the Literature of the New Testament p. 191–192.

⁹² - Ср. Prolog, у Wordsworth-White I, p, 269, 271. Lucas Syrus natione Anriochensis arte medicus disci pul us Apostolorum postea Paulum secutus usque ad confessionem eius servens Domino sine crimine.

⁹³ - Rev. A. Plummer по Евангелию Луки даже целиком восстанавливает древне-римский символ (p. VII).

⁹⁴ - Не в этом ли смысле нужно понимать и слова Мураториева фрагмента, что Лука numini (numine) suo ex opinione (Prof. Th. Zahn, ex ordine = καθεξῆς) conscripsit?

⁹⁵ - Вопреки отрицающим у данного глагола этот оттенок (котораго не признает и Н. К. Дагаев, История ветхозаветного канона, С.-Петербург 1898, стр. 96–97, но ср. стр. 93–94, 99), – его энергически защищает Prof. Fr. Blass (Evangelium secundum Lucam, p. XI-XI I; Philology of the Gospels, p. 14–17).

⁹⁶ - См. и Hellmuth Zimmermann в „Studien und Kritiken» 1903, II, S. 268 ff. 286 ff.

⁹⁷ - Prof. Ad. Harnack: Lukas der Arzt, S. 120; Die Apostelgeschichte (Leipzig 1908), S. 3 Anm.

⁹⁸ - См. Prof. A. b. Thumb, Die griechische Sprache im Zeitalter des Hellenismus, S. 132, и ср. «Христианское Чтение» 902 г., № 7, стр. 14–15.

⁹⁹ - Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II 1, S. 400. II 3, S. 408. Prof. A. d. Harnack: Lukas der Arzt, S. 152 („Lukas ein Meister

in der Nachbildung von Stilarten gewesen ist“); Das Magnificat u. s. w. (см. ниже). S. 19 = 556, Anm., 2.

¹⁰⁰ - См. Th. Vogel, Zur Charakteristik . . . , S. 217.

¹⁰¹ - См. и Rev. A. Plummer, p. XXXV, XLI.

¹⁰² - Cp. Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II1 , 405; II3, S. 411–412.

¹⁰³ - Rev. A. Plummer, p. XXV.

¹⁰⁴ - См. и Prof. Ad. Harnack: Geschichte der altchristlichen Litteratur 11, 1, 250,1 ; Neue Untersuchungen zur Apostelgeschichte, S. 80,1 .

¹⁰⁵ - См. Th. Vogel, Zur Charakteristik ... , S. 260.

¹⁰⁶ - Th. Vogel, Zur Charakteristik..., S. 116.

¹⁰⁷ - Prof. Carl Clemen, Die Chronologie der paulinischen Briefe, Halle 1893. M. Krenkel, Josephus und Lucas, Leipzig 1894.

¹⁰⁸ - Th. Vogel, Zur Characteristik ..., S. 257–60.

¹⁰⁹ - См. Prof. Paul Schanz, Commentar, S. 16–17.. Prof. Joh. Ev. B e l s e r в „Theologische Quartalschrift“ 1895–1896. Prof. William Sanday, Inspiration. London 2 1894. Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II1 , S. 394– 397; II 3, S. 401–403. Rev. A. Plummer, p. XXX. .. «Христианское Чтение» 1902 г., № 7, стр. 15.

¹¹⁰ - Prof. Alb. Thumb, Die griechische Sprache im Zeit- alter des Hellenismus, S. 225.

¹¹¹ - Prof. Joh. E v. B e l s e r, Einleitung in das N. T., S 2194; 1126, 203–204.

¹¹² - Rev. A. Plummer, p. XXIII, XXV. Prof. Joh. Ev. B e l s e r, Einleitung in das N. T., S. 2186 ff.

¹¹³ - Prof Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II1, S. 404– 405; II3, S. 411–412.

¹¹⁴ - Совсем неправдоподобно предположение Prof. Ad. Harnack'a (Lukas der Arzt, S. 153–156), яко бы это послание составил сам Лука.

¹¹⁵ - Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II1, S. 397– 398; II 3, S. 404.

¹¹⁶ - Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II1, S. 364– 365; II3, S. 371–372.

¹¹⁷ - Cm. Rev. A. Plummer, p. XXIII-XXIV, и ср. Th. Vogel, Zur Charakteristik . . . , S. 231, 1.

¹¹⁸ - Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II1 , S. 398 ff.;II3, S. 405 ff. Prof. Jo h. Ev. B e I s e r, Einleitung in das N. T., S. 419, 134, 165, 187–188; 2118, 136, 165, 187. Dr. Anton Beck, Der Prolog. S. 38 ff.

¹¹⁹ - Prof. Ad. Harnack: Die Apostelgeschichte, S. 151; Neue (Untersuchungen zur Apostelgeschichte, S. 108.

¹²⁰ - Prof. Ad. Harnack, Neue Untersuchungen zur Apostelgeschichte, S. 20.

¹²¹ - Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 60 ff.

¹²² - Prof. Ad. Harnack, Lucas der Arzt, S. 111, 112.

¹²³ - См. Prof. Bernhard Weiss y H. A. W. Meyer'a I, 29, S. 254. Canon Sir John. C. Hawkins, разделяя идею соподчиненности третьего Евангелиста второму, тоже признает независимость Луки для отдела IX, 51-XVIII, 14, равно для VI, 20-VIII, 3 (p. 19 b-20 a), но при некоторой связи с источником Марковым, хотя не в смысле литературного пользования (п. 138 a. b.): см. „The Expository Times» XIV, 1 (October 1902), 2 (November 1902), 3 (December 190'), p. 18–23, 90 – 93, 137–140.

¹²⁴ - Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II1, S. 401; II3, S. 408.

¹²⁵ - Prof. Bernhard Weiss y H. A. W. Meyer 29, S. 254 ff.

¹²⁶ - Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II1, S. 401 – 402; II3, S. 408 ff. Rev. A. Plummer, p. XXIV. 127 Cm. Prof. Bernhard Weiss y H. A. W. Meyer I, 29, S. 255. Rev. A. Plummer, p. XXV 11. 128 Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II1, S. 402 – 404; II3, S. 410. 129 Prof. Bernhard Weiss y H. A. W. Meyer 1, 29, 5. 255 – 256 130 Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 108.

¹²⁷ - Sprüche und Reden Jesu – die zweite Quelle des Mathaus und Lucas (Leipzig 1907), S. 78.

¹²⁸ - Sprüche und Reden, S. 121.

¹²⁹ - Sprüche und Reden Jesu, S. 171.

- 130 - Neue Untersuchungen zur Apostelgeschichte, S. 96.
- 131 - Neue Untersuchungen, S. 87,1 .
- 132 - Neue Untersuchungen, S. 83–93.
- 133 - Sprüche und Reden Jesu, S. 173.
- 134 - Sprüche und Reden Jesu, S. 157: Hernworte-Sammlungen lagen, die sich stark mit Q beriirten.
- 135 - Sprüche und Reden Jesu, S. 80.
- 136 - Sprüche und Reden Jesu, S. 9, 11, 13, 15, 16, 19, 23, 24, 25, 35, 37, 39, 42, 43, 45, 49, 54, 55, 64, 66, 67, 72, 74.
- 137 - Sprüche und Reden Jesu, S. 7, 9.
- 138 - Sprüche und Reden Jesu, S. 219.
- 139 - Die Apostelgeschichte, S. 151: „Für Markus fällt auch stark ins Gewicht, dass Lukas ja seinem Evangelium das Werk desselben zugrunde gelegt hat“.
- 140 - Sprüche und Reden Jesu, S. 1.
- 141 - Sprüche und Reden Jesu, S. 172.
- 142 - Sprüche und Reden Jesu, S. 172.
- 143 - Prof. Ad. Harnack, Neue Untersuchungen zur Apostelgeschichte, S. 93–95.
- 144 - Cp. Prof. J o h. Ev. Belser, Einleitung in das N. T. S. 1107, 165, 166, 188–191, 204–207; S. 2186 ff., 221 ff.
- 145 - См. выше стр.
- 146 - Rev. A. Plummer, p. XLI.
- 147 - О соприкосновениях между Лукой и Иоанном см. Prof. T h. Zahn, Einleitung in das N. T. II3, S. 408; Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 159, 160; Prof. James Moffatt, An Introduction, p. 285, 534 sq.
- 148 - Cp. Rud. Cornely S. J., Introductio specialis in singulos Novi Testamenti libros (Parisiis 1886), p. 149–150. Jos. Knabenbauer в Cursus Scripturae Sacrae 1, 3, p. 20. Prof. fld. Julicher, Einleitung in das N. T., S. 203. Rev. fl. Plummer, p. XXXVI–XXXVII.
- 149 - Cp. Prof. Paul Ewald в Realencyklopadie XI3, S. 696.

¹⁵⁰ - Prof. Th. Zahn, Einleitung in das Neue T. II1, S. 366; II3, S. 372.

¹⁵¹ - М Cp. Prof. James Moffatt, An Introduction, p. 2655.

¹⁵² - См. Prof. Emil Schurer, Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi I5 (Leipzig 1920), S. 717–719, и ср. в „Theologische Literaturzeitung“ 1902, Nr. 19, Sp. 514.

¹⁵³ - Более подробно сказано нами о сем в специальном этюде „О Квирииной переписи по связи ее с Рождеством Христовым», Киевъ1913 (из “Трудов Киевской Духовной Академии” 1913 г., №№ 5 и 6, стр. 33–58, 197–230).

¹⁵⁴ - Prof. Th. Zahn в „Neue Kirchliche Zeitschrift» IV (1893), 8, S. 634 ff.; Das Evangelium des Lucas 1 (Leipzig 1913', S. 130–131; Einleitung in das N. T. II3, S. 402.

¹⁵⁵ - Prof. Th. Zahn, Das Evangelium des Lucas 1, S. 124

¹⁵⁶ - Rev. Prof. Kirsopp Lake в „The Expositor» 1912 XI, p. 475, 476; 463, 467.

¹⁵⁷ - См. H. Lecoultre, De censu Quiriniano et anno nativitatıs Christi secundum Lucam evangelistam (Lausanne 1883), p. 87–89, и ср. у Max Krenkel, Josephus und Lucas: der schriftstellerische Einfluss des jüdischen Geschichtschreibers auf den christlichen (Leipzig 1894), S. 70.

¹⁵⁸ - Так и думает Prof. Friedrich Spitta, Die chronologische Notizen und die Hymnen in Lc 1 и 2 в „Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft» VII (1906), 4, S. 292.

¹⁵⁹ - См. R. P. Fr. M. – J. Lagrange в „Revue biblique Internationale», nouvelle serie VIII (1 Janvier 1911), p. 65, 77.

¹⁶⁰ - Даже Prof. Theodor Mommsen говорит (Res gestae divi flugusti, Berolini 21883, p. 176), что Лика „Josephum male compilavit».

¹⁶¹ - V. Harthausen, Augustus und seine Zeit I, 2 (Leipzig 1886), S. 923. Prof. Th. Mom sen, Romisches Staats- recht II, 1 (Leipzig 21887), S. 417.

¹⁶² - Prof. W. William Sanday в A. Dictionary of the Bible ed. by James Hastings, vol. II (Edinburgh 1902), p. 646 a.

¹⁶³ - Prof. Sir W. M. Ramsay, Luke's Narrative of Christ в „The Expositor» 1912, XI, p. 387. ¹⁶⁹ Prof. W. M. Ramsay, Was Christ born at Bethlehem? A Study on the Credibility of St. Luke. London 1898. P. 49.

¹⁶⁴ - Prof. Dr. Moritz von Aberle в „Theologische Quartalschrift» 1874, IV, S. 663.

¹⁶⁵ - V. Garthausen, Augustus und seine Zeit 1, 2, S. 913: „eine allgemeine Schatzung oder Volkszahlung war fiir die Constituirung des Kaiserreiches . . . dringendes Belirfniss».

¹⁶⁶ - Kubitschek y Pauly-Wissowa, Real Encyclopädie der classischen Alterthumswissenschaft III, 2 (Stuttgart- 1899), Sp. 1918. Joachim Marquardt, Römische Staatsverwaltung II (Leipzig 21884), S. 212 ff. H. Lecbultre, De censu Quiriano, p. 31. Prof. Horatio Marucchi в Dictionnaire de la Bible, publiee par F. Vigouroux, vol. II (Paris 1899), col. 1188–1189. Josophus Knabenbauer, Evangelium secundum Lucam (Parisiis 21905), p. 108–110.

¹⁶⁷ - J. Marquardt, Römische Staatsverwaltung II2, S. 212 ff. H. Lecoultre, De censu Queriniano, p. 33. Rev. Septimus Buss, Roman Law and History in the New Testament (London 1901), p. sqq.

¹⁶⁸ - Prof. W. M. Ramsay, Was Christ born at Bethlehem? p. 140, и в „The Expositor» 1912, XI, p. 395. Prof. J. Rend el Harris, The Present State of the Controversy over the Place and Time of the Birth of Christ в „The Exopositor» 1908, 111, p. 217.

¹⁶⁹ - J. Marquardt. Romische Staatsverwaltung II2, S. 211.

¹⁷⁰ - См. и Rev. A. Plummer, p. 47.

¹⁷¹ - Так J. Marquardt, R5mische Staatsverwaltung II2, S. 211 Anm.

¹⁷² - Cm. Prof. Emil Schürer, Geschichte des jüdischen Volkes I5, S. 517 ff. 543. Dr. Alfons Mayer, Die Schatzung bei Christi Geburt in ihrer Beziehung zu Quirinus (Innsbruck 1908), S. 11. Prof. W. M. Ramsay, Was Christ born at Bethlehem? p. 119.

¹⁷³ - Так Prof. Fr. Spitta в „Zeitschrift fur die neutestamentliche Wissenschaft“ VII (1906), 4. S. 293–294; cp. и Max Krenkel, Josephus und Lucas, S. 67.

¹⁷⁴ - См. и у Prof. E. S c h ü r e r, Geschichte des jüdischen Volkes 115, S. 523,55.

¹⁷⁵ - A. Mayer, Die Schatzung bei Christi Geburt, S. 8.

¹⁷⁶ - См. Prof Joseph Felten, Neutestamentliche Zeitgeschichte 11 (Regensburg 1910), S. 289–290. См. и проф. Э. Д. Гримм, Исследования по истории развития Римской императорской власти, т. I, (Спб. 1900), стр. 219 сл.

¹⁷⁷ - H. Lecoultre, De censu Quiriniano, p. 82, 84.

¹⁷⁸ - Prof. E. Schürer, Geschichte des jüdischen Volkes 15, S. 525 ff., и в „Theologische Literaturzeitung» 1899 Nr. 25, Sp. 679. Prof. Fr. Spitta в „Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft» VII (1906), 4, S. 292. Rev. Joseph Horner, The Gospels of Matthew and Luke a Vindication of their Agreement and Accuracy as to Certain Dates and Order of Events (Pittsburg 1907), p. 22–23. Проф. Гр. Эд. Зенгер, Еврейский вопрос в древнем Риме (Варшава 1889), стр. 125,1 .

¹⁷⁹ - Так и Prof E. Schürer, Geschichte des jüdischen Volkes 15, S. 401 ff.

¹⁸⁰ - См. Prof. Moritz von Aberle в „Theologische Quartalschrift» 1874, IV, S. 671.

¹⁸¹ - Prof. Ludwig Hahn, Rom und Romanismus (Leipzig 1906), S. 90.

¹⁸² - Ср. у проф. Я. А. Богородского, Об Ироде так называемом Великом в «Православном Собеседнике» 1896 г., ч. I, стр. 507, 518,

¹⁸³ - Prof. J. Felten, Neutestamentliche Zeitgeschichte I, S. 137–139.

¹⁸⁴ - Cp. Rev. Prof. (Bishop) Arthur C. Headlam, The Doctrine of the Church and Christian Reunion (London 1921), p. 11: „Herod's kingdom was felt to be illusion».

¹⁸⁵ - См. Lic. Dr. W a n d e l, Der römische Statthalter C. Sentius Saturninus в „Studien und Kritiken» 1892, I, S. 129. R. P. Fr. M.J. Lagrange в «Revue biblique Internationale», N. S. VIII (1 Janvier 1911), p. 68–70.

¹⁸⁶ - R. S. Bour, L'inscription de Quirinius et le recensement de S. Luc (Rome 1897), p. 22–24. Rev. A. Plummer. A Commentary on

the Gospel according to S. Luke, p. 48–49,50,

¹⁸⁷ - H. Lecoultre, De censo Quiriniano, p. 54.

¹⁸⁸ - Prof. E. Schurer, Geschichte des judischen Volkes, 1s, S. 531.

¹⁸⁹ - Prof. E. Schurer ibid. 15, S. 542.

¹⁹⁰ - Prof. E. Schurer ibid. 15, S. 544–549.

¹⁹¹ - См. о сем у проф. Н. Н. Глубоковского, Благовестие св. Апостола Павла по его происхождению и существу I (Спб.1905), стр. XXVI, 148 сл.; II (Спб. 1910), стр. 804, 808 (и прим. 2259), 853, 1274–1275.

¹⁹² - См. у проф. Н. Н. Глубоковского, ibid. II, стр. 84, 178, 428.

¹⁹³ - См. Prof. W. M. Ramsay, Was Christ born at Bethlehem? p. 158, 191, 198, 215.

¹⁹⁴ - Hans-Hermann Kritzinger, Der Stern der Weisen (Gutersloh 1911), S. 98, 101 ff.

¹⁹⁵ - C a r l Mommert, Zur Chronologie des Lebens Je- su (Leipzig 1909), S. 195. Prof. Heinrich G. Voigt, Die Geschichte Jesu und die Astrologie (Leipzig 1911), S. 136 ff.

¹⁹⁶ - W m. Weber, Der Census des Quirinius nach Josephus в „Zeitschrift fur die neutestamentliche Wissenschaft» X (1909), 4, S. 319.

¹⁹⁷ - Pfarrer J. van Bebbber, Zur Chronologie des Lebens Jesu (Münster i. W. 1898, S. 137, 143, 130.

¹⁹⁸ - Lieut.-Col. G. Mackinlay, The Magi (London 1907), p. 135 sqq., 161, 168, 177; IX-X.

¹⁹⁹ - Prof. W. M. R a m s a y в «The Expositor» 1912, XI, p. 395.

²⁰⁰ - Эта надпись, из Бейрута попавшая в Венецию, впервые скопирована в 1674 г. Sertorius Ursatus Падуанским и опубликована после его смерти в 1719г., вторая и большая часть найдена инженером Seguso в 1880 г.; вся она теперь признается подлинною и обыкновенно относится к первому наместничеству Квирина в Сирии. См. Prof. Horazio Marucchi у F. Vigouraux, Dictionnaire de la Bible 11, col. 1187; R. S. B o u r,

L'inscription de Quirinius, p. 35 – 36; Prof. T h. Zahn в „Neue Kirchliche Zeitschrift» VI, (1893), 8, S. 647–649, и Einleitung in das N. T. II3, S. 131.

²⁰¹ - См. у проф. Н. Н. Глубоковского, О Квириниевой переписи, стр. 36–39.

²⁰² - Tertulliani Adv. Judaeos IX (Migne lat. II, col. 624): fuit enim de patria Bethlehem et de domo David, sicut apud Romano in censu descripta est Maria, ex qua nascitur Christus.

²⁰³ - R. S. Bour, L'inscription de Quirinius, p. 26.

²⁰⁴ - Prof. Th. Zahn, Das Evangelium des Lukas 1, S. 127–129.

²⁰⁵ - Rev. A. Plummer, A Commentary, p. 51. и в A Dictionary of the Bible ed. by J. Hastings IV, p. 1835. Ср. Prof. T h. Zahn, Das Evangelium des Lucas 1, S. 134–135, и проф. М. Д. Муретов в „Прибавлениях к Творениям св. отцев“ 1884 г., ч. XXXIV40; стр. 650.

²⁰⁶ - Prof, W. M. Ramsay в „The Expositor» 1897, VI, p. 431, и Was Christ born at Bethlehem? p. 238, 246.

²⁰⁷ - Так, Dr, Carl Mommert думает, что Квириний был наместником Сирии в 748–750 т. г. после Сатурнина и перед Варом (Zur Chronologie des Lebens Jesu, S. 194).

²⁰⁸ - Ср. и Prof. E. Schürer, Geschichte des jüdischen Volkes I5, S. 556.

²⁰⁹ - См. Dr. Jul. Röttig, Der Evangelist Lucas als Kenner der Verhältnisse seiner Zeit; zweite Auflage в Halle a. S. у Eugen Strien без даты.

²¹⁰ - T h. Vogel, Zur Charakteristik . . . , S. 218–19.

²¹¹ - T h. Vogel, Zur Charakteristik . . . , S. 215.

²¹² - Prof. Ad. J ü l i c h e r, Einleitung in das N. T., S. 207.

²¹³ - См. у Prof. Paul Ewald в Realencyklopädie XI3, S. 694 – 695.

²¹⁴ - Prof. Ad. Harnack: Die Apostelgeschichte, S. 681 ; Lukas der Arzt, S. 80.

²¹⁵ - См. ft. R e s c h в „Jahrbücher für deutsche Theologie» 1876, S. 659. Тоже H. J. Holtzmann, Simons, Scholten и др. См. и

Prof. James Moffatt, An Introduction, p. 281 о „law of parsimony» у св. Луки.

²¹⁶ - См. Rud. Cornely, Introductio specialis in singulos Novi Testamenti libros, p. 112–113, not. 3.

²¹⁷ - Cp. Rev. A. Plummer, p. XLI.

²¹⁸ - См. Rev. A. Plummer, p. XLVIII.

²¹⁹ - Cp. Proff. J. H. Moulton and George Milligan, A Vocabulary of the Greek Testament, p. 236–237.

²²⁰ - Prof. Moritz von Aberle в „Theologische Quartalschrift» 1863, S.94,1 ff.

²²¹ - См. у Prof. James Moffatt, An Introduction, p. 304.

²²² - J. I. Still, St. Paul on Trial: New Reading of the History in the Book of Acts and the Pauline Epistles, London 1923.

²²³ - Prof. M. v. Aberle, Einleitung in das N. T., S. 62 ff.

²²⁴ - Prof. Paul Schanz, Commentar über das Evangelium des heiligen Lucas, S. 5,6. Для Книги Деяний см. John Kelman в „The Expository Times» XIII, 2 (November 1901), p.77a .

²²⁵ - Prof. Joh. Ev. Belser, Einleitung in das N. T., S. 2132 и ср. 125, 146, 169.

²²⁶ - Th. Vogel, Zur Charakteristik..., S. 245–46.

²²⁷ - Cp. у Arnold Meyer, Die Moderne Forschung über die Geschichte des Christentums (Freiburg i. Br. 1898), S. 63. А Prof James Moffatt прямо констатирует насчет Луки (An Introduction, p. 281), что „one of the most assured results of recent research is that he was not Paulinist, masquerading as a historian».

²²⁸ - Cp. Prof. Ad. Jülicher, Einleitung in das N. T., S 203–204, 263.

²²⁹ - Cp. Th. Vogel, Zur Charakteristik..., S. 211.

²³⁰ - Prof. Th. Zahn. Einleitung in das N. T. II3, S. 414 ff. Prof. James Moffatt, An Introduction, p. 300.

²³¹ - Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 101: „Er (Lucas) ist kein Pauliner, aber er zeigt ganz deutlich, dass er den Paulinismus kennt und aus ihm schöpft».

²³² - Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 181, хотя „durch den Ausdruck 'Ιουδαίοι τε καὶ Ἕλληνες ist Lucas als Pauliner

charakterisiert» (S. 56)...

²³³ - Prof. Ad. Harnack, Lucas der Arzt, S. 103.

²³⁴ - Cp. y Prof. Paul Ewald в Realencyklopädie XI3, S. 694.

²³⁵ - Так Prof. P. W. Schmiedel в „Theologische Literaturzeitung» 1897 г., Nr. 27.

²³⁶ - Prof. Ad. Jülicher, Einleitung in das N. T., S. 205–206.

²³⁷ - Cm. Rev. A. Plummer, p. XXV-XXVI.

²³⁸ - T h. Vogel, Zur Charakteristik..., S. 229.

²³⁹ - Cp. Rev. A. Plummer, p. XXXIII.

²⁴⁰ - in Ascens. Dom, et in princ. Act. II (M. gr. LII, 782).

²⁴¹ - Th. Vogel, Zur Charakreristik..., S. '38. Prof. Joh. Ev. Belser, Einleitung in das N. T., S. 2110, 119, 133.

²⁴² - Prof. Joh. Ev. Belser ibid., S. 2133.

²⁴³ - Prof. T h. Zahn, Einleitung in das N. T. II3, S. 2340: „Theophilus ein kaiserlicher Statthalter gewesen und wie Serguis Paulus(AG 13, 7) in solchem Amt stehend Christ geworden sei“.

²⁴⁴ - Prof. Fr. Godet, Kommentar zu dem Evangelium des Lucas, S. 2XXVI.

²⁴⁵ - Prof. C. F. S. Nösgen в „Studien und Kritiken» 1871.

²⁴⁶ - Ant. Beck, Der Prolog des Lukas – Evangeliums» S. 19 ff., 23 ff.

²⁴⁷ - Cp. Rev A. Plummer, p. XXXIII.

²⁴⁸ - Prof. Paul Ewald в Realencyklopädie XI3, S. 695, а против cero см. Dr. Anton Beck, Der Prolog des Lucas – Evangeliums, S. 13.

²⁴⁹ - Prof. T h. Zahn, Einleitung in das N. T. II3, S. 365– 366. Prof. Paul Ewald в Realencyklopädie XI3, S. 695.

²⁵⁰ - Dr. Anton Beck, Der Prolog des Lukas-Evangeliums, S. 12 ff.

²⁵¹ - Посему Prof. Fr. H. Chase допускает, что Евангельский пролог относится и к книге Деяний (The Credibility of the Acts of the Apostles, p. 16). См. выше стр. 31. 32,1 .

²⁵² - Prof. T h. Zahn, Einleitung m das N. T. II3, S. 366. Dr. Anton Beck, Der Prolog des Lukas-Evangeltums, S. 14–15.

²⁵³ - Prof. Paul Schanz, *Commentar uber das Evangelium des heiligen Lucas*, S. 57.

²⁵⁴ - В этой связи важно и различие λόγος от πράγμα (см. выше стр. 68), ибо при тождестве и слиянии их получилось бы, что Феофил был мало осведомлен даже в элементах нового исповедания, или считал сомнительными самые христианские факты.

²⁵⁵ - Cp. Rev. A. Plummer, p. XXXIII.

²⁵⁶ - Cp. Rud. Cornely, *Introductio specialis in singulos N. T. libros*, p. 136.

²⁵⁷ - Cp. Rev. A. Plummer, p. XXXIII sq.

²⁵⁸ - Prof. Fr. Blass, *Evangelium secundum Lucam* (Lipsiae 1897), p. VII-VIII.

²⁵⁹ - Prof. Ad. Harnack, *Die Apostelgeschichte*, S. 9,1.

²⁶⁰ - Так прежде и Prof. Ad. Harnack, *Geschichte der alt-christlichen Litteratur bis Eusebius II.*, (Leipzig 1897), S. 248.

²⁶¹ - В пользу ранней даты (до смерти Апостола Павла) для третьего Евангелия и книги Деяний аргументирует и Prof. Ad. Harnack в *Neue Untersuchungen zur Apostelgeschichte und zur Abfassung der synoptischen Evangelien* (Leipzig 1911), S. 85–86.

²⁶² - В этом случае указываюся такие даты: 80-е годы (Prof. Paul Ewald в *Realencyclopädie* XI, S. 703), после разрушения Иерусалима, однако до 80 года, приблизительно около 75 года. (Prof. Th. Zahn, *Einleitung in das N. T.* II, S. 439–441), по разрушении Иерусалима (Prof. Ad. Harnack, *Geschichte der alt-christlichen Litteratur*, II, 1, S. 248) между 78 и 93 годами, но ближе к 80-му (S. 250, 651, 653), при чем Лука мог быть в живых около 90 года (S. 653), в период 75–80 г. г. (Rev. A. P. U. T. t. e. g., *A Commentary*, p. XXXI–XXXII) или 78–93 г. г. (Rev. A. Plummer в „*The Critical Review*» XII, 6: November, 1902, p. 499–500), даже между 80 и 120 г. г. (Prof. Ad. Jilicher, *Einleitung in das N. T.*, S. 206).

²⁶³ - Prof. Joh. Ev. Belser навывает 61–62 г. для Евангелия и 63 г. для книги Деяний (*Einleitung in das N. T.*, S. 2126–127).

²⁶⁴ - Cp. Prolog, у Wordsworth-White I, p. 269, 271.

²⁶⁵ - Th. Vogel, *Zur Charakteristik...*, S. 227.

²⁶⁶ - О новых опытах отрицания принадлежности третьего Евангелия Луке см. и у Rev. A. Plummer в „The Critical Review» XII,6 (November,1902), p. 485 sq., 489 sq.

²⁶⁷ - Новейшие авторитеты в пользу сего см. у Rev. A. Plummer в „The Critical Review» XII, 6 (November, 1902), p. 494 sq.

²⁶⁸ - О новейших суждениях в этом смысле см. у Rev. A. Plummer в „The Critical Review» XII, 6 (November, 1902), p. 489–490, 498–499.

²⁶⁹ - См. подробнее у Prof. Friedrich Bleek, Einleitung in das Neue Testamenti; vierte Auflage besorgt von Prof. Wilhelm Mangold (Berlin 1886), S. 148–163.

²⁷⁰ - Prof. Ad. v. Harnack, Das Magnificat der Elisabet u. s. w., S. 10–15 (547–552) против P. Corssen'a. См. еще подробнее у Lie. Dr. Hellmuth Zimmerman n. Evangelium des Lukas Kap. 1 und 2: ein Versuch der Vermittlung zwischen Hilgenfeld und Harnack в „Studien und Kritiken» 1903, II, S. 250–263 („Ansdruck und Sprache in Luk 1 u. 2 ganz lukanisch sind“). Ограничения у Prof. F r. S p i l l a, Das Magnificat, S. 78–83.

²⁷¹ - См. в „Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde des Judentums» 11 (1901), 1, S. 53 – 57. Ср. еще у Prof. F r. S p i l l a, Das Magnificat, S. 66,1 . Prof. James Moffatt, An Introduction, p. 268–270.

²⁷² - См. „Zeitschrift für neutestamentliche Wissenschaft» II (1901), 1, S. 57.

²⁷³ - В виду сего и Н. Zimmermann признает (в „Studien und Kritiken» 1903, II, S. 374), что идея сверхъестественного рождения и бессеменного зачатия Иисуса внесена самим Лукою в утилизируемый им иудейско-христианский источник.

²⁷⁴ - Так, напр., и в № 1 Афонской Лавры (Gregory Evang. 1074) XII -XIII в.: см. у Prof. Kirsop Lake, Texts from Mount Laura в Studia Biblica et Ecclesiastica V, 2 (Oxford 1902), p. 175.

²⁷⁵ - Probleme im Texte der Leidensgeschichte Jesu. Sonderabdruck aus „Sitzungsberichten der K. Pr. Akademie der Wissenschaften» zu Berlin; Philos.histor. Classe XI (1901), S. 1–5 = 251–255.

²⁷⁶ - Ibid. S. 5–11 = 255–261.

²⁷⁷ - См. „Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft» III (1903), 3, S. 256.

²⁷⁸ - Das Magnificat der Elisabeth (Luc. 1, 46–55) nebst einigen Bemerkungen zu Luc. 1 und 2; „Sonderabdruck aus „Sit. zungsberichten» u. s. w. XXVII (1900), S. 1 ff. = 538 ff.

²⁷⁹ - См. „The Hibbert Journal» I, 1 (October 1902), p. 163. Prof. F. R. Spitta, Das Magnificat, ein Psalm der Maria und nicht der Elisabeth в Theologische Abhandlungen für H. J. Holtzmann (Leipzig und Tübingen 1902), S. 63 ff. H. A. Kostlin в Realencyklopädie XIII (Leipzig 1903), S. 72 – 73. Alfred Loisy в „Revue d'histoire et littérature religieuse» 1903, № 3, p. 288 (о Lepin), 289–292 (о Harnack). Prof. James Moffatt, An Introduction, p. 271 – 272.

²⁸⁰ - H. A. Kostlin в „Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft» 111 (1902), 2, S. 142–145.

²⁸¹ - Prof. Fr. Spitta, S. (9–) 93.

²⁸² - Можно согласиться с P. Hugo Bevenot (Alte und neue Lukanische Quellen в „Theologische Quartalschrift» 1929, IV, S. 443–445), что гимнология Луки взята из литургического употребления.

²⁸³ - См. Westcott and Hort II, p. 52 в Notes.

²⁸⁴ - Prof. Ad. Harnack, Das Magnificat, S. 15, 19 = 552, 556.

²⁸⁵ - Prof. Ad. Harnack, Das Magnificat, S. 10, 19 = 547, 556.

²⁸⁶ - Cp. Le Magnificat, doit-il être attribué à Marie ou à Elisabeth? par M. Lepin. Lyon 1902; Prof. Fr. Spitta, Das Magnificat, S. 64 ff., хотя второй автор высказывает, что этот гимн первоначально не принадлежал к составу теперешнего комплекса первой главы третьего Евангелия, а ходил отдельно, в виде особого псалма, который Лука внес в свою композицию, усвоив его Богородице (S. 88, 90).

²⁸⁷ - Так Prof. Ad. Harnack, Problem u. s. w., S. 4, 15–16 = 254, 265–266, и Fred. C. Conybeare в „The Hibbert Journal» I, (October 1902) p. 112.

²⁸⁸ - Evangelium secundum Lucam, sive Lucae ad Theophilum liber primus. Secundum formam quae videtur Romanam edidit Fridericus Blass. Lipsiae 1897.

²⁸⁹ - Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II3, S. 350–351. Ср. еще Rev. A. Plummer в „The CriticalReview» XII, (289) (November, 1902), p. 500–501.

²⁹⁰ - Prof. Ad. Harnack, Lucas der Arzt, S. 100

²⁹¹ - Joh. G. Herder, Vom Erloser der Menschen (Riga 1795), S. 218 у Prof. Th. Zahn, Einleitung in das N. T. II3, S. 398–23

²⁹² - Rev. A. P l u m m e r, A Commentary on the Gospel according St. Luke, p. XL1I1. Ср. Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 109 – 110

²⁹³ - Rev. A. Plummer, p. 371.

²⁹⁴ - См. Lic. Dr. Hellmuth Zimmermann, Lukas und die Johanneische Tradition в „Studien und Kritiken” 1913, IV, S. 586–605 Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S 159, 160. См. и выше на стр 49.

²⁹⁵ - Ср и Theodor Vogel, Zur Charakteristik des Lukas nach Sprache und Stil, S. 251.

²⁹⁶ - Th. Vogel, Zur Charakteristik..., S. 235.

²⁹⁷ - Prof. Ad. Harnack, Lukas der Artzt, S. 80, 146.

²⁹⁸ - См. у Rev. A. Plummer, p. XLVI-XLVII.

²⁹⁹ - Позднейшие известие Никифора Каллиста (XIV в. в h. e. II, 43), Симеона Метафраста (около 1100 г.) и Минолопие (от 980 г.) императора Василие VI-го подкрепляются свидетельством церковного историка (повидимому, VI века) Феодора Чтеца (Collectan. I,1: M. gr. LXXXVI, col. 165), что императрица Евдокия (около 440 г.) послала в Константинополь своей дочери Пульхерии, жене Феодосия II, найденный в Иерусалиме образ Богоматери (Θεομήτωρ), писанный Апостолом Лукою, откуда – вопреки скептицизму многих (Prof. Paul Schanz, Commentar über das Evangelium des heiligen Lucas, s 3 u. Anm. 4 – 5. Rud. Cornely, Introductio specialis in singulos N. S. libros, p. 121, not. 4) – заключают, что по крайней мере „the Jegenda has a strong element of thruth» (Rev. A. Plummer, p. XXII и ср. XLV1). Допустить здесь зерно исторической правды гораздо естественнее, чем видеть тут сплошное недоразумение, которое Prof. Th. Zahn объясняет так (Einleitung in das N. T. 11, S. 1337:6; 3341): у Нила (ep. IV, 61) ἱστορία : суть живописные

изображения и у византиков ἱστορεῖν тождественно с ζωγραφεῖν; поэтому и слова Феодора Чтеца τὴν εἰκόνα τῆς θεοτόκου, ἣν ὁ ἀπόσιολος Λουκάς καθιστόρησεν, конечно, относятся к художественности литературного воспроизведения. Все это слишком тонко и легко обрывается обратным предположением, что данная интерпретация представляется лишь изошренным перетолкованием термина καθιστόρησεν и не имеет под собою никакого исторического основания.

³⁰⁰ - Th. Vogel, Zur Charakteristik..., S.234.

³⁰¹ - Th. Vogel, Zur Charakteristik..., S. 235–36.

³⁰² - Th. Vogel, Zur Charakteristik..., S. 251 f.

³⁰³ - Th. Vogel, Zur Charakteristik..., S.252.

³⁰⁴ - Prof. Ad. Harnack, Lukas der ftrzt, S. 80 ff.

³⁰⁵ - Prof. Joh. Evang. Belser, Einleitung in das N. T. S. 2136, 138.

³⁰⁶ - Prof. Joh. Evang. Belser, Einleitung in das N. T. S.2 137.

³⁰⁷ - Cp. Prof. W. M. Ramsay, St. Paul the Traveller and the Roman Citizen, p. 2, 3, 20, 21. Rev. A. P l u m m e r, p. XLVIII

³⁰⁸ - Cp. Prof. Paul Ewald в Realencyklopadie XI3, S. 697.

³⁰⁹ - Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichtë Untersuchungen (Leipzig 1908), S. 87.

³¹⁰ - Так, напр., Credner, Ewald, Meyer, Jacobsen, Fr. Spitta, И. П. Николин (стр. 338).

³¹¹ - St. Paul the Traveller and the Roman Citizen (London 1896), p. 27–28.

³¹² - Cm. Prof. Th. Zahn. Einleitung in das N. T. II, S1 369–371; 2375 – 377. Th. Vogel, Zur Charakteristik des Lukas..., S248.

Сходно и Privatdor. Arnold Rüegg, Die Lukasschnften und Raumzwang des antiken Buchwesens и „Studien und Kritiken“ 1896, I, S. 95, 101.

³¹³ - Ο πρῶτος и πρότερος, сравнительной и превосходной степени у Луки см. и „The Expositor» 1904, VIII, p. 133.

³¹⁴ - См. еще Ant. Beck, Der Prolog des Lukas-Evangeliums (Amberg 1900), S. 42. Prof. Joh. Evang. Belser, Einleitung in das N.

T, S. 2126–127. Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 50.
Prof. James Moffatt, An Introduction, p. 286.

³¹⁵ - Сжатое изложение этого вопроса см. в статье проф. Otto Zöckler'a, Die Apostelgeschichte als Gegenstand hoherer und niederer Kritik в „Greifswalder Studien» (Gütersloh 1895), S. 109 ff. Ср. И. П. Николин, Деяния святых Апостолов, стр. 1 сл. Проф. Д. И. Богдашевский (архиеп. В а с и л и й), Опыты по изучению Священного Писания Нового Завета, вып. II: Книга Деяний Апостольских (Киев 1911), стр. 46 сл.

³¹⁶ - Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte S. 302.

³¹⁷ - Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 9.

³¹⁸ - Так называет ее проф. Д. И. Богдашевский (архиепископ Василий), Опыты по изучению Священного Писания Нового Завета, вып. II, стр. 47, 6.

³¹⁹ - Das Lukasevangelium und die Apostelgeschichte Werke desselben Verfassers (Halle a. S. 1880), где основной тезис аргументируется вполне убедительно, хотя статистика разных сближений не всегда исправна.

³²⁰ - Acta apostolorum (Göttingen 1895), p. 14 squ.; его же Philology of the Gospels, London 1898. См. еще T h. Vogel, Zur Charakteristik des Lukas nach Sprache und Stil (eine Laienstudie), Leipzig 1897; zw. Aufl. ibid. 1899.

³²¹ - См. Prof. Friedrich Blass. Grammatik des Neutestamentlichen Griechisch, Göttingen 1895, S. 3 ff.; 2 Aufl. ibid. 1902, S. 3 ff.

³²² - E b. Nestle даже не находил (в „Philologus» LIX за 1900, S. 46 ff.) у Дееписателя отголоски Еврипидовской речи, но Prof. A lbert Thumb высказал (Die griechische Sprache im Zeitalter des Hellenismus, Strassburg 1931, S. 226), что в этих пунктах был общий источник в языке народном, из которого индивидуально черпали оба – и Еврипид и новозаветный автор.

³²³ - См. у Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S 206

³²⁴ - Prof. Ad. Harnack ibid., S. 205.

³²⁵ - Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 15 Anm.

³²⁶ - Обзор новой литературы о достоверности книги Деяний (Chase, Selwyn, Benson, Bartlet, Backman, Bernard) см в

„The Church Quarterly Review» LV, 110 (January 1903), p. 388 – 403, а в пользу ее (против P. Schmiedel'я) см. *ibid.* LIII, 105 (October 1901), p. 8 sqq.

³²⁷ - См. H. Coppieter s, *De historia textus Actorum Apostolorum* Ti. Lovani 1912, а к сему ср. „Revue d'histoire ecclesiastique» IV, 3 (15 Juillet 1903), p. 471–476.

³²⁸ - О нем см. еще у Fr. Blass, *Zur Codex D in der Apostelgeschichte* в „*Studien und Kritiken*» 1898, III S.532–542, где чтение некоторых мест проверено по оригиналу сравнительно с типографским изданием (в 1864 г.) Scrivener'а; но в 1899 году в Кембридже выпущено (в двух томах, фототипическое воспроизведете кодекса Безы. См. и Pastor Ferdinand Graefe, *Der Codex Bezae und das Lukasevangelium: textkritische Bemerkungen zum Lukasevangelium* в „*Studien und Kritiken*» 1898, I, S. 116 140.

³²⁹ - См, еще *M"scellanea Cassinense. . . per cura Dei P. Benedittini di Montecassino Tipografia di Montecassino 1897*. Здесь в „*Anonimi de prophetis et prophetiis*» (p. 17 – 23 в patris tica) ex cod. Sangallensi 133 sacr. IX усматриваются совпадения с D August, p. в Деян. XI, 27–28 (p. 21: congregatis autem nobis, surgens ex illis nomine Agabus) и XIX, 2 –7. См. и у Prof. Ad. Harnack в „*Theologische Literaturzeitung*» 1898, 6, Sp.71 – 173.

³³⁰ - Возможную – при наличном материале – реконструкцию его дает *Acta Apostolorum sive Lucae ad Theophilum liber alter: secundum formam quae videtur Romanam edidit Fridericus Blass, Lipsiae 1895*. См. и Prof. Theodor Zahn, *Die Urausgabe der Apostelgeschichte des Lucas в Forsch mgen zur Geschichte des neutestamentlichen Kanons und der altchristlichen Litteratur*, 9, Teil, Leipzig 1916.

³³¹ - Prof. F r. Blass 11, 28: ἔφη δέ προς αὐτούς – „ἐγείρατέ με ἀπ' ὅ τῆς γῆς“. Καί ἐγεί αντων αὐτόν, ουδέν εβλεπεν ανεωγμένων των ὀφθαλμων.

³³² - Так и по славянски в *Actus Epistolaeque Apostolorum palaeoslavenice ad fidem codicis Christinopolitani saeculo XII scripti edidit Prof. Aemilianus Kaluzniacki (Vindobonae 1896)*, p. 33: „Прибывающема же и учаицема . . .”

³³³ - Four Lectures in the Western Text of the New Testament, London 1893.

³³⁴ - См. его труды: The Church in Roman Empire before A. D. 170 St. Paul the Traveller and the Roman Citizen.

³³⁵ - Die Apostelgeschichte, S. 97 ff.

³³⁶ - Lukas der ftrzt, S. 73. Prof. James Moffatt, An Introduction, p. 311: „Such phenomena (cases of displacement due to co iyists) taken together with the fact that by the midil le of the second century (i. e. within fifty years of its compeo, sition) divergent recensions of the text were current, might suggest thaf Luke did not publish the book himself, whMelhe roughnesses of the extant text, which have set correctors early at work, prompt the conjecture that the author did not mänge to revise his δεδτερος Λόγος for purposes of publication».

³³⁷ - См. у Semler, J. J. Wetstenii libelli ad crisin atque interpretationem Novi Testamenti, Halis 1766, p. 8: „Clericus jam olim, nomine Critobuli Hierapolitani usus, fere fuit in haesententia, Lucam bis edidisse Actus. Nec Hemsterhusius alienus fuit ab hac sententia, forte bis Apostolus quaedam scripsisse».

³³⁸ - Die zwiefache Textüberlieferung in der Aposteigeschichte в „Studien und Kritiken» 1884, 1, S. 86–119. De duplici forma Actorum в „Hermathena» XXI, p. 121 – 143. Ueber die verschiedenen Textformen in den Schriften des Lukas в „Neue Kirchliche Zeitschrift» 1895, IX, S. 712 – 725. Neue Textzeugen für die Aposteigeschichte в „Studien und Kritiken» 7896, 111, S. 436–471. Acta Apostolorum sive Lucae ad Theophilum lieber alter: editio philological apparatu critico, commentario perpetuo, indice verborum illustrata, Göttingen 1895. Acta Apostolorum sive Lucae ad Theophilum liber alter: secundum formam quae videtur Romanam, Lipsiae 1896. Philology of the Gospels, London 1898. Zu den zwei Texten der Aposteigeschichte в „Studien und Kritiken“ 1900, I, S. 5 – 28. О движении этого вопроса см. у Prof. Otto Zockler в „DerBeweis des Glaubens» 1896, S. 438 ff.; 1898, I, S. 28–35; Pastor Ferdinand Graefe, Die Doppelausgabe der Schriften des Lukas: Sonderabdruck aus der Kirchlichen Monatsschrift в Hefte für

evangelische Weltanschauung und christliche Erkenntnis, I. Serie, Nr. 6.

³³⁹ - Об этом см. у Theodor Birth, Das antike Buchwesen in seinem Verhältniss zu Litteratur, Berlin 1889 (и в изложении проф. Ап. ГИ. Лебедева в Прибавлениях к Творениям св. отцев“ XXXVII т. за 1888 г., кн. 1, стр. 153–252: „Профессия церковного писателя и книжное дело в древне- христианское время»), а о значении сего в отношении писаний св. Луки см. Arnold Rüegg в „Studien und Kritiken» 1896, I, S. 94 ff.; ср. Prof. Ad. Harnack, Geschichte der altchristlichen Litteratur 11, 1, S. 247, i.

³⁴⁰ - Ср. T h. B i r t h, Das antike Buchwesen, S. 57 ff.

³⁴¹ - Эти примеры см. у Prof. Fr. Blass, Acta Apostolorum I, p. 32; II, p. VI, 96; Joh. Dräseke в „Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie» 1894, II, S. 192–206; O. Zöckler в „Greifswalder Studien», Gütersloh 1895, S. 132–133; Eb. Nestle, Philologia sacra, 1896, S. 43.

³⁴² - См. о The Vision of Piers Plowman у Edw. M. Thompson, Handbook of Greek and Latin Palaeography (London 1894), p. 290, и в диссертации O. Mensendieck k'a, Charakterentwicklung und ethisch-theologische Anschauungen des Verfassers von Piers the Plowman (Leipzig 1900).

³⁴³ - См. Joh. Dräseke в „Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie» 1894, II, S. 192 – 206, и в „Wochenschrift für klassische Philologie» 1895, Nr. 23; Prof. Ad. Julicher, Einleitung in das N. T., Freiburg i. Br. und Leipzig 1894, S. 271; G. Salmon, Introduction to the Study of the N. T., Dublin 1894, p. 597 sqq., и в „Hermathena» XXI, p. 225–242; C. Weymann в „Historisches Jahrbücher der Görresge- sellschaft» 1894, S. 906 ff.; C. Holzhauer в „Evangelische Kischenzeitung» 1895, Nr. 17; E b. Nestle, Philologia sacra, S. 38 ff., 55–56, в „Christliche Welt» 1895, Nr. 13–15 (ср. „The Expositor» 1895, IX, p. 235 sqq.) и в „Studien und Kritiken» 1896, I, S. 102 ff.; O. Zöckler в „Greifswalder Studien» 1895, S. 109–145, и в „Der Beweis des Glaubens» 1896, XI, S. 438 ff.; Prof. Joh. E v. Belser в „Biblische Studien» I, 3 (Freiburg im Breisgau 1896), S. 140–145, и в „Theologische Quartalschrift» 1896, III, S. 493; H. Trabaut в „Revue de theologie et de philosophie» 1896, IV, p. 378–

386; H.J. W h i t e в „The Critical Review» 1896, 111, p. 246; Prof» P. E w a l d в Realencyklopadie XI. S. 704; T h. Vogel, Zur Charakteristik des Lukas..., S.2 70; Prof. T h. Zahn, Einleitung in das N. T. II2, S. 341 ff., и в Forschungen zur Ge- schichte des neutestamentlichen Kanons IX, Leipzig 1916; Prof. Ad. Hilgenfeld, Nachwort zu Acta apostolarum graece et latine в „Zeitschrift fur wessenschaftliche Theologie» XLI (N. F. VII), 3 (1899), S. 382–399 (466).

³⁴⁴ - Cp. „Theologischer Jahresbericht» XV. 1 (Braunschweig 1896), S. 122–125. Arnold Meyer, Die moderne Forschung iiber die Geschichte des Urchristentums (Freiburgi. Br. 1898), S. 26. ..Revue biblique international» VII (1898),–2, p. 288. „The Church Quarterly Review» LII), 105 (October 1901), p. 7–8. D. Heinrich Appel, Einleitung in das N. T. (Leipzig 1922), S. 170, 178. Prof. Dr. Paul F e i n e, Einleitung in das N. T. (Leipzig 1923), S. 78–79. Prof. James Moffat t, An Introduction, p. 309–311.

³⁴⁵ - См. у F r. Blass в „Studien und Kritiken* 1909, I, S. 11, 19.

³⁴⁶ - Отсюда легко объясняется, почему реконструкции обоих типов получаются рязличные, напр., у Ad. Hilgenfeld'a иFr. Blass'a, на что специально – и напрасно-указывает Prof. James Moffat t, An Introduction, p. 3310.

³⁴⁷ - См. -The Expositor» 1895, 111, p. 213 sqq.

³⁴⁸ - См. Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 48, i,

³⁴⁹ - Prof. Ad. Harnack: Lukas der Arzt, S. 111 – 112: Die Apostelgeschichte, S. 151 – 152, 185.

³⁵⁰ - Prof. Ad. Harnack: Lukas der Arzt, S. 97; Die Apostelgeschichte, S. 122–123.

³⁵¹ - Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 152, 157.

³⁵² - Prof. Ad. H a r n a c k, Die Apostelgeschichte, S. 119, 122.

³⁵³ - Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 84–85.

³⁵⁴ - Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 131.

³⁵⁵ - Таковы, напр., описания морского путешествия в Рим, о чем см. J a m e s Smith, The Voyage and Shipwreck ol St. Paul with Disserfations on the Life and Writings of St. Luke, and the Ships and Navigation of the Ancients (fourth Edition), revised and corrected by Walter E. Smith, with a Preface by the Lord Bishop of

Carlisle and a Memoir of the Autor), London 1880; Dr A. B r e u s i n g, Director der Seefahrtschule im Bremen, Die Nautik der Alten, Bremen 1886.

³⁵⁶ - Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S 121.

³⁵⁷ - Prof. A d. Harnack, Neue CJutersuchungen zur Apostelgeschichte, S 55.

³⁵⁸ - Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S.180–181.

³⁵⁹ - См. и Rev. P. Mordaunt Barnard в „The Expositor“ 1899, IV, p. 317–320. Note on Acts IX. 19 ff.

³⁶⁰ - C. D. Chambers, ср.внивая Деяния с другими греческими, писаниями „священными» и светскими, – приходит к убеждению что „Luke imposed imn himself a strict economy in language»: см. „The Journal of Theologíal Studies» за март 1924 г.

³⁶¹ - См. для сего и G e o. W. C 1 a r k, Harmony of the Rets of the Apostles Philadelphia 1897.

³⁶² - Как известно, некоторые заходят в этом отношении столь далеко, что готовы усвоить самому Апостолу Павлу и книгу Деяний и третье Евангелие. См., напр., Howard Heber Evans, Saint Paul the Autor of the Acts of the Apostles and the Third. Gospels, London 1884.

³⁶³ - В определении времени для отозвания Феликса существуют немалые колебания (о чем см. Prof. E. Schurer, Geschichte des judischen Volkes I2, S. 483 ff.; I3. S. 577 ff. и ср. Prof. Ad. Harnack, Geschichte der altchristlichen Litteratur bis Eusebius. Zweiter Theil (Chronologie), erster Band: Die Chronologie der Litteratur bis Irenaeus nebst einleitenden Untersuchungen. Leipzig 1897. S. 233). Большинство принимают 60-й год, но некоторые предполагают раннейшие даты Kellner-ноябрь 54 г.. Val. Weber и O. Holtzmann – 55-й, Fr. Blass и fld. Harnack – 56-й.

³⁶⁴ - Ср. Prof. Theodor Mommsen, Romische Geschichte V, S. 525.

³⁶⁵ - Даты Евсевия, с которыми точно совпадают хронологические вычисления проф. Oscar Holzmann'a, всецело защищал и Ad. H a r n a c k (Geschichte der altchristlichen Litteratur bis Eusebius Ib 1, S. 334 ff.), соответственно чему располагались у него и факты жизни Апостола Павла (S. 237 ff.): обращение в

30 году (по смерти Христовой или чрез год после нее), первое посещение Иерусалима – в 33 м, Апостольский собор – в 47-м, арест – в 54 (53)-м, заключение в Кесарии – в 54(53)-м – 56(55)-м. Этот ученый базировался на том факте (S. 235), что Паллант (Pallas) лишился своего значения при дворе в феврале 56 г. (Tacit. Annal. XIII, 14–15). Но 1) эта датировка совсем не бесспорна, ибо получается путем произвольной поправки (см. Prof. Th Zahn, Einleitung in das N. T. II 3, S 618 –649) XIV-й годовщины рождения Британника на XV-ю (S. 238), и 2) сам Гарнак соглашается (S. 233), что Паллант не сразу потерял все влияние, которое (хотя бы и косвенно, чрез разные посредства) могло продолжаться и после, а тогда мы не имеем права утверждать, что он мог помогать Феликсу только и единственно около 56 года. Напротив, мы знаем, что Паллант был отравлен по приказу Нерона в 62 году и, следовательно, считался влиятельно-опасным лицом даже в это позднейшее время, почему его раннейшее заступничество могло сохранять свою силу в дружественных придворных кругах и после смерти, хотя в этом пункте у Иосифа Флавия, кажется, напутано. См. еще замечания у Prof. W. M. Ramsay в „The Expositor» 1897, III.

³⁶⁶ - Ср. Prof. Ad. Harnack, Geschichte der altchristlichen Litteratur II, 1, S. 235, 241.

³⁶⁷ - Ср. в нашей брошюре, О Квириниевой переписи по связи ее с Рождеством Христовым (Киев 1913), стр. 29–30.

³⁶⁸ - Ср. к сему свящ. И. И. Добронравов, Гонение Ирода Агриппы I-го на христиан: исторический комментарий к XII главекниги Деяний, Сергиев Посад 1911.

³⁶⁹ - См. Prof. E. Schürer, Geschichte des jüdischen Volkes I 2, S. 474; I 3, S. S. 67–568.

³⁷⁰ - Prof. W. M. Ramsay, St. Paul the Traveller and the Roman Citizen, p. 48 sqq.

³⁷¹ - Только у св. И. Златоуста (in Ascens. Domini et in principum Act. hom. II, 8: M. gr. LII, 780) и у патр. Фотия (ad Amphil. quaest. 123, ai. 145: M. gr. CI, 716) отмечается колебание, что книгу Деяний одни усвояли Клименту Римскому, другие Варнаве, третьи Луке, но здесь несомненно смешение с

посланием к Евреям, – смешение случайное и, может быть, даже не первоначальное, а обязанное позднейшей необдуманной корректуре или глоссе (у Златоуста) почему подлинность разумеемой гомилии иногда оспаривается), ибо никто и никогда ничего подобного о „втором слове» к Феофилу не высказывал.

³⁷² - Деян XX, 13, которое гласит, что „мы пошли вперед на корабль и поплыли в Асс, чтобы взять оттуда Павла“, у одного армянского комментатора читается так: „но Лука и те, кто со мною, ношли на борт», а поскольку фраза тут получается неясная и искомым лицом не мог быть Павел, которого надо было принять лишь потом, то Dr. .J. Rendel Harris вполне правдоподобно проектирует следующий текст: „но Я. Лука, и те, кто со м н о ю“. См. „The Expository Times» XXIV, 12 (September 1913) p. 530a- 531b, и ср. ibid. XXV, 1 (October 1913), p. 446.

³⁷³ - И прежде Prof. Ad. Harnack утверждал, что Деяния нужно относить к 80–93 г. г. (Ceschichte der altchristlichen Litteratur 11, 1, S. 250) или даже лишь чрез несколько времени по разрушении Иерусалима (Lukas der Arzt, S. 18).

³⁷⁴ - Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 5.

³⁷⁵ - Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 6.

³⁷⁶ - Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte. S. 49.

³⁷⁷ - Проф. о. Д И. Богдашевский (архиеп. Василий), Опыты по изучению Свящ. Писания Н. З., вып. II: Книга Деяний Апостольских стр. 78.

³⁷⁸ - См. выше на стр. 31, 321, 774.

³⁷⁹ - См. Prof. Joh. Evang. Belter, Einleitung in das N. T., Freiburg im Breisgau 1901, S. 123, zw. Aufl. ibid. 1905, S. 125.

³⁸⁰ - См. Prof. A d. Harnack: Die Apostelgeschichte, S. 220; Neue (Jntersuchungen zur Apostelgeschichte, S. 81 ff.

³⁸¹ - Prof. Ad. Harnack, Neue Untersuchungen zur Apostelgeschichte, R. 81.

³⁸² - Соответствующие примеры см. у Prof. F r. B l a s s ' a, Evangelium secundum Lucam (Upsiae 1897), p. VII -VIII.

³⁸³ - Нужно еще иметь в виду, что дрсвние „жизнеописатели» любили сосредоточиваться на последних

годах своих героев и часто в особенности останавливались на их смерти: см. у Prof. James M o f f a 11, An introduction, p. 629.

³⁸⁴ - Prof. Ad. Harnack, Neue Untersuchungen zur Apostelgeschichte, S. 81, 85.

³⁸⁵ -) Prof. Ad. Harnack: Die Apostelgeschishte. S. 219– 221; Neue Untersuchungen zur Apostelgeschichte, S. 63 ff.

³⁸⁶ -) Cp. Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte S. 15 См. и выше на стр. 113.

³⁸⁷ - Этот отдел составлен по трактату Prof. Percy Gardner, The Speeches of St. Paul in Acts в Essays on S Jme Bibiical Questions of the D y by Members of the uiversity of Cambridge ed. by Prof. H. B. S w e t e, London 1909, p. 378– 419. См. также соответствующие отделы въ диссертациях Ив. А. Ароболевского, Первое пугешествие св. Апостола Павла с проповедью Евангелия (Деян. XIII-XIV), Сергиев Посад 1900; о. Д. С. Глаголева, Второе великое путешествие св. Ап. Павла, Тула 1893; иеромонаха Г р и г о р и я (Борисоглебского), Третье великое благовестническое путешествие св. Ап. Павла, Сергиев Посад 1892; Н. Д. Протаслова, Св. Ал. Павел на суде у Феста и Агриппы (Деян. XXV – XXVI), Москва 1913. Проф. о. Д. И. Богдашевский, Опыты по изучению Свящ. Писания Н. З., вып. II, стр. 10 слл.

³⁸⁸ - Prof. Ad. Harnack, Lukas der Ar t. S.80.

³⁸⁹ - Prof. Ad. Harnack: Lukas der Arzt, S. 146; Die Apostelgeschichte, S. 74.

³⁹⁰ - Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 68.

³⁹¹ - Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 152: „Lukas ein Meister in der Nachbildung von Stilarten gewesen ist“.

³⁹² - Prof. Ad. Harnack, Lukas des Arzt, S. 80 ff.

³⁹³ - Cp. Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 100–102.

³⁹⁴ - Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 95.

³⁹⁵ - Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 95.

³⁹⁶ - Cp. Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 102.

³⁹⁷ - Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 110.

³⁹⁸ - Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 409: „Die Rede zu Milet ist somit höchst wahrscheinlich eine authentische Rede, soweit von der Authentie kurzer Referate die Rede sein kann“.

³⁹⁹ - Prof. James Moffatt, An Introduction, p. 305: „of the later speeches, that at Miletus is probably nearest to a summary of the original words of Paul».

⁴⁰⁰ - Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 109 Anm. 1.

⁴⁰¹ - См. и Prof. Ad. Harnack: Die Apostelgeschichte, S. 181; Neue Untersuchungen zur Apostelgeschichte, S. 58, 60–62

⁴⁰² - Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 110.

⁴⁰³ - См. у проф. Ф. И. Мищенко, Речи св. Ап. Петра в книге Деяний Апостольских, Киев 1907, и ср. об этой диссертации в «Богословском Вестнике» 1911 г., №№ 1, 2, 4, 5, 7–8, стр. 364–379, 754–771, 221–239, 467–492 „критические замечания» проф. М. Д. Муретова, а равно е г о ж е Древне-еврейские молитвы под именем Апостола Петра с приложениями: о литературных особенностях творений Ап. Петра и о значении термина католик», Св. Тр. Сергиева Лавра 1905.

⁴⁰⁴ - Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 6.

⁴⁰⁵ - См. Ф. И. Мищенко, стр. 349: „Мы видим между речами Ап. Петра в Деяниях и посланиями его удивительное совпадение в основных пунктах и духе учения. Как в речах Деяний, так и в посланиях веет один дух, господствует одно направление. Читая речи, мы находим в сущности те же воззрения, что и в посланиях. Одно только можно дать естественное объяснение такого поразительного сходства в учении – это то, что автор посланий должен был произнести и те речи, которые изложены в Деяниях. На наш взгляд внутреннее содержание речей дает убедительное доказательство принадлежности их по содержанию Ап. Петру».

⁴⁰⁶ - См. Ф. И. Мищенко, стр. 350: „В изложении речей, с одной стороны, выступают особенности, чуждые оригинальному стилю Деяний, и большею частью отвечающие характеру Ап. Петра и иногда прямо повторяющиеся в его писаниях. С

другой – чрез все речи в равной мере проходят обороты и выражения, несомненно принадлежащая перу св. Луки“.

⁴⁰⁷ - См. Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 84,,.

⁴⁰⁸ - См. Ф. И. Мищенко, стр. 353–354.

⁴⁰⁹ - Специально о ней см. трактат К. В. Орлова, Речь сз. Первомученика Стефана: ее общий характер, задача и содержание в „Богословском Вестнике» 1900 г., № 9 и 10, стр. 1–27, 167 – 188. Ср. еще у проф. о. Д. И. Богдашевского (архиеп. Василия), Опыты по изучению Свящ. Писания Н. 3., вып. II, стр. 15–16.

⁴¹⁰ - См. К. В. Орлов, стр. 188.

⁴¹¹ - Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 109.

⁴¹² - Prof. James Moffatt, An Introduction, p. 606, 631.

⁴¹³ - Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 16.

⁴¹⁴ - Проф. Ф. И. Мищенко, Речь св. Апостола Петра в книге Деяний, стр. 305.

⁴¹⁵ - По вопросу об исторической достоверности книги Деяний см. и „The Church Quarterly Review» LK, 105 (October 1901), p. 8 sqq. (против Schmiedel’H); LV, 113 (January 1903), p. 388– 405 (обзор годичной новой литературы).

⁴¹⁶ - Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 205.

⁴¹⁷ - Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 45.

⁴¹⁸ - Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 41.

⁴¹⁹ - Prof. Ad. Harnack, Neue Untersuchungen zur Apostelgeschichte, S. 80, 1.

⁴²⁰ - Sir W. M. Ramsay, The First Christian Century: Notes on Dr Moffatt, Introduction to the Literature of the New Testament (London 1911), p. 143–149.

⁴²¹ - Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 91.

⁴²² - Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 4, 6.

⁴²³ - ibid., S. 15.

⁴²⁴ - ibid., S. 5, 6.

⁴²⁵ - ibid., S. 2, 10.

⁴²⁶ - Prof. Ad. Harnack, Lukas der Arzt, S. 103.

⁴²⁷ - ibid. S, 102.

⁴²⁸ - Prof. Ad. Harnack, Die Apostelgeschichte, S. 224.

⁴²⁹ - ibid., S. 222.

⁴³⁰ - Prof. Ad. Harnack, Lukas der ftrzt, S. 117.

⁴³¹ - Prof. Fridericus Blass, Acta Apostolorum I, p.13.